АЛЬБЕРТ ЗЕРЕНДЕР
17 мгновений
РЕЙХСФЮРЕРА
Попаданец в Гиммлера
1943

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

⚠⚠⚠ВНИМАНИЕ! АХТУНГ! ¡ATENCIÓN!⚠⚠⚠

Книга строго антифашистская и патриотическая. Миссия героя — сломать германский нацизм изнутри, и герой выполняет свою миссию упорно и безжалостно. Никаких компромиссов с коричневой чумой, фашизм тут не пройдет!

Наш современник — сантехник Иван из Твери попадает в 1943 год, прямиком в тело всевластного рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Уровень сложности: ЖЕСТЬ. Иван не имеет памяти реципиента, википедии и уж тем более архивов Министерства Обороны в голове. Ноутбука не выдали, попаданец толком не знает истории, не знает даже немецкого языка. Зато Иван твердо знает, чего хочет: покончить с фашизмом, помочь нашим одержать победу в войне, построить новую Европу, свободную от гитлеризма. Справится ли? Задача кажется невыполнимой, но для сантехника 5-го разряда нет невыполнимых задач!

- 17 мгновений рейхсфюрера — попаданец в Гиммлера
  - Замок Вевельсбург, полночь
  - Замок Вевельсбург, 1 мая 1943 03:14
  - Берлин, Рейхсканцелярия, 1 мая 1943 07:29
  - Берлин, Рейхсканцелярия, 1 мая 1943 07:41
  - Берлин, клиника «Шарите», 1 мая 1943 08:18
  - Берлин, клиника «Шарите», 1 мая 1943 08:30
  - Берлин, клиника «Шарите», 1 мая 1943 08:57
  - Берлин, клиника «Шарите», 1 мая 1943 09:09
  - Берлин, округ Berlin-Mitte, 1 мая 1943 09:21
  - Берлин, округ Berlin-Mitte, 1 мая 1943 09:34
  - Мирные инициативы, Берлин, 1 мая 1943 10:07
  - Первое покушение, Берлин, 1 мая 1943 10:42
  - Три приказа рейхсфюрера, Берлин, 1 мая 1943 11:03
  - Король Генрих, Берлин, 1 мая 1943 14:45
  - Группа армий «Норд», Вырица, 2 мая 1943 5:12
  - Группа армий «Норд», Вырица, 2 мая 1943 5:31
  - СССР, Москва, Кремль, 2 мая 1943 13:49
  - Берлин, 2 мая 1943 13:58
  - Берлин, Шарлоттенбург, 2 мая 1943 14:35
  - Берлин, Мерседес, 2 мая 1943 15:12
  - Берлин, Бендлер-блок, 2 мая 1943 16:25
  - Берлин, 2 мая 1943 вечер
  - Италия, монастырь Монтекассино, 3 мая 1943 04:59

- Берлин, 3 мая 1943
- Берлин, фабрика «Алкетт», 3 мая 1943
- Концентрационный лагерь Равенсбрюк, 3 мая 1943 16:12
- Концентрационный лагерь Равенсбрюк, 3 мая 1943 17:00
- Концентрационный лагерь Равенсбрюк, 3 мая 1943 17:51
- Берлин, Главное управление СС, 3 мая 1943 19:43
- Nota bene

17 мгновений рейхсфюрера — попаданец в Гиммлера

Замок Вевельсбург, полночь

Я пришел в себя от того, что меня начали бить по щекам.

Били меня нежно, вяло, даже как будто трусливо. Хлоп-хлоп. Такое ощущение, что бьет ребенок.

Потом под нос мне сунули нашатырь, и вот тут я уже открыл глаза и вскрикнул.

— Отвалите!

Стоявшие вокруг меня люди перепугались.

— Er sagt! Er spricht die Sprache der alten Arier!

Так.

Говорят не по-нашему. Совсем не по-нашему, а вроде даже по-немецки. Вот только я в школе английский учил, так что не понимаю их.

Я лежал на мраморном полу, холодном и твердом. И глядел на мраморный потолок, отделанный витиеватым орнаментом. Впрочем, устроился я тут с комфортом — под голову мне кто-то подложил мягкую подушку.

Видимо, эту подушку под меня сунули, уже когда я лишился чувств.

А теперь чувства ко мне вернулись, а вот вернулся ли разум — хороший вопрос. Я ни хрена не понял, где я вообще нахожусь и с какой целью.

В круглом мраморном зале царила ночь, за большими окнами была темень, но зато на стенах горели факелы, а по полу были расставлены странные глиняные светильники.

Судя по всему — средневековье. Похоже, что я попал в какого-то барона.

— Помогите встать! — потребовал я.

Башка у меня кружилась, тело было слабым.

— Окно откройте, душно!

Встать мне помогли, они поняли, чего я хочу, потому что я протянул руку. А вот окно не открыли, местные обитатели не понимали по-русски.

— Chef, wie geht es Ihnen? Chef, welche Sprache sprechen Sie?

Люди вокруг меня тараторили на своем германском наречии, а я едва стоял на ногах — все еще шатало. В носу свербил нашатырь, которого я надышался, а в голове гудело.

И окошко, окошко так никто и не открыл!

Я огляделся. В центре зала на полу имелась мозаика — странный символ, вроде у эзотериков он называется Черным Солнцем.

В центре магического знака возлежал человечий череп.

Значит, тут проводили какой-то ритуал. Причем, проводили его явно со мной, судя по моему состоянию нестояния.

Но яснее это ситуацию ни фига не делает. Я простой русский человек, зовут меня Иван, живу я в Твери, а работаю сантехником в городском ЖЭКе. В 2023 году. И нет — меня не сбивал никакой грузовик, я вообще не умирал. И тем не менее: я стал попаданцем хрен знает куда, хрен знает почему. Это что ли мой череп лежит в центре Черного Солнца? Вряд ли. В это тело явно хотели призвать не меня, а душу владельца черепа. Но накосячили. И вот — тут я. А значит, надо разбираться, что вообще происходит. А еще надо было учить немецкий в школе, блин.

— Reichsführer, was meinen Sie?

Стоп.

Какой еще к черту рейхсфюрер? Вот это слово я понял, его каждый знает.

Я оглядел собравшихся в странном зале.

Тут были одни мужики — тринадцать человек.

Ага. Тринадцать. Причем, тринадцатый — это лакей в ливрее. Лакей держит в руках тюбик нашатыря с этикеткой на немецком, а еще графин воды. Воду они явно собирались выплеснуть мне в лицо, чтобы я очнулся, да вот только никто не рискнул поливать водой самого рейхсфюрера.

Ясно, что лакея позвали, чтобы он помог мне оклематься. А вот без него тут было двенадцать человек. Двенадцать апостолов? Похоже на то. Вот только творившиеся здесь обряды не имеют никакого отношения к христианству. Эта дюжина мужиков — все в черных балахонах, расшитых свастиками. И я сам в таком же балахоне. Выходит, что я тут предводитель этих апостолов: главный черный маг, если вообще не Антихрист.

Господи, помилуй!

Я никогда не отличался религиозностью, но сейчас перепугался и о Боге вспомнил. Вот на такое — участвовать в темных обрядах я точно не подписывался.

А моя учительница по истории Александра Ростиславовна, помню, учила, что нацисты ни в Бога, ни в черта не верили, и что Гитлер был атеистом, что он смеялся над оккультными замашками Гиммлера, и весь Рейх считал Гиммлера безумным.

А теперь… Теперь выходит, что Гиммлер это я. По крайне мере, никто другой никогда звания рейхсфюрера не носил. И если я в нашей реальности — значит, я Генрих Гиммлер теперь и есть.

Приплыли.

Интересно, какой сейчас год? Это что же получается, когда наши придут — меня повесят? Или что там случилось с Гиммлером? Я этого не помнил, никогда не интересовался

историей гитлеровской Германии, если честно. Я больше увлекался Римской Империей, как и положено нормальному мужику.

Мужики в черных балахонах тем временем что-то вкрадчиво говорили мне на немецком. Но я ничего не понимал.

Нормально, блин! А как же положенное любому попаданцу знание языков?

— Reichsführer, geht es Ihnen gut? Gibt es einen König in dir?

— Я забыл немецкий, простите, — перебил я.

И тут же спохватился. Что я творю-то? Вот по-русски мне говорить точно никак нельзя. Слава Богу, никто из этих шизотериков русскую речь пока что не опознал, но если опознают — мне точно хана. Рейхсфюрер ҂Ч, балакающий на чистейшем русском языке, явно вызовет подозрения. А уж если раскроется, что я попаданец — то мне точно конец. В любом другом времени я бы может и выжил, но нацисты с попаданцем уж точно церемониться не будут, они вообще бесцеремонные мрази.

А значит мой единственный шанс выжить — притвориться Гиммлером. А там дальше уже посмотрим.

Я жестами приказал оккультистам молчать, и это сработало, мужики на самом деле перестали тараторить, повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь треском факелов на стенах.

Я махнул рукой, приказывая убрать прочь череп на полу.

Мужики вроде попытались протестовать, но я тут же повторил жест. Теперь черные маги ни на шутку перепугались — видимо, ритуал, в чем бы он ни состоял, еще был не закончен. Или же был закончен, но неправильно.

Но мне-то какое дело? Пошли они к черту с их проклятыми ритуалами!

Двое магов бросились на самом деле убирать череп с пола — они делали это почтительно, они переложили черепушку на черный кусок ткани, действуя осторожно, как будто имели дело с великой реликвией.

Надо бы потом выяснить, что это вообще за череп, и чей он. Но это потом, как выучу немецкий.

Я жестами показал лакею, что хочу есть (сделав вид, что орудую воображаемой ложкой), а потом — что хочу спать (приложив к голове ладошку и закрыв глаза).

На деле я не хотел ни есть, ни спать, а просто хотел, чтобы меня оставили в покое. Мне надо было плотно поразмыслить, а когда вокруг тебя суетяться оккультисты и творят черную магию — рассуждать довольно трудно.

Мужики удивились, увидев мои жесты. Но они их поняли, благо, жесты были вполне себе интернациональными.

Интернациональные жесты для нациков, да. Обхохочешься. Вот только мне было сейчас точно не до смеха.

Однако спорить со мной никто не стал. Меня тут все боялись до усрачки, это было ясно. Один косой взгляд в мою сторону — и я любого могу отправить в концлагерь, а то и в газовую камеру. Я же теперь Гиммлер. В общем, надо первым делом будет выучить, как будет по-немецки «расстрелять этого мудака».

Лакей проводил меня по мрачным коридорам в мою комнату.

До комнаты мы шли минут пять, и вот тогда я удостоверился, что нахожусь в каком-то огромном средневековом замке. За пределами ритуального зала тут везде горело обычное электричество, а не факелы, но у стен местами стояли рыцарские доспехи, перемежаемые часовыми в форме стального цвета, с рунами ᛋᛋ в петлицах. Когда я проходил мимо — часовые вскидывали правые руки в римском салюте и звонко щелкали каблуками. И мой черный расписной балахон никого из них не смущал. Значит, охрана замка уже привыкла к закидонам владельца и тому факту, что их шеф увлекается черной магией.

Когда лакей привел меня в апартаменты, я тут же отослал его, жестом напомнив, что хочу жрать. Лакей отвесил поклон и в почтении удалился. Даже из двери вышел, пятясь задом. Мда, а Гиммлер-то неплохо устроился.

Оставшись в одиночестве, я осмотрелся. Мои покои состояли из трех комнат: спальня, где стояла громадная кровать с балдахином и рядом с ней ночной горшок, натурально позолоченный, потом гостиная с кожаными диванами и столиками из дорогого дерева, ну и кабинет. В кабинете — портрет Гитлера на стене.

Я поглядел в окна, но за ними царила темнота. Похоже, глухая ночь. И в ночи видны горы, а еще освещенная караулка у входа в большой парк. У караулки торчали еще какие-то эсесовцы.

Значит так… Я в замке. Наверняка в Альпах, или какие там есть горы в Германии? А замок — явно мой личный, вот в этом никаких сомнений.

Конечно, каждый мальчишка мечтал в детстве о замке, начитавшись рыцарских романов. Но стать сраным Гиммлером не мечтал никто, вот в этом я уверен.

Так что я испытывал противоречивые чувства.

С местом мы вроде определились, так что теперь пора выяснить про время. От того, какая сейчас дата на календаре, зависит, как мне действовать. Если сейчас 1945 — то можно в принципе тупо попытаться сбежать к нашим. Или к американцам, если они ближе. Конечно, американцы или Сталин меня вероятно

повесят после Нюрнбергского процесса, и хрен кто из них поверит, что я не Гиммлер. Но лучше уж так, чем быть Генрихом Гиммлером и участвовать в его кровавых преступлениях и черных ритуалах.

Я открыл окно — в апартаменты влетел свежий ветер, пахнувший весной. Головокружительные ароматы. Нет, это точно май, так пахнет только в мае, что в Твери, что в Альпах.

Значит есть надежда, что уже 1945! Хотя…

Я осознал, что в мае 1945 года Гиммлеру явно было не до черных ритуалов. Да и вряд ли он мог тогда так спокойно прохлаждаться в замке. Так что с надеждой это я поторопился.

Я поискал календарь, но вот как раз календаря у Гиммлера не нашлось, даже в кабинете. Блин, как же неудобно без смартфона! Я был дитем современной цивилизации, я привык, что дата и время всегда у меня под рукой — на экране телефона. Теперь пора оставить эти привычки. Тут надо думать.

Я прошел к столу Гиммлера, там лежали документы, в идеальном порядке. И все на немецком, разумеется.

Но, к счастью, арабские цифры использовали даже в Третьем Рейхе. Я взял верхний документ, явно со свежей подписью Гиммлера, еще даже чернила не до конца просохли. Сам документ — какой-то приказ кому-то, «…zu Ernährungsprogrammen», «an Herbert Backe, Reichsministerium». Кажется, Гиммлер писал что-то некоему рейхсминистру, а больше я не понял ничего.

Но дата на свежайшем документе стояла — 30 апреля 1943.

Ну конечно!

Ночь на первое мая — это же Вальпургиева ночь, лучшее время для любых обрядов. И сейчас именно она. Именно в эту ночь ведьмы собираются на шабаши, а нацистские эзотерики чем лучше ведьм?

А вот год сейчас, выходит, 1943.

В Сталинградской битве фашню разгромили еще три месяца назад, это я из школьного курса истории помнил. А вот больше: не помнил ничего. Стыдоба, конечно, но ничего не поделаешь, у меня были тройки по всем предметам, кроме физры и литературы. Я даже понятия не имел, где сейчас проходит фронт, где стоит, а точнее — прёт на врага Красная Армия. Вошли ли уже наши на территорию Рейха? Без понятия.

Но американцы еще точно не высадились, они только в июле 1944 вторгнутся в Европу, это я помнил.

Ну да ладно. Надеюсь, что узнать свежие новости с фронта — не проблема для рейхсфюрера ϟϟ. Точнее: не было бы проблемой, если бы я знал немецкий.

Вот гадость-то. Учись я в школе, где преподают немецкий — все бы обернулось совсем по-другому, я бы уже освоился. А так… А так, как говорится, никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу.

Я вздрогнул, когда открылись двери моих апартаментов.

Но, к счастью, оказалось, что это пока что не расстрельный взвод. Это лакей принес мне еду. А еще пузырек какого-то лекарства. Лекарство воняло анисом, это явно какая-то гомеопатия для полоскания горла. Выходит, что лакей думает, что не говорю я из-за поврежденного или больного горла. Ну и пусть думает. Главное, чтобы меня не раскрыли, как русского попаданца.

Лакей поклонился и вышел. Я же оглядел еду на серебряном подносе. Мда…

Овсянка на воде, два свежих огурца, пучок укропа, краюха зернового хлеба. И вода, мать её, просто вода в графине!

Вот такого я не ожидал. Но похоже, что Гиммлер вел в этом плане спартанский образ жизни и следил за здоровьем. Никакого тебе немецкого пива и толстых колбас. А жаль, я бы лучше отведал пива с колбасами. Но это в моем положении были лишь мечты, понятное дело, что заказать себе полноценный обед я не смогу — это вызовет подозрения. Да я и не знаю, как будет колбаса по-немецки. Вот пиво — «бир», это любому школьнику известно.

Впрочем, глупо и даже аморально воротить нос от овсянки, когда на дворе 1943 год, когда треть Европы на фронте, треть в концлагерях, а треть просто голодает.

Я устыдился своего типично «попаданческого» поведения и быстро смолол всю водянистую овсянку и даже съел укроп, огурцы и хлеб. Хлеб оказался странным, льняным что ли? В нашем времени такое жрут только фитоняшки, выходит, что у Гиммлера есть нечто общее со следящими за здоровьем девушками из моего времени, это было странно.

Поев я глянул на часы, благо, часы у Гиммлера в кабинете были — большие, из дорого дерева и даже с кукушкой. Кукушка прокуковала прямо на моих глазах, трижды. И на циферблате тоже три часа ночи.

Итак, 3:00, 1 мая 1943 года, а я худший человек в мире. Ну если не считать Гитлера, конечно же.

И еще я не знаю немецкого, памяти реципиента я не получил вообще.

Ну да. Похоже, что я самый неудачливый попаданец в истории человечества.

Я подошел к большому зеркалу, рассмотрел себя. Ну точно

Гиммлер — вот теперь отпали последние сомнения. Рожа умная, на глазах круглые очечки, если снять их, то мир вокруг становится мутным. Под глазами тяжелые круги, видимо, рейхсфюрер хронически перерабатывает, и даже правильное питание не помогает. На голове легкая плешь, над губами стремные усики. Как говорят в таких случаях: не усики, а пропуск в трусики. В 2023 такие только девственники-подростки носят. Но тут своя мода.

Я снял балахон — под ним на мне оказался эсесовский мундир стального цвета, в петлицах — по три дубовых листка.

Роста я среднего, телосложения тоже самого стандартного. В общем внешне Гиммлер оказался совершенно непримечательным мужиком. Такого увидишь в толпе любой европейской страны — взгляд вообще ни за что не зацепится. Совершенно обычное лицо, если не считать странных усиков.

Но организм у Гиммлера вроде здоровый. По крайней мере, я уже оклемался после черного ритуала, головокружение прошло и чувствовал я себя превосходно. И даже курить не хотелось, хотя в прошлой жизни я курил. Но Гиммлер, понятное дело, табака никогда не касался. Человек, который запивает водой овсянку, явно курить не станет…

В двери моих апартаментов настойчиво постучали.

Похоже, что теперь это не лакей, лакей вроде не стучит.

Я скомкал балахон и забросил его на кровать, оставшись в одном мундире. А потом собрал весь мой германский дух и громко произнес:

— Ja?

Не знаю, принято ли у немцев так говорить, но слово «ja» я знал. Равно как и «нихт», а еще «бир», «хенде хох» и «гитлер капут». Но вот последнее мне точно пока что произносить нельзя, иначе мне самому капут.

Дверь открылась, вошли трое. Все в эсэсовских мундирах, в белых рубашках, да еще с аксельбантами. У старшего из этой троицы в одной петлице дубовый листок, в другой — руны ᛋᛋ. Какого он звания — хрен его знает. Но явно важная шишка. Хоть и не столь важная, как я, конечно же.

Мужик с дубовым листом поприветствовал меня, вскинув правую руку, потом молодцевато доложил:

— Wir bitten um Verzeihung, Reichsführer. Aber unser Führer Adolf Hitler erwartet Sie in Berlin. Sofort.

Так, блин. Так…

К моему ужасу я в целом понял, о чем толкует этот дубовый эсесовец.

«Адольф Гитлер». «Берлин». А последнее слово — это судя по

тону «немедленно», «прямо сейчас».

В общем Гитлер вызывает меня на ковер, прямо сейчас, в три часа ночи. Видимо, что-то стряслось.

И всё бы хорошо, вот только немецкого я так и не выучил. И как я буду, интересно, говорить с Гитлером? Да я и не хочу говорить с Гитлером, единственное что можно делать с Гитлером — так это придушить гадину. Вот только хрен мне кто даст такую возможность. Или даст? Я же все-таки Гиммлер, возможно меня оставят с Гитлером наедине и тогда я с ним расправлюсь. Потом, естественно, меня самого кончат, но я был готов отдать свою жизнь за правое дело. В конце концов, зачем еще нужны попаданцы, если не убивать Гитлеров?

Я молча кивнул.

Эсесовцы расступились, освобождая мне путь к дверям.

«Зал 12 рыцарей» *в замке Вевельсбург, украшен 12 колоннами, на полу — двенадцатиконечное «Черное Солнце». Прямо под залом располагалась крипта «Валгалла», предназначавшаяся для проведения тайных обрядов, связанных со смертью.*

Замок Вевельсбург. В 1934–1945 гг. принадлежал СС.

Гиммлер, рейхсфюрер СС, один из руководителей Третьего Рейха, организатор убийства миллионов людей.

Замок Вевельсбург, 1 мая 1943 03:14

Мне подали роскошный мерседес — длинный и блестящий, с нацистским флажком на капоте. Водитель, прежде чем сесть за руль, поприветствовал меня, подняв правую руку, а один из украшенных аксельбантами эсэсовцев открыл мне дверцу.

Вот этот парень, судя по всему, мой адъютант. И остальные двое, которые его сопровождают, тоже.

Адъютанты уселись со мной в авто, благо, места тут хватило бы на целое отделение эсесовцев. Еще одна такая же машина сопровождения поехала позади нас.

Я не переставал офигевать с того, сколько народу на меня теперь работает. В одном этом замке сотни сотрудников ᛋᛋ, а за его пределами их сотни тысяч.

Черт возьми, если бы я знал немецкий — я бы уже отправил их всех штурмовать рейхстаг, уничтожать Гитлера и заканчивать войну.

Но я оказался пленником собственной лингвистической неграмотности. А кроме того: я не был уверен, что мои эсэсовцы посмеют выступить против Гитлера, даже если я им прикажу. Я мало знал про Третий Рейх, но понимал, что тут все выдрессированы на рабскую покорность бесноватому вождю. Так что если выступлю против Гитлера — мои люди скорее меня самого пристрелят.

Наша кавалькада из двух мерседесов выехала за ворота парка, окружавшего замок, часовые вскинули руки в нацистском салюте. Далее наш путь лежал по каким-то каменистым холмам. В свете фар мелькнул придорожный указатель с надписью «Paderborn», но я понятия не имел, что это такое. Какой-то город? Или так называется мой замок?

Я мрачно молчал, а адъютанты не решались лезть ко мне с разговорами. Что делать-то? Может потребовать остановить машину, сделать вид, что я хочу отлить, а потом сбежать? Но я явно недолго пробегаю по этим горам, которых вообще не знаю.

Кроме того: от Гитлера уже сбежал один его соратник — Гесс. Он вроде перелетел в Англию два года назад, этот исторический факт я помнил. Так что если сбежит еще и Гиммлер, то Гитлер явно поднимет на уши весь Рейх, и меня из под земли достанут.

Да и толку бежать? Куда мне бежать и зачем? Гиммлеру нигде не рады. Если даже выберусь за границу — то меня там просто повесят. А если переберусь в какую-нибудь нейтральную Швейцарию, то там наверняка арестуют до конца войны, а потом точно также повесят.

Ужасное попаданство. Хуже некуда. Это все равно что попасть в принца Фердинанда, который едет в Сараево в июне 1914. Или даже еще отвратнее.

Принц Фердинанд, по крайней мере, не был самым ненавидимым человеком в мире и не организовывал массовых геноцидов.

Поэтому я решил так: встречусь с Гитлером и убью его.

Лишь таким путем я смогу искупить мой позор попаданства в Гиммлера.

Мы доехали до какого-то военного аэродрома в горах, где пересели на пассажирский Юнкерс. Самолет поднялся в воздух, в салоне был полный комфорт, нас еще и сопровождали два истребителя.

Когда взлетали — адъютант мне что-то успокоительно сказал.

— Ja, ja, — я важно покивал головой в ответ.

Адъютант перепугался.

Блин, похоже, что сказал я что-то не то. Интересно, как я построю беседу с Гитлером, зная лишь четыре слова по-немецки? Я решил беседу не строить, а просто задушить Гитлера, как только он окажется в шаговой доступности.

В Берлин мы прилетели часа через три, когда уже рассвело. Тут мне снова подали автомобили — абсолютно такие же, как те, на которых я ехал из замка. Такой же мерседес для меня, такой же для охраны, причем, сама охрана была уже новой.

Сколько же у Гиммлера машин?

Берлин показался мне городом крайне мрачным и суетливым. На улицах, несмотря на ранний час, было полно народу.

В столице Рейха яркими были только красные нацистские флаги, они болтались повсюду, а в остальном город был серым и коричневым. Слишком мало зелени: газонов, деревьев почти что и нету. Люди одеты просто ужасно — какие-то задрипанные пальто, какие-то облезлые шляпы, женщины, даже молодые, кажутся старухами. Полно военных, многие уже без рук и без ног. А еще неожиданно много остарбайтеров — их я узнал по синим нашивкам на одежде. В принципе, легко догадаться, учитывая, что на нашивке написано «OST».

Хорошо же Гитлер защитил германскую расу — насколько я видел, остарбайтеры уже составляли треть городского населения минимум. Пока германцы гибли на фронте, Гитлер по факту поставил Германию в зависимость от иностранной рабочей силы. А если эти остарбайтеры восстанут? Конечно, в реальной истории такого не было, но теперь-то здесь я, и я могу историю переписать.

А еще повсюду встречались очереди — люди стояли за чем-то, причем местами остарбайтеры вперемешку с немцами. А еще: следы бомбежек, на месте некоторых домов теперь пустыри или просто груды камня.

И никакого хваленого немецкого порядка я не наблюдал вообще. Трамваи ходили переполненными, люди ехали даже на подножках, в некоторых местах завалы перекрывали проезжую часть, некоторые дороги были все в ямах, в одном месте полицейский зачем-то запрещал людям ходить по одной стороне улицы, хотя я там никакой опасности не заметил.

На одном из поворотов я узрел офицера Вермахта, который тискал девку прямо посреди улицы, далее на тротуаре лежали трупы жертв бомбежек, сразу несколько десятков, причем убирали их ровно два гитлерюгендовца. Эдак они весь день провозятся.

В общем, это было всё очень странно. Это напоминало какое-то Сомали. Я не так представлял себе зловещий Рейх. А тут повсюду руины и хаос, и строем никто не ходит, я только раз увидел военных, которые куда-то организованно маршировали. Мне даже захотелось возмутиться состоянием Германии, но увы — не хватало немецкого словарного запаса. Разве что сказать «орднунг нихт»? Но тогда я себя разоблачу — Гиммлер вряд ли бы стал бросаться такими фразами.

А может, заговорить по-английски? Английский я более-менее знал. Но когда мне в голову пришла эта идея, мы как раз проехали мимо завешанной плакатами уличной тумбы. Большую часть тумбы занимало лицо Черчилля, стилизованное под еврея. Черчиль был занят тем, что насиловал какую-то белокурую немку, одновременно втыкая в неё кинжал. Не узнать Черчилля было трудно — его цилиндр был украшен британским флагом, на котором помещалась звезда Давида.

Увидев этот плакат, я понял, что по-английски тут лучше не говорить, равно как и по-русски. Да и вообще, откуда Гиммлеру знать английский?

Мы наконец приехали в какой-то район, застроенный старинными особняками. Тут вроде было почище. Натурально местная Рублевка или что-то типа того. Тут важно ходили полицейские, а вот остарбайтеров не было совсем. Но дома тут небольшие, не похоже на район, где обитает фюрер.

Адъютант что-то сказал, потом вошел в особняк, оставив меня в машине. Через пять минут вернулся, и вид имел печальный.

Эй, да что вообще происходит?

Но это так и осталось загадкой. Мы снова поехали, покинули

район пасторальных особняков и через полчаса оказались явно в центре Берлина.

И вот тогда до меня дошло, что орднунг в Рейхе, пожалуй, есть только здесь. Здесь никаких руин уже не было, на месте разбомбленных домов присутствовали аккуратные пустыри. Повсюду возвышались бетонные башни ПВО, а население, даже гражданское, вышагивало чинно, как на параде. Впрочем, гражданских тут было мало, все больше эсесовцы и какие-то чиновники в форменных мундирах.

Мы подъехали к длинному серому зданию, над входом которого распластал крылья барельеф — гигантский орёл, сжимавший в когтях свастику. Флаги со свастикой тут тоже имелись, они были вывешены вертикально, как церковные хоругви.

Рейхсканцелярия что ли? А вот хрен его знает. Я, конечно, видел рейхсканцелярию в фильмах и на фотографиях, но там она обычно уже была полуразрушенной. А здесь — целехонькой. Но, видимо, и правда она: это здание слишком огромное, чтобы быть чем-то другим.

Адъютант открыл мне двери мерседеса, я вышел, как приговоренный к казни. Я, в общем-то, и есть приговоренный. Через несколько минут я умру, убив перед этим Гитлера. Войду в историю, отдав свою жизнь ради миллионов.

Никакого воодушевления я по этому поводу не испытывал. Слишком все это дико, слишком непривычно. Даже не верится.

Внутри рейхсканцелярии кишела охрана. Что характерно — все мои люди, все эсесовцы. При виде меня они лишь вскидывали руки, документы никто не проверил, ни у меня, ни у моих адъютантов.

Судя по всему, меня знает в лицо каждая собака во всем Рейхе. Хорошо, что я не сбежал, теперь эта идея уже казалась мне совсем идиотской. С лицом Гиммлера долго не побегаешь.

Я почему-то думал, что Гитлер будет сидеть в бункере, но меня проводили наверх — на третий этаж.

К этому моменту нервы у меня уже совсем сдали. Я весь вспотел, покрылся испариной, меня трясло. И если вы меня за это осуждаете, то могу вам только позавидовать, вам же никогда не приходилось убивать Гитлеров.

А еще мне мучительно захотелось в туалет. Как будет по-немецки туалет? Я не знал этого, но к счастью, туалет мне по пути попался — я увидел, как оттуда как раз выходит какой-то чиновник.

Я решительно направился к обиталищу фаянсовых друзей.

— Mein Herr, der Führer wartet auf Sie! — напомнил мне

перепуганный адъютант.

Ну и ладно. Пусть фюрер подождет, пока я отолью. Никуда не денется, подонок.

Адъютанты со мной в туалет, к счастью, не пошли. А выходивший из уборной чиновник, увидев меня, отошел в сторону, почтительно склонил голову и вскинул правую руку.

Я уже убедился, что меня тут не только знают, но и боятся, причем все. От охранника и до любого министра. Может меня и Гитлер испугается? Но это вряд ли, это уже глупости.

В туалете было несколько кабинок, вот тут царила истинно немецкая чистота. Как сантехник я просто не мог не оценить. Разве что краны были какой-то странной конструкции, но все работало превосходно.

Я облегчился, потом вымыл руки, сполоснул ледяной водой лицо. Глянул на себя в зеркало, стряхнул пылинки с мундира. От последнего движения я испытал какое-то странное удовольствие. Видно, Гиммлер любил любоваться собой в зеркале и чистить перышки, и сейчас мой организм вспомнил то наслаждение, которое получал рейхсфюрер.

От этого вторжения привычек Гиммлера в мое сознание мне в очередной раз стало мерзко.

А двери туалета тем временем открылись — вошел какой-то благообразный старичок, в сером костюме, жилетке и очочках.

Странно, но этот старичок не стал исполнять нацистский салют, просто кивнул мне и подошёл ближе.

Я уставился на него и выдал мое фирменное:

— Ja?

— Schau her, Heinrich, — произнес старичок.

Чего? Он вот так просто назвал меня Генрихом? Это мой отец что ли? Отчасти похож, по крайней мере круглые очки у него такие же, как у меня. Вот только очки по наследству не передаются, а черты лица у деда совсем не похожи на Гиммлеровские. Да и что отцу Гиммлера делать в рейхсканцелярии?

Старичок тем временем достал из внутреннего кармана пиджака какой-то амулет — серебряный крест в круге на цепочке.

Он что-то произнес — ясно и четко, но явно не по-немецки, а не каком-то совсем непонятном языке.

— γνῶθι σαυτόν, γνῶθι σαυτόν, Heinrich.

Старичок принялся раскачивать амулет перед моими глазами, серебристая штуковина притягивала взгляд, как намагниченная.

О, нет. Опять какой-то оккультизм!

Но крестообразный амулет уже полностью захватил мое

внимание, зрение у меня поплыло, весь мир обратился в марево, остался только блеск амулета, который дед методично качал из стороны в сторону.

У меня побежали мурашки по коже, а потом в моей голове вдруг что-то щелкнуло — громко и ощутимо. Как будто через меня пропустили электрический ток.

Я пришел в себя. А дед ловко крутанул в пальцах амулет, а потом сунул его обратно в кармашек пиджака.

— Wer bist du? — спросил я у старика.

Спросил на баварском диалекте немецкого языка, да. Причем, без всяких проблем. Я теперь не только обрел знание этого языка, но даже и смог его идентифицировать, как именно баварский, видимо, для Гиммлера он был родным.

— Я Карл Юнг, психиатр, — поклонился мне дедок.

Он говорил тоже на немецком, точнее — на простонародном швейцарском диалекте.

— Как вы это сделали?

— Просто восстановил вашу память, Генрих, — пояснил Юнг, — Она повредилась во время ритуала. Вас предупреждали, что такое возможно. Поэтому-то вы и вызвали меня из Швейцарии, чтобы я помог вам восстановится, если что-то пойдет не так. И вот я здесь, и я вам помог. Вы заезжали за мной час назад, но меня не было дома, простите. Однако узнав о вашем положении — я отправился прямо сюда в рейхсканцлерию. И меня пропустили, по указанию вашего адъютанта.

Ясно.

— Вы очень вовремя, — кивнул я, — Вот только немецкий я вспомнил, а про себя не помню ничего.

Это было правдой. Я обрел знание немецкого, но о Гиммлере и его биографии всё еще не знал ни хрена.

Юнг на это улыбнулся:

— Просто амнезия. Это бывает во время подобных ритуалов.

— Каких ритуалов? Что именно со мной произошло?

Но ответить мне Юнг не успел, в туалет уже ворвался один из моих адъютантов. Теперь его немецкие речи наконец-то превратились для меня в осмысленный набор слов.

— Мой господин, фюрер ожидает вас.

И заставлять фюрера ждать — плохая идея.

Вот черт. Мне придется умереть, когда я только что выучил немецкий! Обидно и больно.

Но делать нечего. Я должен выполнить свой долг, как его сейчас выполняют на фронте миллионы советских солдат. Я так и не обрел память Гиммлера, так что порулить Рейхом и прекратить войну мне все равно не светит, и убить Гитлера —

единственный достойный вариант для меня сейчас.

— Я могу вернуться в Швейцарию? — спросил Юнг.

— Возвращайтесь, — позволил я, — Спасибо вам.

Всё равно психиатр мне больше не понадобится, мертвецам психиатры ни к чему, через полчаса со мной будет работать уже патологоанатом. Да и у Юнга возникнут проблемы, когда я убью Гитлера. Возможно, гестапо схватит его и будет пытать, чтобы выяснить, о чем он говорил с предателем Рейха Гиммлером.

Про самого Юнга я помнил только то, что он знаменитый психиатр и ученик Зигмунда Фрейда. А вот о том, что Юнг сотрудничал с нацистами или увлекался оккультизмом, я честно не знал.

Эх, жалко умирать! Я мог бы узнать об этой эпохе много нового и интересного, реальность явно сильно отличалась от учебников истории. Но увы — не судьба.

— Не будем заставлять фюрера ждать, — бросил я адъютанту, еще раз глянул на себя в зеркало и вышел из туалета.

Может быть, попросить у моего адъютанта пистолет? У него был люгер в кобуре, а вот сам я был не вооружен.

Но из этого плана ничего не вышло — на подходе к фюреру у моих адъютантов сначала отобрали оружие, а уже потом у меня отобрали и адъютантов, их дальше не пустила охрана. Так что к Гитлеру мне предстояло прибыть одному и без оружия.

Ну и ладно. Удушу гадину голыми руками.

Гиммлер *и рейхсляйтер Роберт* ***Лей*** *на фоне* ***замка***

***Вевельсбург**, 1937 г.*

***Рейхсканцелярия**, 1943 г.*

Берлин, Рейхсканцелярия, 1 мая 1943 07:29

Гитлер принял меня в большом зале, отделанном лепниной, изображавшей растительный орнамент. А еще зал был заставлен дорогой, местами золоченой, мебелью.

А вот никакой нацистской символики тут не было. Зал выглядел как просто дворцовая комната в каком-нибудь Эрмитаже.

Тяжелые шторы были плотно задернуты, видимо, их так и не открыли после ночной светомаскировки. Горели электрические напольные светильники, стилизованные под факелы. На висевших на стене часах была половина восьмого утра.

Удивительно, но на самом Гитлере никакой нацистской символики тоже не было, даже орла на рукаве, с которым его обычно показывают в фильмах. Фюрер был в обычном сером костюме и напоминал ничем не примечательного клерка. Лицо у него было длинным, спокойным и умным — ничего похожего на того истеричного крикуна, которого обычно показывают в кино и книжках. И даже знаменитые усики с челкой в глаза не бросались, Гитлеру они вполне себе шли, они смотрелись на его роже гармонично.

Гитлер сидел на диване и беседовал с толстым высоким человеком, одетым в коричневый мундир. Мундир явно гражданский, не эсесовский, а сам толстяк почтительно стоял рядом с фюрером. Фюрер держал в руках какую-то бумагу, которую он живо и обсуждал с толстым чиновником.

Но когда я вошёл — оба нациста тут же замолкли и покосились на меня. Опасливо покосились, даже Гитлер.

Вот такого я, честно, не ожидал. Похоже, что Гиммлера боится даже сам фюрер. А еще я понял, что меня не только боятся, но и считают долбанутым. Так обычно смотрят одноклассники, когда в класс входит затравленный неудачник с последней парты.

В общем ясно. Гиммлера в Рейхе опасаются, но совсем не уважают. И уж точно Гитлер не считает меня своим другом. Ну и славно. Не хватало еще иметь в друзьях Гитлера.

Я замешкался на секунду, потом выбросил руку в нацистском салюте. «Хайль Гитлер» я орать не стал, а смысл орать это, когда Гитлер прямо перед тобой?

Толстяк подал мне руку для пожатия, как будто брезгливо.

— Здравствуйте, мой дорогой Генрих.

Ага. Подает руку самому Гиммлеру — значит, какая-то важная шишка. А вот Гитлер мне руки не подал, даже насупился. Я чем-то обидел фюрера? Ну и плевать.

Я пожал руку толстяку:

— Приветствую.

Толстяк говорил на идеальном берлинском немецком, вот этот явно интеллигент. В отличие от Гиммлера, ибо мой немецкий так и остался простонародным.

Гитлер тем временем вернул толстяку бумагу, которую держал в руках.

— Оставьте нас, Мартин, — распорядился Гитлер.

Мартин? Это Борман что ли? В принципе похож. Кроме того, кто еще будет ошиваться рядом с Гитлером, как не Борман? Борман был вторым человеком в Рейхе после фюрера, это даже я знал.

Толстяк поклонился фюреру, бросил на меня насмешливый взгляд и вышел. А мы с Гитлером остались одни.

Вот он — момент вершения истории! Но сказать проще, чем сделать. Я честно говоря растерялся, мужество оставило меня, наступило странное оцепенение.

Ну а что вы от меня хотите? Я сантехник, а не головорез. Я никогда не убивал людей, всё больше менял резиновые прокладки в сливных бачках. Да и легко сказать: убей Гитлера. Гитлера, как символ абсолютного зла, убить легко. А поди убей живого человека, вот этого обычного мужика в костюмчике, когда он сидит перед тобой.

Фюрер тем временем поднялся с диванчика, прошелся по залу.

— Генрих, партайгеноссе, объясни мне, что с тобой происходит?

Вот это хороший вопрос от Гитлера.

— А что со мной происходит, мой фюрер?

Гитлер печально уставился на меня. Как школьный учитель на нерадивого ученика, который расстроил его, получив плохую оценку.

Он ждал ответа, но я понятия не имел, что отвечать. Так что решил сменить тему.

— Мой фюрер, разумно ли вам находится в рейхсканцелярии? А что, если налетят русские или англичане?

Гитлер помрачнел еще больше.

— Я готов рисковать ради германского народа, Генрих. Затем я и прибыл в Берлин. Народ должен видеть своего фюрера, хотя бы несколько раз в год! Видеть вживую, а не в кинохронике! Слышать мой голос и ощущать мою любовь. Ибо народ,

оторванный от фюрера — ничто. Есть Гитлер — есть Германия. Нет Гитлера — нет Германии! Так что я не могу сидеть целый год в моем Волчьем Логове. Ты никогда не понимал этого, Генрих. Ты никогда не был по-настоящему единым с нашей нацией, ты всегда воротил нос и от народа, и от товарищей по партии. И даже от своего фюрера! Национал-социалистические доктрины были восприняты тобой не в полной мере!

А вот теперь я узнал «старого доброго» Гитлера, того, которого видел на фотографиях и в фильмах. Фюрер за одну секунду преобразился, взорвался, как граната. Теперь он уже не был похож на клерка, а был скорее актером, блистающим на сцене. В его голосе появились истеричные нотки, но эта истерика была тщательно просчитанной. Ни одной лишней интонации, ни одного лишнего движения. Гитлер завораживал. От него невозможно было отвести взгляда, как невозможно отвести взгляд от макаки с гранатой. Ясно, что он поехавший полностью, но неясно, что этот поехавший отчебучит в следующую секунду.

Смысл выражения «бесноватый фюрер» теперь полностью мне раскрылся.

— Что ты творишь, Генрих? — продолжал рвать и метать Гитлер, — Чем ты занимаешься? Я едва могу поверить в те дикие вещи, которые мне докладывают. Магия! Оккультизм! Черные ритуалы! В своем ли ты уме, мой дорогой Генрих? А что будет, когда о твоих развлечениях узнают наши враги? А когда узнают наши друзья? Наш национал-социализм есть по сути учение глубоко христианское и рациональное, научное, я не потерплю твоих глупых чудачеств!

Гитлер замолчал и принялся картинно буравить меня взглядом. Он явно ждал ответа. И что бы ему ответил на это настоящий Гиммлер? Я понятия не имел. Или тут надо просто стыдливо потупить глазки? Тоже не знаю. Я же сантехник, я привык работать с металлом, резиной и фаянсом, а не с людьми.

Гитлер тем временем перевел дыхание и снова завелся:

— Русские расколошматили твое хваленое ᛋᛋ под Сталинградом, как мальчишка колошматит футбольный мяч! Манштейну пришлось убирать за тобой дерьмо, мой возлюбленный Генрих. Русские рвутся к Украине! Как так вышло? Я скажу как так вышло: пока русские иудобольшевики учили военное дело, твое ᛋᛋ — учило руны! И прочую оккультную ерунду. И вот теперь мне сообщают, что ты снова взялся за старое, Генрих, что ты бегаешь голым по замку…

— Вовсе не голым, мой фюрер, — перебил я, — На мне был балахон.

Я ухватился за эту мысль, наконец-то Гитлер предъявил мне

хоть что-то, на что я мог ответить. Но фюрер только рукой махнул:

— Голым или в наряде колдуна — не имеет значения. Имеет значение тот позор, который ты навлекаешь на себя и наше дорогое ᛋᛋ — этих благородных стражей германской нации. Чем ты занимаешься в своем Вевельсбурге, Генрих? Что за вертеп ты там устроил? Мне докладывают страшные вещи. Такие, которые режут мне слух и заставляют мое сердце рыдать! Мне докладывают о темной магии, о человеческих жертвоприношениях, о языческих обрядах, о прочей дребедени. Ты окружил себя антропософами, магами, астрологами и прочими шарлатанами. Невольно задумываешься — а не сошел ли мой дорогой и верный Генрих с ума?

Я попытался молодцевато щелкнуть каблуками, но не вышло, видимо, это движение требовало тренировки, а Гиммлер редко щелкал каблуками, так что его тело не помнило, как это делается.

— Я в своем уме, мой фюрер, — сообщил я, — Можете позвать психиатра для освидетельствования, если сомневаетесь.

Гитлер заговорил уже мягче:

— Сомневаюсь, партайгеноссе, сильно сомневаюсь. Потому и вызвал тебя. Что происходило в твоем замке сегодня ночью? Ответь мне честно. Твой фюрер хочет от тебя правды!

— Эм… Да ничего особенного, фюрер.

Я понял, что среди моих магов или ближайшего окружения явно орудует стукач, который передает Гитлеру информацию о каждом моем шаге.

Уж не лакей ли это? Вот он мне сразу не понравился. А может и кто-то из адъютантов, черт их знает.

— А у меня другая информация, Генрих! — с горечью в голосе произнес Гитлер, — Мне доложили, что ты раскопал могилу Генриха Птицелова, саксонского короля десятого века. Мне доложили, что ты украл его череп! Что твои безбожные эсэсовцы ворвались в церковь и вскрыли могилу, где покоился король — основатель нашей Германии! Будешь отрицать?

— Не буду, фюрер.

Я покорно склонил голову. Крыть тут было нечем. Череп и правда лежал в замке Гиммлера, я сам его видел. И если только сумасшедший рейхсфюрер не украл еще чей-то череп — то значит, тот череп принадлежал именно древнему королю германцев.

Гитлер кивнул:

— По крайней мере, тебе хватило храбрости признаться, партайгеноссе. Ты же сознаешь, что осквернение могилы короля — серьезное преступление?

— Сознаю.

Гитлер продолжал:

— Мне также сообщили, что ты использовал похищенный череп в святотатственном обряде, что ты пытался призвать душу короля и вселить её в себя самого. Якобы ты реинкарнация короля Генриха и его прямой потомок, якобы твои астрологи тебе это сказали. И якобы тебе нужен был обряд, что обрести силу, храбрость и память древнего короля, чтобы ваши души слились воедино! Якобы ты родился с королем Генрихом в один день, ха! Якобы это знак!

Фюрер явно вошел в раж, он столько раз повторил слово «якобы» («angeblich» по-немецки), что я это слово возненавидел. С другой стороны, слова Гитлера меня заинтересовали, так что я не подумав ляпнул:

— А когда я родился, мой фюрер?

Гитлер всплеснул руками:

— Ясно. Ты и правда двинулся умом, мой верный Генрих. Большая потеря для Рейха! И для меня лично. А родился ты 7 октября 1900 года. Неужели ты не помнишь этого? Может ты и меня — своего фюрера забыл, м?

На этот раз я был слишком шокирован, чтобы ответить. Теперь всё встало на свои места. Гиммлер пытался призвать в себя душу древнего короля, который «якобы» родился с ним в один день. Но это, между прочим, вообще не факт. Гитлер прав, этот король жил хрен знает когда, тысячу лет назад, так что его настоящую дату рождения теперь уже точно не установишь.

Зато я отлично помнил мою дату рождения — я родился 7 октября 1990 года. Ровно на девяносто лет позже Гиммлера.

Теперь стало ясно, что произошло в замке. Астрологи ошиблись. Они неверно все рассчитали, и ритуал пошёл не по плану. Череп короля никакую душу Гиммлеру не отдал, да и вообще: откуда в черепе душа? Череп — это же просто кости. Зато ритуал Гиммлера вырвал мою собственную душу и перенес её в Гиммлера. А что стало с душой оригинального Гиммлера — неясно. Возможно, отправилась прямо в ад. Так бывает, когда увлекаешься черной магией или устраиваешь войны с геноцидами.

Конечно, все еще было непонятно, почему из всех родившихся 7 октября именно я удостоился сомнительной чести попаданства в Гиммлера, но в целом ситуация прояснилась. Вот только стремно, что прояснил мне её не абы кто, а сам Гитлер.

— В общем, ты подвел меня, Генрих, — закончил Гитлер, теперь его голос стал печальным, — Я вижу, что ты и правда лишился остатков разума. Ты отвечаешь невпопад, ты ведешь себя

странно. Ты сейчас же отправишься в отпуск, для начала на месяц. А там посмотрим. Рейхсфюрером я на время твоего отсутствия назначаю Дарре. Это всё.

Это и правда было всё. Гитлер махнул рукой, и его жест мог означать только одно — «ты меня достал, иди нахер».

Вот только меня такие расклады не устраивали. Сначала я даже обрадовался, что меня отправляют в отпуск, но уже через секунду осознал, что повода для веселья здесь нет. Что я буду делать в этом отпуске? Ждать конца войны под присмотром ЧЧ? Тогда я по итогу дождусь Нюрнбергского процесса и виселицы. И не помешаю нацистам, и не остановлю войну. Бессмыслица.

Нужно убить Гитлера. Вот сейчас! Но я вместо этого вдруг решил пойти другим путем.

— Мой фюрер, прежде чем я уйду — разрешите доложить, — отчеканил я, — Знаю, что вы не верите в оккультные практики, но в данном случае: ритуал сработал. Я больше не Генрих Гиммлер. Я другой человек. Другая душа. И я прибыл из будущего.

Гитлер нахмурился:

— Это шутка? Если шутка — то очень глупая, Генрих. Клянусь, ты окончишь свою жизнь в психиатрической клинике.

Вот это уже серьезная угроза. Особенно учитывая, что всех сумасшедших в Германии вот этот самый Гиммлер, если мне память не изменяет, на самом деле убил — их уничтожили, как «неполноценных людей». Так что отправка в психушку в Третьем Рейхе грозит отнюдь не только галоперидолом, а настоящей смертью.

Но я решил играть эту игру до конца, я решил быть честным. Честность — высшая добродетель, даже если говоришь с Гитлером.

Я открыл рот, чтобы продолжить, но Гитлер был в ярости, он не дал мне сказать ни слова:

— Я уже давно убедился в твоей неверности, Генрих! Я знаю! О, да, я знаю. Мне сообщили о том, что ты прячешь от меня в Тевтобургском лесу. Мне доложили! Я не хотел об этом говорить, потому что считал тебя другом и верил тебе. Но теперь — дружбе конец. Ты скрывал от своего фюрера бункер в Тевтобургском лесу, ты спрятал там от меня ту вещь! А теперь пудришь мозги своему бедному фюреру.

А вот это уже был интересный поворот. Я понятия не имел, о чем речь. Неужели Гиммлер и правда скрывал нечто от фюрера? Мне в это верилось с трудом, такому меня в школе на уроках истории не учили.

— Что я прятал от вас в Тевтобургском лесу, о чем речь?

— Тебе виднее, — брезгливо ответил Гитлер, — Это же твой

секретный бункер. Вот только от фюрера секретов быть не может! Значит так. Ты сегодня же оставишь свою должность, Генрих. Ты превратил наши доблестные ᛋᛋ в дерьмо! Ты недостоин командовать элитой Рейха. А твой бункер в Тевтобургском лесу я сегодня же вскрою и извлеку на свет все твои грязные секретики. И вот тогда узнаем, что ты там прятал от своего фюрера, которого ты так подло предал. И главное, Генрих, запомни, раз и навсегда. Ты — не реинкарнация короля Генриха Птицелова. Если кто и может быть его реинкарнацией — то только я, твой фюрер. Будешь и с этим спорить?

Ну в общем ясно.

Мою реплику про то, что я попаданец, Гитлер просто проигнорировал. И вообще: построить диалог с этим человеком было невозможно. Гитлер говорил только о себе любимом, он любую тему сводил только к себе.

Я всегда представлял себе Гитлера чудовищем, но настоящий Гитлер оказался не зверем, а просто самовлюбленным мудаком.

В реинкарнацию он не верит, но только когда реинкарнацией германского короля объявляют не его. Удобно, черт возьми.

Тем не менее, я предпринял последнюю попытку, я вывалил все сразу:

— Но я сказал правду, фюрер. Я правда не в курсе ни про какие секретные бункера. Потому что я не Гиммлер. В этом теле — душа пришельца из будущего. Я из 2023 года. И я знаю, что вы проиграете войну. Вы застрелитесь в мае 1945. Вместе с Евой Браун, вашей женой. А Рейх будет оккупирован союзниками и большевиками. И поделен пополам между ними. А нацизм будет запрещен во всех странах Европы даже полвека спустя после вашей смерти. А вы станете синонимом абсолютного зла.

Гитлер опешил.

Он явно испугался, он отступил от меня на шаг назад, он даже воздел руку в странном жесте, будто пытался развеять меня, как призрака или галлюцинацию.

— И я могу представить доказательства… — продолжил я, воспользовавшись паузой.

Вот только сказать проще, чем сделать. Ну и какие доказательства у меня есть? Мне живо вспомнились славные попаданцы к Сталину, те которые с ноутбуком. Вот им хорошо. Попробовали бы они, как я, попасть к Гитлеру и без всякого ноутбука, даже без завалящего смартфона марки Xiaomi — я бы поглядел на них.

На деле у меня нету никаких доказательств. Я слишком плохо знаю историю, чтобы озвучить какой-нибудь факт, который мог бы убедить Гитлера в истинности моих слов.

Разве что…

— Я всё про вас знаю, фюрер, — заявил я, — Вы в юности мечтали стать художником. А еще вы родились в результате инцеста — ваша мамка была родственницей вашего же папки.

Вот это я помнил, из википедии. Люблю её иногда почитать для развлечения. И это единственный факт, который теоретически может заставить Гитлера поверить мне. Или не поверить. Я и сам не знал, в курсе ли Гитлер про свою родословную.

Но этого я так и не узнал. На фюрера теперь было жутко смотреть, его рот скривился, его глаза полезли из орбит. Казалось, еще секунда, и у него пойдет пена изо рта, а из ушей повалит дым.

— Дерьмо! — взвизгнул Гитлер и бросился на меня, явно намереваясь придушить голыми руками.

Но куда уж ему. Роста мы с фюрером одного, но Гитлер телосложения в плохом смысле аристократического — тонкие руки, да и вообще весь какой-то щуплый. А вот Гиммлер — чисто коренастый крестьянин с широкой костью, несмотря на интеллигентную рожу. Да и не зря же рейхсфюрер жрал овсянку и заботился о здоровье.

Я сделал шаг в сторону, уходя от атаки фюрера, потом ударил Гитлера кулаком в плечо. Ноги у фюрера подкосились, он поскользнулся на начищенном до блеска дорогом паркете, а потом упал — прямо на один из металлических светильников, треснувшись об него головой.

Светильник был стилизован под факел, вокруг лампочки у него имелась широкая металлическая воронка с острыми краями, и об этом воронку Гитлер и приложился башкой. И приложился от души.

Фюрер упал на пол, он был еще жив, но из распоротой головы хлестала кровь.

Нашу возню, конечно же, услышали. Двери зала открылись, первым вбежал Борман, за ним следом несколько эсэсовцев, эти уже выхватывали пистолеты.

А я стоял над окровавленным покалеченным Гитлером. И даже не успел его добить.

Ну вот и всё. Сейчас меня просто-напросто расстреляют на месте, это в лучшем случае. А в худшем — схватят и будут пытать, пока не признаюсь, что я агент мирового еврейства.

Самое короткое и неудачливое попаданство в истории, блин.

Один из залов **рейхсканцелярии**

Борман, личный секретарь фюрера

Берлин, Рейхсканцелярия, 1 мая 1943 07:41

Эсэсовцы тут же взяли меня на мушку, парочка мужиков с перекошенными от ужаса лицами бросились к Гитлеру.

— Мой фюрер!

У фюрера из головы все еще хлестала кровища, он поднял руку и дрожащим пальцем ткнул в меня:

— Генрих… Фюрер…

Непонятно, что именно пытался сказать Гитлер. Речь давалась ему с трудом, взгляд Гитлера блуждал, как у новорожденного младенца, и кровотечение все не останавливалось. Видимо, проломлен череп.

— Врача! — воскликнул Борман.

Гитлер тем временем закрыл глаза и отрубился, его приподнятая было голова с громким стуком опустилась на пол.

Кто-то бросился искать доктора, кто-то пытался поднять Гитлера с пола, расстегнуть ему рубашку, влить воды в рот, перевязать голову куском ткани — один из эсесовцев разорвал мундир на себе, чтобы остановить фюрерскую кровь.

Борман жестом приказал эсесовцам, чтобы и дальше держали меня под стволами.

— Генрих, что произошло?

— У фюрера был припадок, — сказал я первое, что пришло в голову, — Я доложил ему кое-какую чувствительную информацию, о положении на фронте. И сердце нашего дорогого фюрера не выдержало. Вы сами знаете, что он уже давно не щадит себя и перерабатывает. Так что фюрер лишился чувств. И падая, ударился о светильник. Вон, смотрите.

Я указал на металлический обод светильника, где действительно осталась кровь.

В зал тем временем ворвались еще пара отделений эсэсовцев, теперь здесь было уже полсотни человек. Еще прибежали врачи, они тут же бросились к Гитлеру.

Вот тут «орднунг» присутствовал во всей красе, когда дело касалось здоровья Гитлера — у немцев всё было налажено на высшем уровне, медики прибыли менее, чем через минуту.

Борман же прошел к светильнику, осмотрел его, потом быстро оглядел зал, явно прикидывая и делая расчеты. А потом подозрительно поглядел на меня. Он мне явно не верил, Борман же не идиот.

А эсесовцы все еще держали меня на прицеле.

Я понял, что дальше мямлить нельзя. Надо взять ситуацию в свои руки. Мне все равно крышка, мне уже нечего терять, это придавало мне отчаянной решимости.

Я грозно потребовал:

— Убрать оружие! Врагов Рейха тут нет. Какого черта вы целитесь в вашего рейхсфюрера? Как у вас вообще рука поднимается? Или думаете, я мог причинить вред нашему любимому фюреру? Пистолеты в кобуру. Шнелль! Или забыли, что вы ᛋᛋ, а я ваш командир?

Не дожидаясь реакции эсэсовцев, я прошел ближе к Гитлеру, тот все еще был без сознания, привести его в чувство не удавалось.

Врачи уже закатали Гитлеру рукав и теперь что-то кололи ему, голова Гитлера уже была перевязана бинтами, которые все пропитались кровью.

— Ну как он? Он поправится?

Один из докторов поднялся с колен, на которые встал, чтобы перевязать голову лежавшему на полу Гитлеру.

Доктор отряхнулся, растерянно посмотрел сначала на меня, потом на Бормана.

— Фюрер назначил меня своим преемником! — объявил я, — И партайгеноссе Борман слышал его последние слова, и охрана фюрера слышала! Так что не тяните, докладывайте.

Вообще, раненый Гитлер наверняка имел в виду совсем не это. Он скорее пытался сказать, что «Генрих напал на фюрера». Но из-за проблем с речью у Гитлера вышло то, что вышло. Я был намерен траковать его слова в свою пользу.

— Нужно везти в больницу, — сообщил мне врач, — Череп проломлен, не буду скрывать: положение серьезное. Требуется операция.

Борман в ярости вмешался:

— Переложите фюрера на диван! Почему он до сих пор на полу?

Доктор мрачно поглядел на Бормана:

— Вы меня слышали, рейхсляйтер. Фюрера нужно везти в «Шарите». Немедленно, промедление смерти подобно. Там его смогут прооперировать, а здесь на диване — нет.

Борман кивнул.

Пара эсэсовцев тут же бросилась организовывать перевозку фюрера.

Но несколько охранников все еще продолжали держать меня на мушке. Парни выглядели растерянными, это определенно были личные телохранители Гитлера, проинструктированные получать приказы только от него. Но фюрер сейчас бы не в

состоянии отдавать никакие приказы.

Однако опасность для меня явно уже миновала. Теперь меня уже не пристрелят, это было ясно. Самыми опасными были первые секунды, когда эсэсовцы только набежали сюда. Они могли убить меня чисто на нервах. Но сейчас их пылкие арийские головы уже охладились. Вот если бы Борман приказал им застрелить или арестовать меня — они бы может это и сделали. Но Борман такого приказа не дал. Возможно тоже был растерян, а возможно у него уже были какие-то свои планы касательно сложившейся ситуации.

Я внимательно оглядел всех парней, наставивших на меня оружие — парней было четверо. Все высокие красавцы, Гитлер явно набирал себе охранников не только по принципу верности, но и по принципу экстерьера, как собак.

— Я вас запомнил, фольксгеноссе, каждого из вас, — процедил я.

И вот теперь охранники наконец вспомнили, кто я такой, и испугались.

Они тут же вернули люгеры в кобуры, а один из эсэсовцев даже щелкнул каблуками и вскинул правую руку:

— Простите, рейхсфюрер. Мы всего лишь исполняем наш долг!

* * *

Я уселся в свой мерседес в тяжких думах. Ситуация была сложной, если не катастрофической, причем что для Рейха, что для меня.

Может быть, мне вообще не ехать в «Шарите»? Но Гитлера везли именно туда, туда же отправился Борман — прямо в машине медицинской службы ҂҂, Борман не мог оставить фюрера одного в его состоянии.

«Шарите» это, как я понял, элитная клиника, где лечат видных членов партии. Там наверняка работают лучшие врачи, и оборудование тоже самое современное, так что Гитлера еще, не дай Бог, спасут.

И вот тогда у меня будут серьезные проблемы.

Я, конечно, могу попытаться сбежать из Берлина, но это просто глупо — все руководство Рейха сейчас точно приедет в «Шарите», каждый из главарей нацистов наверняка захочет быть рядом с фюрером в такой момент.

А раз так — то неплохо бы накрыть всех нацистов скопом, а лучший вариант для меня: вообще стереть эту клинику с лица

Земли, вместе со всей её начинкой.

Чтобы разом прихлопнуть и Гитлера, и Бормана, и Геббельса с Герингом, которые наверняка скоро туда примчатся.

Но как мне это провернуть? Очевидно, что я не могу отдать приказа палить по «Шарите» — такой приказ просто не выполнят. А еще на меня тут же настучат Борману. Стукачей среди моего окружения полно. Кто-то же рассказал Гитлеру и о черном ритуале в замке и о тех тайнах, которые Гиммлер прятал от фюрера в Тевтобургском лесу.

Гитлер знал о Гиммлере всё. А теперь стукачи наверняка понесутся докладывать Борману о каждом моем шаге.

А чтобы расстрелять артиллерией или взять штурмом «Шарите» — потребуется серьезная подготовка, даже если предположить, что ЧЧ выполнят мой приказ. И тайно такую подготовку не проведешь.

А Гитлера тем временем все еще отлично охраняют.

Я видел из окна мерседеса, как отъехала от рейхсканцелярии машина медиков, как двинулись следом авто еще каких-то чиновников. И машины охраны — штук десять. А сейчас наверняка к клинике подгонят еще и танки, и еще какие-нибудь полки элитной охраны фюрера.

В одиночестве Гитлера точно не оставят.

Время у меня поджимало, а я так ничего толком и не придумал. Все уже уехали, возле рейхсканцлярии остались в одиночестве стоять только мой мерседес, да еще такая же машина моих телохранителей.

Но меня никто никуда не торопил — в этом смысле свита Гиммлера была отлично выдрессирована, шофер терпеливо ждал приказов.

Пожалуй, мой единственный вариант: передать союзникам или нашим, что Гитлер сейчас в «Шарите», что фюрер пробудет там еще несколько часов минимум, пока его прооперируют.

Пусть эту клинику отбомбят по полной программе и сравняют с землей. Понятия не имею, возможно ли это с военной точки зрения, но не зря же Гитлер жил за пределами Берлина и посещал столицу короткими наездами, по его собственным словам. Значит, дотянуться до Берлина можно. Особенно, если англичане и русские атакуют разом и задействуют максимум авиации.

Вот только провернуть это еще сложнее, чем принять решение.

Как я передам союзникам информацию? Не могу же я позвонить Сталину? Или могу?

Я подумал еще пару секунд и осознал, что это откровенно

идиотская идея. На дворе же 1943 год. Наверняка позвонить в Кремль технически возможно, вот только средств шифрования телефонных звонков — никаких. Так что меня с телефонной трубкой в руке и расстреляют. Да и Сталин наверняка сочтет это провокацией или просто решит, что Гиммлер сошел с ума.

Союзники мне не поверят, это факт.

Выходит, придется все же полагаться на свои силы и бросить ЧЧ на штурм клиники…

Но пока я размышлял — из-за здания рейхсканцелярии показалась остальная охрана Гитлера. И вот тут я осознал всю тяжесть задачи в полной мере.

Танки — десяток. Потом бронемашины, грузовики, полные эсэсовцев. Все это двинулось следом за уже уехавшей машиной медиков. Похоже, что охрана Гитлера не ограничивается рослыми арийцами с пистолетиками, фюрера охраняет пара моторизированных полков.

И наверняка ПВО, ПВО они к клинике сейчас тоже подгонят. И все эти стражи фюрера мне ни фига не подчиняются, по крайней мере, они перемещались и активно действовали без всяких моих приказов.

Вот черт! Надо было добить Гитлера там, в рейхсканцелярии. Секунда на это у меня была, но я ей не воспользовался, просто растерялся.

Я клял себя последними словами, но проклятиями сейчас делу не поможешь. Надо ехать в «Шарите» и закончить начатое.

Закончить лично. Тут нет других вариантов.

И очень хорошо было бы найти человека, которому я могу довериться, причем найти его быстро. Мне нужны знания о Рейхе, хотя бы базовые.

Кому может доверять Гиммлер? Очевидно, никому. Разве что своей кровной родне? Знать бы еще, какая у Гиммлера имеется родня. Я был уверен, что он точно женат, для национал-социалиста такого ранга не иметь жены и детей наверняка было позорным.

Я почесал нос, потом глубоко вдохнул и обратился к сидевшему рядом адъютанту:

— Ну вот что, партайгеноссе. Думаю, что фюрера отравили. Наверняка дело рук евреев! В таких условиях каждый из нас в опасности. Так что вылезай из машины и привези мне в «Шарите» мою семью!

Адъютант напрягся. Причем напрягся сильно. Я явно сейчас сказал что-то не то.

— Рейхсфюрер?

Да чего он хочет-то? Я свирепо уставился на парня.

— Рейхсфюрер, мне привезти только вашу жену и дочь? А вашего приемного сына? А вашу…

Адъютант не окончил фразы, стыдливо потупил глазки.

Ну ясно. Речь тут может быть только о тайной любовнице. Или любовнике. Я понятия не имел, какие вкусы у больного ублюдка Гиммлера, в которого я попал.

— Всех, — коротко распорядился я, — И быстрее. Выполняйте.

— Яволь.

Адъютант тут же выбрался из мерседеса и захлопнул за собой дверцу.

А я откинулся на сидение и приказал шоферу:

— В «Шарите».

Пожалуй, погляжу на семью Гиммлера, выберу самого адекватного члена семьи и буду его использовать в качестве личного советника по всем вопросам.

Хотя, откуда в семье Гиммлера адекватные? Но посмотрим, выбора-то у меня нет.

***Mercedes-Benz W 150 II type 770K Sedan**, принадлежавший Гиммлеру, современное фото*

Гиммлер *едет в машине и радуется. Он еще думает, что ему не придется отвечать за его кровавые преступления, фото сделано в апреле 1941.*

Берлин, клиника «Шарите», 1 мая 1943 08:18

От рейхсканцелярии до «Шарите» меня довезли за полчаса.

Шофер в начале нашего пути даже соблюдал все правила дорожного движения — он вежливо притормаживал у каждого пешеходного перехода и на поворотах. Он бы наверняка и на красный свет останавливался, вот только редкие светофоры в Берлине не работали. Видимо, не хватало электричества, а ведь это еще только 1943 год, гитлеровский режим еще в самом расцвете сил. Но у нацистов уже возникли проблемы с электричеством, так я окончательно убедился, что никаким хваленым «орднунгом» тут и не пахнет.

А странное поведение шофера могло быть обусловлено только одним — вкусами Гиммлера. Рейхсфюрер ᛋᛋ был настолько примерным гражданином, что его машина соблюдала все правила дорожного движения. Наверняка вот из таких «хороших граждан» и выходят всегда худшие злодеи.

Но я никогда не отличался особой законопослушностью, кроме того: мы уже и так отстали от процессии Гитлера, спешившие в больницу медики и охрана фюрера явно никаких правил дорожного движения не соблюдали.

— Быстрее, — приказал я шоферу, — Фюрер ранен, а вы тащитесь!

Шофер ускорился, причем водителем он оказался опытным, нарушать правила он умел не хуже, чем соблюдать — когда мы прибыли к больнице, то Гитлера как раз выгружали из машины.

Фюрер все еще был без сознания, и это было хорошо. А вот остальное — нет.

Огромное готическое здание «Шарите» уже было окружено войсками и ᛋᛋ. Сюда уже подогнали танки и бронетехнику, и явно не те, которые выехали из рейхсканцелярии. Те все еще тащились позади нас.

Но на крыше уже расхаживали снайпера, полицейские уже выгоняли из больницы врачей и пациентов — некоторых прямо на костылях. Судя по всему, под фюрера предполагалось отвести целое крыло клиники, и всех посторонних оттуда убирали.

— Не смотреть в сторону медицинской машины! — орал на людей эсэсовец, — Проходить с опущенными глазами, не пялиться!

Ну ясно. Серьезная болезнь фюрера подтачивает сами основы Рейха. Никто не должен видеть Гитлера без сознания.

Для верности Борман, ни на шаг не отходивший от носилок с Гитлером, еще и закрыл лицо фюрера какой-то простынкой, чтобы главу Рейха никто не опознал.

К клинике тем временем неспешно подъезжали странные зенитки на гусеницах — сразу пять штук. Каждая из зениток была прикрыта серой тканью, вероятно для маскировки. Стволы орудий глядели в небеса.

Понятно. А вот и ПВО подвезли.

— Дайте мне ваш люгер, — приказал я адъютанту.

Одного я отослал за семьей Гиммлера, но двое эсэсовцев все еще оставались со мной.

Адъютант отдал мне оружие без всяких вопросов, потом даже принялся снимать с себя кобуру.

— Кобуры не надо, — я просто сунул пистолет в карман, а потом на всякий случай объяснился, — Я намерен лично охранять фюрера! Это просто мой долг, как руководителя ᛋᛋ.

Конечно, вряд ли меня подпустят к Гитлеру с пистолетом в кармане, но попытаться стоит. Пока вокруг царит суматоха, может и прокатить. Просто пройду в палату, где Гитлера оперируют, и застрелю его. Избавлю врачей от лишней работы и необходимости оперировать фюрера.

С другой стороны: я теперь уже сильно сомневался в том, что убить Гитлера и красиво умереть вслед за ним — хорошая идея.

Что будет после смерти Гитлера? Вероятно, Борман просто займет его место и продолжит войну. А вдруг Борман в этой войне еще и победит? Он явно умнее Гитлера. А я совсем не хочу быть попаданцем, который создал вариант реальности, где Рейх победил во Второй Мировой.

Но что-то в любом случае делать нужно, это факт. Так что я принял решение убить и Гитлера, и Бормана, и всех остальных нацистских бонз, которые скоро непременно будут здесь, чтобы поинтересоваться здоровьем фюрера.

Я еще оглядел творящиеся вокруг безобразие из окна моего мерседеса, потом поморщился:

— Мало охраны. Давай-ка сюда наши самые верные подразделения. Все. И быстрее.

Я очень надеялся, что адъютант поймет меня правильно, ибо сам я понятия не имел, какие подразделения у Гиммлера самые верные. Но на случай, если придется брать клинику штурмом, преданные вооруженные люди не помешают.

К моему сожалению, адъютант просто напросто растерялся. Видимо, Гиммлер обычно отдавал ему прямые и понятные приказы, а не позволял додумывать за шефа. Так что с инициативностью у адъютантов Гиммлера дела обстояли

откровенно паршиво.

— Рейхсфюрер, мне распорядиться увеличить количество шутц-полицаев?

А почему бы и нет, в самом деле? В памяти Гиммлера что-то шевельнулось. Шутц-полицаи — это же обычные полицейские. Те самые, которые сейчас гоняют народ от больницы. Воевать они, естественно, не умеют, бронетехники у них нет, но зато на верность Гитлеру их никто не дрессировал. И многим из них наверняка ни война, ни фюрер вообще даром не сдались. И командовать ими, судя по словам адъютанта, я могу. Я, что ли, распоряжаюсь всеми полицейскими силами Рейха, а не только ᛋᛋ?

— Давай шутц-полицаев, — приказал я, — Всех из ближайших районов, и быстрее. Через полчаса все должны быть здесь, у больницы. Фюрер в опасности! И начальника берлинской полиции — тоже сюда. Его сразу ко мне.

— Яволь, рейхсфюрер.

Телохранителей из моего второго мерседеса я на всякий случай решил оставить дежурить снаружи, а сам вошел в больницу с единственным оставшимся у меня адъютантом.

* * *

Крыло больницы, куда поместили фюрера, теперь напоминало уже не клинику, а казарму.

Коридоры внутри были заполнены эсесовцами, я теперь уже научился безошибочно узнавать личную охрану Гитлера — форма у них обычного для ᛋᛋ стального цвета, но на рукавах черные нашивки с серебряной надписью — «Leibstandarte ᛋᛋ Adolf Hitler», а на погонах: какой-то затейливый вензель, напоминавший татарскую тамгу. У некоторых еще в петлицах встречалось изображение ключа, но это редко — видимо, какой-то старый вариант униформы.

А еще охранников фюрера можно было опознать по длинным «арийским» рожам, квадратным подбородкам и высокому росту под два метра. Это были самые расово и физиологические чистые солдаты Рейха, отборные вояки с правильной генетикой. В здоровом, но крайне простецком теле Гиммлера я ощущал себя среди них некомфортно, любой из этих парней мог легко проломить мне башку одним ударом.

А еще некомфортнее ощущали себя местные врачи — они суетились в коридорах, не понимая, что вообще происходит, а вот пациенты не суетились, потому что всех пациентов бесцеремонно

отсюда выгнали. Тех, кто не мог ходить — полицейские перетащили в другие крылья больницы прямо в койках.

И, конечно же, меня не пустили к фюреру ни с оружием, ни с адъютантом.

Пистолет в моем кармане не укрылся от взора эсесовцев, у этих псов из гитлеровской Лейб-Гвардии была выдрессированная годами чуйка на такие вещи.

Очередной эсэсовец вскинул руку в римском салюте:

— Простите, рейхсфюрер, но оружие нужно оставить. И к фюреру я могу пропустить только вас одного. Приказ рейхсляйтера Бормана.

Моя рука потянулась к карману, чтобы покорно сдать люгер, но тут же повисла в воздухе. А какого собственно хрена? Зачем я подчиняюсь приказам властей? Чтобы что? В чем смысл?

Смысла не было. Это была просто воспитанная со школы привычка слушаться, и больше ничего. Просто инстинкт. Я никак не мог привыкнуть, что я теперь Гиммлер, и что я в Третьем Рейхе. Но Гиммлер не выполняет ничьих приказов, кроме приказов фюрера, это раз. А во-вторых: если я буду тут законопослушным гражданином, то я же сам стану нацистом, соучастником преступлений этих подонков.

Ну уж нет. Пора оставить старые привычки. Умный от дурака тем и отличается, что умный — учится, меняет свое поведение в зависимости от ситуации. Я не мог себе позволить быть дураком, слишком многое стояло на кону.

— Как смеет партайгеноссе Борман приказывать мне? — процедил я, глядя эсэсовцу прямо в глаза, — Или он не знает, что фюрер назначил меня исполняющим обязанности рейхсканцлера? Не знает, что именно я отвечаю за безопасность фюрера в этот критический для Германии момент?

Эсэсовец остался непреклонен:

— Еще раз простите, рейхсфюрер. Я подчиняюсь бригадефюреру Раттенхуберу. А он мне никаких отдельных инструкций на ваш счет не давал.

— Вам известно, что фюрера отравили? — выдал я мою коронную фразу, — И мы пока что не знаем, кто за этим стоит. Возможно как раз Раттенхубер. Вместе с Борманом! Кого вы защищаете, фольксгеноссе, фюрера или Бормана?

— Фюрера, мой господин. Но наш вождь сейчас не в состоянии отдавать приказы, мое сердце обливается кровью…

— В таком случае пропустите к фюреру его самого верного бойца и стража — меня, — перебил я, — Я лично буду нести караул у постели фюрера. И все Борманы мира мне не помешают.

Не дожидаясь ответа, я просто прошел дальше по коридору —

вместе с адъютантом и пистолетом в кармане.

И мой расчет оказался верным: они не рискнули, никто из эсесовцев не рискнул остановить Гиммлера.

Это придало мне уверенности в себе. Неужели и правда я могу творить, что хочу? Вот так просто? Выходит, что я зря переживал. Гитлер построил свой Рейх таким образом, что все было завязано на него лично, что ни один немец и шагу не мог ступить без его приказа. Теперь Гитлер вышел из строя — и немцы не знали, что им делать. В такой ситуации, у кого будет больше дерзости и решительности: тот и возьмет власть над Германией, выпавшую из ослабевших ручонок фюрера.

Возле палаты, где оперировали Гитлера, стоял десяток автоматчиков, из того же гитлеровского Лейб-Штандарта. А еще тут же был Борман, он как раз говорил с врачом.

— Операция займет пару часов, рейхсляйтер, — докладывал доктор, пожилой и явно опытный хирург, — Горе нам, но обнадежить вас не могу. Череп пробит, его осколки попали в мозг. Так что исход совершенно непредсказуем. Фюрер может поправиться. А может впасть в кому. Или умереть. Или…

Доктор испугался и замолчал.

— Продолжайте, мой друг, — ласково произнес Борман, — Говорите, как есть. Речь идет о здоровье фюрера.

Доктор еще помялся и только потом выдал:

— Ну в общем… У фюрера могут возникнуть проблемы ментального характера. Мы не знаем, насколько поврежден его мозг.

Врач побледнел, его лоб покрылся испариной. Он сейчас выглядел, как человек, совершивший святотатство, как мусульманин, которого заставили съесть кусок свинины и запить водкой. Мыслимое ли дело — предполагать, что фюрер станет дегенератом? Гитлер был для них живым божеством, и слова врача звучали, как богохульство. Хотя я мог над этими словами только мысленно посмеяться. Можно подумать, что Гитлер не имел ментальных проблем до того, как стукнулся башкой о светильник!

— Я предполагаю, что фюрера отравили, — влез я в разговор с моим фирменным посланием германскому народу, — Вот почему он упал и стукнулся головой. Вы нашли яд?

Врач растерянно перевел взгляд на меня:

— Никак нет, рейхсфюрер. Боюсь, что сейчас нас занимает только проломленный череп фюрера. Все анализы придется отложить на потом. Если фюрер поправится.

— Поправится или нет, но анализы на яд провести необходимо, — потребовал я, — Враги Рейха будут наказаны за

их злодеяния, даже если фюрер оставит нас. Гитлеризм — вечен. Он не умирает, даже вместе с Гитлером! Ясно?

Я, похоже, потихоньку становился хорошим оратором. Врач обреченно закивал, а вот Борман смотрел на меня удивленно — видимо, оригинальный Гиммлер красноречием никогда не славился. В отличие от меня. Я сам раньше никогда не замечал за собой мастерских речей, но с другой стороны, если подумать: я же все-таки сантехник, а сантехники известны как раз своим красноречием. И не только в плане матерной ругани. Все же сантехник должен уметь и успокоить человека в сложной ситуации, когда у него залило полквартиры или из унитаза льется через край, а еще сантехник должен уметь продать человеку свои услуги — например, замену прокладки, даже когда такая замена не требуется. Это наш хлеб.

Так что выходит, что я ораторским искусством вполне владел, в виду моей профессии, просто раньше не сознавал этого. А вот оригинальному Гиммлеру его речи наверняка писали референты.

— Я буду лично присутствовать при операции, — заявил я, решительно направляясь к палате, где латали Гитлера.

Но на этот раз тактика тупого напора не прокатила — двое автоматчиков тут же заступили мне дорогу.

А доктор всплеснул руками:

— Невозможно, рейхсфюрер. Простите, но невозможно! Это сложнейшая операция, отвлечете врачей, и жизнь фюрера окажется под угрозой!

— А вдруг ваши врачи убьют фюрера? — парировал я, — Вдруг они — участники заговора против Гитлера? Нет, я лично буду охранять фюрера! Я не отойду от него ни на секунду.

«Пока его не прикончу» — добавил я про себя.

Но Борман уже взял меня под локоток:

— Нет нужды, партайгеноссе. Как видите, фюрера хорошо охраняют. И врачи тут в «Шарите» проверенные, как вам известно. Это же партийная клиника. Вы просто устали, мой друг, как и все мы. Пойдемте лучше выпьем кофе.

Вообще, предложение так себе. Гонять кофеи — это не то, чем я должен сейчас заниматься. Но я отлично понимал, что в эту палату меня никто не пустит. Автоматчики были настроены решительно, и Борман тоже против. Кроме того, Борман явно хотел со мной о чем-то поговорить. О чем-то серьезном, это было ясно по его тону.

А как я уже убедился: убить Гитлера недостаточно. Чтобы остановить войну и помочь нашим — мне нужно будет еще разобраться с Борманом. А как я с ним разберусь, если не

выслушаю его? Это уже не говоря о том, что возможно мне как раз Бормана и нужно застрелить, а не Гитлера, который уже и так одной ногой в аду. Так что остаться с Борманом наедине — отличный вариант.

Я кивнул:

— Ладно, вы правы.

— Распорядитесь, чтобы нам принесли кофе и коньяку, — приказал Борман врачу, — И бутерброд у вас найдется? У меня от стресса всегда разыгрывается голод. Проблемы с поджелудочной, вы, как врач, должны понять меня.

— Я немедленно отдам распоряжения, рейхсляйтер, — заверил Бормана врач.

— Мне тоже бутерброд, — потребовал я, воспользовавшись ситуацией, — С колбасой. А лучше два.

Борман в очередной раз глянул на меня с предельным подозрением.

— Вы вроде были вегетарианцем, дружище.

— Это так. Но у меня желудок сводит от горя, когда с фюрером беда!

— Будем молиться, чтобы он поправился, — у Бормана на глазах выступили натуральные слезы.

Вместе с Борманом мы прошли дальше по коридору больницы, потом свернули в другой коридор, потом подошли к двери одной из палат.

— Ваш адъютант, конечно же, останется снаружи? — уточнил Борман.

— Останется.

Я согласился, ведь чтобы пристрелить Бормана — адъютант мне ни к чему.

Мы вошли, в просторной палате стояло несколько коек, больных и врачей тут не было, зато присутствовал эсэсовец, прямо как с пропагандистского плаката — высокий голубоглазый блондин. В петлицах у него было по тройному дубовому листку.

Увидев меня и рейхсляйтера, эсесовец браво отсалютовал.

Кроме него тут был еще один человек, он сидел на койке, но встал, когда мы вошли.

И когда я увидел этого второго мужика: то у меня глаза на лоб полезли. Да быть не может! Я ощущал себя, как в ночном кошмаре, меня натурально бросило в пот.

Ошибки тут быть не могло — среднего роста, в коричневом костюме, челка, усики…

Этот второй был Гитлером! Причем, Гитлером живым и совершенно здоровым, без всяких ран на голове.

— Ну здравствуй, Генрих, — с угрозой сказал мне фюрер.

Я уже ничего не понимал. А когда я ничего не понимаю — моя рука тянется к пистолету.

У меня не было ни единого предположения, что вообще происходит, и как Гитлер оказался здесь, а не в операционной, и почему он снова жив-здоров, но мне было плевать. Я уже отправил на операционный стол одного Гитлера, а второго Гитлера — просто пристрелю, как бешеную собаку.

Историческое здание «Шарите», *современное фото*

Берлин, клиника «Шарите», 1 мая 1943 08:30

Гитлер неожиданно улыбнулся мне — очаровательной белозубой улыбкой. И вот тогда я понял, а скорее почуял нутром, что что-то тут не так. Это не Гитлер. Не настоящий.

Моя рука, засунутая в карман за пистолетом, так в кармане и осталась.

— Айзек, что вы себе позволяете? — назидательно поинтересовался Борман.

Айзек? Ну ясно. Значит это просто двойник. Суррогатный фальш-фюрер. Вот такому меня в школе точно не учили. О том, что у Гитлера имелись двойники, я сейчас узнал впервые.

— Простите, рейхсляйтер, — Айзек склонил голову, — И вы тоже извините меня, рейхсфюрер. Просто шутка. Просто не сдержался. Признаться, я просто хотел вас напугать. И мне удалось!

— Я очень не советую вам меня пугать, Айзек, — процедил я моим Гиммлеровским голосом, — Когда я пугаюсь — обычно кто-то умирает.

— Рейхсфюрер прав, — согласился Борман, — Оставьте это ребячество, Айзек. Не сейчас, не в такой момент. Вам, вероятно, придется сегодня же выступить с обращением к германской нации. Уже поползли слухи о ранении фюрера, и наша задача — эти слухи решительно опровергнуть. Фюрер не может быть ранен. Такое могут предполагать лишь наши еврейские враги! Так что готовьтесь, Айзек — если фюрер не придет в себя к вечеру, то будем записывать радиообращение в вашем исполнении. А до этого, в полдень, у вас выступление на митинге, в честь Дня Национального Труда.

Дня национального труда? Выходит, что нацисты празднуют первомай? Все больше и больше удивительных открытий. Я уже в который раз помянул недобрыми словами школьные учебники истории. С другой стороны: эти учебники для общего образования, глупо требовать от них, чтобы они были инструкцией для попаданцев.

Борман повернулся ко мне:

— Ну и как вам? Считаете, что Айзек справится?

— Я справлюсь, — ответил Айзек вместо меня.

Я смерил фальш-фюрера недовольным взглядом.

— Айзек слишком много болтает, — ответил я, — Но в этом и плюс. Фюрер тоже любит поговорить, так что полагаю, что да —

Айзек справится.

— Хорошо, — констатировал Борман, — Идите готовьтесь, Айзек. Бригадефюрер вас проинструктирует, тексты ваших речей получите у него же. И умоляю вас — поменьше импровизации.

— Я постараюсь, — пообещал Айзек.

Сопровождавший Айзека эсэсовец еще раз отсалютовал. А Айзек тем временем отклеил усики, снял парик, изображавший Гитлеровскую челку, а потом достал из кармана костюма и приклеил себе на подбородок густую бороду. А после надел на нос темные круглые очки.

Теперь он за один миг преобразился в другого человека, все сходство с Гитлером исчезло. И смысл этих перевоплощений был мне ясен: Айзек же не может ходить по коридорам больницы в фюрерском виде, когда Гитлера оперируют здесь же. Сам факт существования двойника следует тщательно скрывать, это было понятно.

Бригадефюрер и Айзек ушли, а нам с Борманом принесли наконец две чашки кофе, тарелку бутербродов с сыром и колбасой, а еще бутылку коньяку. Борман решительно налил коньяк себе в кофе, но я предпочел просто хлебнуть кофе и сохранить трезвый разум. Да Гиммлер наверняка и не пил. Гиммлер, жрущий колбасу — это еще куда ни шло. Но Гиммлер, который начал хлебать коньяк, точно вызовет подозрения.

Момент пристрелить Бормана сейчас был идеальным, но интуиция подсказывала, что пока что делать этого не следует. Борман явно хотел сообщить мне нечто важное. Он пригубил кофе, потом куснул бутерброд, потом закурил сигарету.

— Айзек — это же еврейское имя, — эта мысль меня почему-то настолько шокировала, что я высказал её вслух, — Он еврей что ли?

— Еврей, причем польский, — подтвердил Борман, — Он из Люблина. Отец — еврей, мать — немка. Так что немецкий для него родной. Пришлось только обучить его мюнхенскому диалекту, чтобы его речь не отличалась от речи фюрера. Родителей Айзека мы уже убили, но его сестра все еще у нас в Моабитской тюрьме. Точнее говоря, у вас в Моабитской тюрьме. Так что Айзек слушается. Он бывший актер Люблинского театра, а актеры — народ гнилой и трусливый, сами знаете. Но для своей роли Айзек подходит идеально. И это главное, а остальное не имеет значения. Айзек же не настоящий фюрер. А вы, в свою очередь — не настоящий Гиммлер.

Борман так резко перешел от Айзека ко мне, что я растерялся. С другой стороны: ожидаемо. На что я вообще надеялся? Что смогу притвориться Гиммлером, ничего про

Гиммлера не зная? Так такое только в глупых книжках про попаданцев и бывает.

— О чем вы, рейхсляйтер?

— Обо всем, — Борман затянулся сигаретой, — Начнем с того, что именно вы этого Айзека и нашли год назад. Именно вы надрессировали его быть фюрером. А теперь вы Айзека не узнаете. Я для того и привел сюда Айзека: во-первых, чтобы дать ему инструкции, а во-вторых — чтобы проверить вас. И вы проверку не прошли. Вы прямо сейчас жрете бутерброд с колбасой, хотя Гиммлер бы колбасу, тем более такую жирную, никогда бы и в рот не взял. У вас изменилась речь. Изменился взгляд. Вы сами не понимаете, где находитесь. Вы не Гиммлер, дружище. Так кто вы такой? И зачем вы пытались убить фюрера?

Я отложил бутерброд, в который я действительно вгрызся, чисто на нервах. А потом сунул руку в карман, нащупывая пистолет.

— Ну застрелите вы меня, а дальше что? — спокойно поинтересовался Борман, — Бойцы Лейб-Штандарта мною предупреждены, что с вами что-то не так. Я высказал им мои подозрения, что вероятно это вы стукнули фюрера головой о светильник. Так что если выстрелите в меня — сюда ворвутся эсэсовцы, и вас самого пристрелят, моргнуть не успеете, партайгеноссе.

Это были резонные рассуждения, крыть тут было нечем.

Если убью Бормана — то до Гитлера уже не доберусь, а фюрер тем временем может еще и поправиться, врачи же сказали…

Борман ждал ответа.

— Ну хорошо, вы меня раскусили, дружище Борман, — признался я, — Я не Гиммлер. Вам известно о том, что рейхсфюрер увлекался оккультизмом?

— Известно, — Борман презрительно ухмыльнулся, — Но это же только беготня по замку в голом виде. Одна мерзость и непотребство. И глупость.

— А вот и нет, — запротестовал я, — Во-первых, я в голом виде по замку не бегал, я уже оправдывался перед фюрером за эту гнусную ложь. Во-вторых, ритуал призыва сработал. В этом теле больше не Генрих Гиммлер. Я… Я — германский король Генрих Птицелов. Из десятого века!

— Вот как, — Борман допил свой кофе с коньяком, потом затушил сигарету, прямо в чашке, — А когда вы научились пользоваться пистолетом, ваше величество? Будь вы древним королем — логичнее было бы попытаться зарубить меня мечом.

Похоже, что мой план не сработал, Борман мне не поверил.

Ну да, я опять допустил ошибку. Глупо было пытаться прикрываться авторитетом древнегерманских королей. В эту дичь тут никто кроме Гиммлера и его сумасшедших дружков не верил. Борман был настроен так же скептически, как и Гитлер.

— Я получил часть памяти Гиммлера, — ответил я.

— Мда? Но не ту часть, в который была информация об Айзеке, так ведь? Ибо Айзека вы не узнали. Более того: вы даже меня не узнали, когда сегодня увидели в рейхсканцлярии. Готов в этом поклясться. Как зовут вашу жену, Генрих?

Я понял, что моя легенда провалилась полностью. Борман мою версию просто разгромил. А значит — остается только один вариант, вариант сказать правду. Вообще, я сторонник правды, правду нужно говорить всегда, даже когда говоришь с Борманом. В правде, по крайней мере, не запутаешься, как во лжи.

— Ладно, я соврал. Я не Генрих. Не Генрих Птицелов, но и не Генрих Гиммлер. Я из будущего. Из 2023 года.

— Доказательства?

Улыбка Бормана теперь стала сочувствующей, как будто я был тяжело больным человеком. Психически больным. Повторялась ситуация с Гитлером — мне никто не верит, а доказательств у меня ноль.

— Я знаю все тайны Рейха, — заявил я, — В моем времени их все знают. И про ядерный проект, и про Холокост, и про Фау-2. Для меня это исторические факты, дела давно минувших дней.

Борман покачал головой:

— Конечно, ты знаешь про ядерный проект, партайгеноссе, ты же Гиммлер. И про Фау-2 ты тоже в курсе, что же тут удивительного? А что такое «Холокост», это же что-то из Библии?

— «Холокост» — это уничтожение евреев, — пояснил я, — Его так назовут после войны. Которую Германия проиграет в мае 1945, и поражение Германии будет сокрушительным.

— Вот как? — Борман развеселился, — А доказательства у тебя есть, мой друг, доказательства? Или просто красивые слова?

Ясно. Мои доказательства — не доказательства.

И это логично, я бы на месте Бормана тоже не поверил ни единому моему слову. Борман считал меня безумцем. И он явно размышлял. А еще было очевидно, что эти размышления рейхсляйтера ничем хорошим для меня не кончатся. Как только Борман убедится, что Гиммлер сошел с ума и утратил дееспособность — он просто, продолжая мило улыбаться, проводит меня в психиатрическую клинику, откуда я уже живым не выйду.

У меня рука чесалась всадить в жирную рожу Бормана пулю, а то и разрядить в неё же весь магазин. Но этого делать нельзя,

тогда я сам умру, как верно заметил Борман. Разменять свою жизнь на жизнь фюрера — это еще куда ни шло. Но погибать ради того, чтобы убить Бормана? Это бессмысленно. Гитлер еще может поправиться, он назначит себе нового Бормана и нового Гиммлера вместо меня — да и всё. Эдак нашим не поможешь, войну и нацистов не остановишь.

— Я свободно говорю по-русски, — сообщил я, причем на чистейшем русском языке.

Борман нахмурился.

— Да-да, — продолжил я, уже по-немецки, — Вы не ослышались, рейхсляйтер. Я говорю на русском, как на родном. Можете это проверить. Зовите любого переводчика, любого русского остарбайтера с улицы — они подтвердят. Откуда Гиммлеру знать русский? Вот это убийственное доказательство. И вы правы: я пытался прикончить фюрера. Потому что я русский, а Гитлер — враг моей родины.

Вот теперь я выхватил пистолет, снял с предохранителя (это я, к счастью умел, пару раз стрелял в тире) и направил ствол на Бормана.

Рейхсляйтер не испугался, нервы у Бормана были стальные. Но он призадумался. Налил себе еще коньяку, выпил.

— Ну предположим, — протянул Борман, игнорируя направленный на него пистолет, — Что-то в ваших словах есть. Я, честно признаюсь, с трудом верю, что у Гиммлера могла так сильно измениться личность. Предположение, что Гиммлер будет тыкать в меня люгером — оно фантастическое. Не более фантастическое, чем ваша история.

— Значит, верите мне?

— Я этого не говорил. Уберите оружие.

— Не уберу. Какого черта я должен его убирать? Я теперь правлю Рейхом, Гитлер меня назначил, все это слышали! Поэтому знаете что? Я могу вас спокойно пристрелить, партайгеноссе Борман.

Борман расхохотался:

— Вы не правите Рейхом. Не впадайте в иллюзии, мой друг. Ни вы, ни я фюрером пока что не стали. Вообще, никто не может стать фюрером — фюрер у нас один. Незаменимый. У Гитлера был только один заместитель: Гесс. Но он сбежал в Англию, если вам это известно, и он разбил сердце нашего фюрера. С тех пор у Гитлера нет замов. Так что ваши претензии на власть — абсурдны. Да и как вы будете управлять Рейхом, не имея никаких знаний? Выстрелите в меня — даже не выйдете живым из этой палаты. Лейб-Штандарте вам не подчиняются, вы уже сами в этом убедились, у охраны Гитлера уже руки чешутся покончить с вами.

Я сказал им, что подозреваю вас в попытке убить фюрера. Я же вам сообщил об этом. Опустите оружие, сейчас же! Поговорим конструктивно.

— Да о чем мне конструктивно с вами говорить, Борман? Мы с вами враги!

— О будущем Германии, — спокойно ответил рейхсляйтер, — Вы же утверждаете, что вы из будущего? Ну вот и расскажите мне о нём. И тот факт, что мы враги, нам, думаю, не помешает. И у врагов могут быть общие цели, разве нет?

— Общие цели?

До меня не сразу дошло. Но когда дошло, я и правда поставил оружие на предохранитель и убрал пистолет обратно в карман.

Я понял, что Борман почему-то заинтересовался тем фактом, что я именно русский попаданец. На него именно это по какой-то причине произвело впечатление. Почему — пока что было неясно.

— Вы тоже хотите смерти фюрера? — догадался я.

— По крайней мере, я вам такого не говорил, — строго произнес Борман, — Давайте, рассказывайте про ваше будущее.

— Про наше будущее, — поправил я, — Тут всё просто. Наступление СССР уже не будет остановлено. Русские возьмут Берлин в мае 1945. А в июле 1944 во Франции высадятся американцы и англичане. Будет война на два фронта, которую Рейх проиграет. Гитлер покончит с собой в апреле 1945. Вот и всё. Фюрер привел Германию к катастрофе.

Борман призадумался:

— Война на два фронта, мда… А я ведь говорил фюреру. И Гесс говорил ему, хоть и был тем еще сумасшедшим. Но Гитлер не слушал, он никогда не слушает. Ну а со мной что будет?

— Вас повесят, — ответил я, — Будет так называемый Нюрнбергский процесс. И вас на нем после суда вздернут.

Вообще, я сейчас врал. Или не врал. Я и сам не знал, я понятия не имел, какова судьба Бормана. Вроде же он на самом деле сбежал в Аргентину? Или застрелился? Я этого не помнил. Но в воспитательных целях сейчас лучше напомнить Борману про виселицу, это ясно.

Борман несколько секунд молча и явно мучительно размышлял, его жирный лоб наморщился и даже покрылся испариной — то ли от кофе с коньяком, то ли от тяжких дум.

— А можете меня отправить в будущее? — нарушил наконец молчание рейхсляйтер.

— Не-а. У меня нет машины времени. Я даже понятия не имею, как Гиммлер умудрился запихать меня в свою тушку. Рейхсфюрер вроде хотел вселить в себя дух короля Генриха

Птицелова, причем таким образом, чтобы в его теле сохранилось и собственное сознание Гиммлера, и сознание короля одновременно. Безумец пытался усилить себя душой короля. А вместо этого — его тело оказалось захвачено мной. Но я понятия не имею, как это работает. И вряд ли смогу повторить.

— Ну хорошо, — Борман кивнул, — Я все еще вам не верю, но что-то в ваших словах есть. Надо бы на самом деле проверить ваше знание русского языка.

— Нет времени, — отрезал я, — Позже проверяйте сколько угодно. Но сейчас нужно добить Гитлера, если хотите спасти Германию и не хотите качаться на виселице через два года. Нужно прикончить фюрера, немедленно.

Борман мрачно хмыкнул:

— Если убьем фюрера, дружище — то закачаемся в петлях уже сейчас. Не забывай, что твои ᛋᛋ выполнят любой твой приказ, кроме приказа уничтожить Гитлера. Кинолог может приказать псу загрызть любого человека, но не может приказать загрызть хозяина. Если пёс услышит такой приказ — то предпочтет откусить хрен самому кинологу, а не любимому хозяину.

— Ну и что вы предлагаете?

— Да очень простое. Сюда уже едут Геринг, Шпеер и Геббельс. И фюрера никто из них не предаст. Шпеер предан Гитлеру лично, Геббельс — безмозглый фанатик, Геринг просто дурак и трус. Арестуйте их всех, обвините в отравлении фюрера. И всё. Если Гитлер придет в себя — отпустим их всех и скажем фюреру, что мы просто перестраховались. Если Гитлер умрет или останется идиотом в результате повреждения мозга — возьмем власть над Рейхом.

— Ха! Значит, вы мне все-таки поверили, что я из будущего?

— Честно? Нет, дружище. Я считаю, что вы Гиммлер, который сошел с ума. И хочу вас использовать в своих целях. Я просто не хочу войны на два фронта, а именно к ней все и идет. Катастрофу нужно предотвратить. Тут с вами не поспоришь, даже если вы двинулись разумом, в этом моменте вы правы полностью.

— Ну и кто же будет править Рейхом вместо Гитлера, если фюрер отправится в ад?

— Я, — без обиняков пояснил Борман, — Я буду рейхсканцлером. А вы сохраняете свою старую должность рейхсфюрера ᛋᛋ.

— А фюрером кто будет?

— Как кто? — Борман удивился, — Айзек, конечно же. Вы меня не слушали. Фюрером может быть только Гитлер, национал-социализм без Гитлера — это нонсенс.

— Замечательно. Значит, Айзек… Фюрер-еврей?

— А какая разница? Это для немцев он будет Гитлером. А для нас с вами — просто марионеткой, — Борман пожал плечами.

— Мы не сможем долго пудрить голову народу, — засомневался я.

— Долго не сможем, но долго и не надо. Аккуратно подготовим народ к смене власти. Потом отправим Айзека на почетную пенсию. Хватит месяца, в течение которого он будет изображать Гитлера. Максимум — двух месяцев. Потом его сольем. И тихонько убьем.

Я вздохнул:

— Это все хорошо, партайгеноссе, но вы же понимаете, что я не буду вести войну против России? Я не собираюсь в этом дерьме участвовать. Равно как в уничтожении евреев и прочей мерзости. В моем времени национал-социализм считается синонимом абсолютного зла. Я не намерен пачкаться о его преступления. У меня оба дедушки воевали против вас. Так что план просто пристрелить вас сейчас — он мне все еще кажется адекватным.

— Нет, это не адекватный план, это глупость, — отрезал Борман, — Да вы и сами это знаете, иначе я был бы уже мертв. Что до уничтожения евреев — то эту программу, разумеется, нужно будет свернуть, с этим я солидарен. А что до войны против русских — ну я же сказал… Я противник войны на два фронта.

— Что?

Вот тут я уже не поверил своим ушам. Эти слова Бормана меня удивили больше всего остального.

— Вы хотите заключить мир со Сталиным против американцев и англичан?

— А что, есть другой выбор? — Борман в очередной раз хмыкнул, — Я же сказал: война на два фронта — это самоубийство. Тут я с вами согласен. Мы с Гессом пришли к этой же мысли еще в 1941. Так что мир с кем-то нам нужен. Но американцы на переговоры с нами не пойдут, мы в их глазах — настоящие демоны из ада. Любой американский президент, который решится заключить с нами мир, просто проиграет следующие выборы, а то и будет смещен парламентом. У англичан ситуация такая же. Демократии слабы, демократический политик — это всегда заложник толпы. А вот Сталин может свободно вести переговоры с нами, не оглядываясь на мнение толпы. Вот почему я сторонник мира с СССР. А с англичанами и американцами будем мириться уже после. На наших условиях. Когда нанесем им поражение на поле боя, когда вынудим их к выгодному для нас миру.

Я мучительно размышлял. Поверить Борману, что ли?

Понятное дело, что потом Борман меня все равно уберет. Но также понятно, что и я потом попытаюсь убрать Бормана. Этот наш союз, если и состоится, то будет сугубо временным. Это союз против Гитлера и его прихвостней. И как только с ними будет покончено — каждый из нас начнет свою игру.

— Вы сейчас сильно рискуете, говоря мне всё это, рейхсляйтер, — заметил я.

— Само собой, — Борман кивнул, потом улыбнулся, — Будь вы настоящим Гиммлером — вы бы меня уже давно арестовали за эти речи. Но вы этого не сделали, и это окончательно убедило меня, что вы не Гиммлер.

— Ну а если Гитлер все же придет в себя?

— Отыграем все назад, — Борман пожал плечами, — Но вы в любом случае уже будете служить мне, а не фюреру.

— Так что именно мы делаем?

— Вы арестуете Шпеера, Геббельса и Геринга. Потом… Потом решим с Гитлером. Всё. Час времени — и мы правители Рейха.

Я так и не успел дать согласие, потому что в дверь палаты настойчиво постучали.

— Войдите, — крикнул Борман.

Вошёл мой адъютант, вид у парня был напуганным.

— Простите, рейхсфюрер. Но у меня срочные новости. И тревожные.

— Фюрер мертв?

— Слава Богу нет. Дело в другом.

Адъютант растерянно глянул на Бормана.

— Говорите, — разрешил я, — От партайгеноссе Бормана у меня секретов нет.

Мне показалось это верной тактикой. Пусть Борман мне доверяет — сейчас это важно. Я на самом деле не справлюсь с Гитлером без него.

Адъютант щелкнул каблуками:

— Как скажете. В общем: шутц-полиция по вашему указанию собрана, здание полностью оцеплено. Во-вторых: мы привезли вашу семью, рейхсфюрер, как вы и приказывали. В-третьих, прибыли министр Шпеер и доктор Геббельс. В-четвертых… В Берлине мятеж, мой господин.

— Что? — Борман вскочил на ноги с койки, на которой сидел.

— Нам сообщают, что мятежники только что взяли рейхсканцлеряю, — обреченно доложил адъютант, — И часть их уже идет сюда. Мы не знаем, сколько их, не знаем, каковы их цели. Но уже имели место перестрелки на Инвалиден-штрассе.

— Перестрелки кого с кем? — уточнил я.

Я в отличие от Бормана напуган не был. Чем больше хаоса —

тем лучше для меня. А вообще, все это было удивительно: похоже, что я развалил Рейх, просто толкнув фюрера. Рейх оказался откровенно слабоват, я такого не ожидал.

Похоже, что в фашистских тираниях все на самом деле обстоит именно так, как мне говорил фюрер. Есть Гитлер — есть Германия. Нет Гитлера — Германия трещит по швам.

— Мы не знаем, рейхсфюрер, — ответил адъютант, — Обергруппенфюрер Кноблаух сейчас уточняет этот вопрос. Переговорите с ним, телефонная связь в Берлине пока что есть. Кноблаух предполагает, что восстали предатели в Вермахте — к ним как-то просочилась информация о ранении фюрера, и они решили воспользоваться моментом для трусливой измены.

Мы с Борманом переглянулись.

— Спасибо, я сейчас выйду. Оставьте пока нас с рейхсляйтером, — распорядился я.

Адъютант вышел, а Борман набросился на меня:

— Ваших рук дело?

— Не-а. Я думал, что ваших.

— Значит так: все отменяется, — отрезал Борман, — Забудьте пока всё, что я вам говорил. Нужно покончить с заговорщиками, остальное — потом. И не вздумайте дергаться, дружище. Ни шагу без согласования со мной! Я — ваш единственный союзник. Мятежники из Вермахта наверняка хотят мира с западными демократиями против русских. Их цели — не наши цели. Они идиоты. Тупая военщина! Они так и не восприняли доктрины национал-социализма в полной мере!

Борман, кажется, перепугался ни на шутку. Даже заговорил словами явно Гитлера, что свидетельствовали о крайней степени нервного стресса у рейхсляйтера. В трудных ситуациях люди всегда хватаются за авторитеты, начинают говорить словами своих учителей.

Я кивнул в ответ:

— Яволь. Как скажете.

А про себя подумал — вот он, момент. Борман здесь, Шпеер с Геббельсом тоже, да и Гитлер присутствует. Все в одном здании. К которому сейчас подойдут мятежники. И лучшего момента для уничтожения всей верхушки Рейха у меня уже не будет. Пора действовать!

Пистолет ***Luger P08****(производства компании «Mauser», 1942 г.), современное фото*

Берлин, клиника «Шарите», 1 мая 1943 08:57

Мы с Борманом и моим адъютантом прошли к палате, где оперировали фюрера, тут все еще торчали автоматчики из Лейб-Штандарте.

А у дверей палаты стоял доктор, не тот, что раньше — этот был помоложе. Но стоял от тут затем же, зачем и старый: чтобы докладывать руководству Рейха о состоянии фюрера.

— Ну что там, мой друг? — обратился Борман к доктору.

Однако доктор не ответил, он был перепуган, весь дрожал, у парня зуб на зуб не попадал.

Это еще что? Неужели фюрер и правда умер? Неужели всё — я убил Гитлера?

Доктор попытался что-то из себя выдавить, но от стресса не мог связать двух слов.

— Рейхсляйтер… Простите… Вынужден сообщить…

Автоматчики застыли, как статуи, их лица были каменными. А жирный лоб Бормана в очередной раз покрылся испариной.

Ну хватит, пожалуй. Я слишком долго тянул время, я действовал слишком трусливо. Но это было раньше, я тогда еще не освоился. А сейчас освоился вполне. Лучше момента уже не будет никогда. Сейчас и только сейчас: когда Гитлера больше нет, и когда все растерянны.

Я выхватил из кармана пистолет и громко отчеканил:

— Фюрер был убит в результате заговора! Борман, Геббельс, Геринг и Шпеер сговорились, чтобы погубить фюрера. Я только что допросил Бормана — он признался мне!

Да, наверное было разумнее действовать не столь прямо, а вступить в союз с Борманом. Но это было разумнее пару минут назад, когда я еще не знал о мятеже военных и смерти Гитлера. А политика — искусство возможностей. И если я хочу стать политиком (а я хочу), то должен, просто обязан действовать сообразно ситуации.

Я направил пистолет прямо в жирную рожу Борману:

— Я приговариваю вас к смерти за государственную измену, рейхсляйтер!

Автоматчики не отреагировали — вообще ноль эмоций, никто из них даже не шевельнулся. А вот доктор в ужасе вскрикнул.

Я нажал на спуск, но ничего не произошло.

Вот черт! Я забыл снять с предохранителя…

Щелк — я снял с предохранителя, но время было уже

потеряно.

— Это не Гиммлер, это русский шпион! — заорал Борман, — Убейте его!

Но никто из охранников Гитлера даже бровью не повел. Не люди, а киборги. И подчиняются они только Гитлеру, которого больше нет.

Борман бросился на меня, выбил у меня пистолет, люгер полетел на пол. Однако среагировал мой адъютант, он подошел к Борману со спины, сложил руки замком, а потом профессионально ударил рейхсляйтера по толстой шее.

Борман ахнул и опал на колени.

Я первым делом поднял с пола мой пистолет, а уже потом двинул рейхсляйтеру сапогом в висок. Черепушка у Бормана хрустнула, теперь рейхсляйтер упал уже на четвереньки, в глаза ему брызнула кровь из распоротой головы.

— Давай договоримся! — взвизгнул Борман.

— Никаких переговоров с врагами Рейха, — отрезал я.

Я направил пистолет Борману в голову и выстрелил. Резкий, как удар хлыста, звук разнесся по больничным коридорам, пуля прошила башку Бормана насквозь. Рейхсляйтер рухнул на пол всем своим жирным телом, под ним тут же стала растекаться лужа крови.

Вот этого уже точно никакие хирурги не спасут и даже пытаться не будут. Борман был мертв.

А на меня накатил шок. Я еще ни разу в жизни не убивал человека, так что в голове у меня тут же застучало, руки задрожали. Хорошо, что задрожали сейчас, а не секундой раньше — когда я стрелял. Я тут же сунул в карман пистолет, и обе руки тоже засунул в карманы мундира, чтобы скрыть мою тряску.

Какой-то миг я еще опасался, что автоматчики Лейб-Штандарте меня расстреляют, но бросив на них взгляд, осознал, что это опасение беспочвенное. Никто из гитлеровских стражей даже не шевельнулся.

Я повернулся к доктору:

— Ну говорите уже толком! Фюрер мертв?

Но доктор только разрыдался. Его можно было понять: в палате за его спиной только что погиб Гитлер — живое божество, всесильное и бессмертное. А остальные вожди Рейха у него на глазах принялись убивать друг дружку. Весь мир этого парня рушился, вот к такому национал-социалистическая пропаганда его явно не готовила.

— Да придите уже в себя! — прикрикнул на доктора мой адъютант, — Что вы как баба? С вами говорит рейхсфюрер. Ответьте ему.

— Вот-вот, — поддакнул я, — Только уже не рейхсфюрер, а фюрер и рейхсканцлер. Адольф Гитлер назначил меня своим заместителем перед смертью, в присутствии свидетелей.

Доктор так и не собрался с духом ответить, только рыдал — явно истерика. Зато один из телохранителей Гитлера молодцевато щелкнул каблуками. Так громко, что я даже вздрогнул, перепугавшись, что в меня стреляют. Но это не автоматы щелкали, просто каблуки о больничный пол.

— В таком случае считаю своим долгом доложить вам, рейхсканцлер, — заявил телохранитель, — Наш фюрер — жив. Но в этой палате его больше нет. По приказу бригадефюрера Раттенхубера фюрер эвакуирован пять минут назад, как только мы узнали о мятеже военных.

— ЧТО? — я едва верил своим ушам, — Эвакуирован? А как же операция? Он же не переживет эвакуации! Вы понимаете, что вы убили фюрера, подонки?

Телохранитель сразу побелел от моих слов, ни ни один мускул на его лице так и не дрогнул.

— Бригадефюрер Раттенхубер принял решение, мой господин. Он счел, что оставаться здесь — опаснее для фюрера.

— Куда? Куда фюрера увезли?

— Не могу знать, рейхсканцлер. Могу лишь сказать, что с фюрером отправились врачи и ближайшая охрана из Führerbegleitkommando.

Я в очередной раз растерялся. Надо было что-то делать — а что непонятно.

— Шеф, гляньте-ка, — меня позвал мой адъютант, он уже стоял у окна в конце больничного коридора.

Я бросился к окну, глянул на площадь перед больницей, и увидел медицинский автомобиль, на максимальной скорости уезжавший прочь. Всего с одной машиной сопровождения, но мне от этого не легче.

Конечно, можно успокаивать себя, что Гитлеру без срочной операции все равно конец. Но насколько я помню: на Гитлера было несколько покушений, и он каждый раз чудом выживал и выходил сухим из воды. Фюрер был мастером обманывать судьбу, а значит, на судьбу мне полагаться никак нельзя.

— Бригадефюрер Раттенхубер — предатель! — громко объявил я, — Он в сговоре с Борманом, он замыслил убить фюрера. Немедленно остановить этот автомобиль, но так, чтобы фюрер не пострадал.

Увы, но на мой приказ среагировал лишь мой адъютант:

— Я немедленно отдам распоряжения, рейхсфюрер.

— Давайте, быстрее! Речь идет о жизни фюрера.

Адъютант куда-то побежал, видимо, куда-то, где был телефон.

Вообще, толковый парень. Он не испугался помочь мне убить самого Бормана, а я до сих пор не знаю имени этого адъютанта. Но он мне верен, точнее верен Гиммлеру, хотя это сейчас и не столь важно.

Я еще раз мрачно оглядел из окна площадь перед больницей: там все еще торчали мои ᛋᛋ, а еще военные с танками и зенитками, и еще сотня нагнанных по моему приказу шутц-полицаев. И ни одна собака даже не попыталась остановить машину с фюрером! Даже мои телохранители, которых я оставил снаружи, у дверей больницы. Впрочем, их можно понять — им же никто не давал приказа мешать отъезду машин от «Шарите».

В конце больничного коридора тем временем появился мой второй адъютант — тот, которого я посылал за моей семьей.

И он справился с задачей, семейство Гиммлеров явилось пред мои очи. И я понятия не имел — вовремя или не вовремя. С одной стороны, у меня сейчас проблем хватает: сбежавший коматозный фюрер, труп Бормана на полу, да еще и военный мятеж. И в такой ситуации мне не до семьи. С другой стороны: мне все еще нужен человек, которому я смогу довериться, сейчас — особенно нужен.

Семья оказалась на удивление небольшой. А как же необходимость для «арийцев» плодиться и размножаться, чтобы германцы покрыли собой весь мир, вытеснив все остальные расы? Что-то Гиммлер не спешил подавать нации пример многодетности.

Женщина лет сорока с темными волосами, в коричневом пальто — это, конечно же, моя жена. Не больно красивая. И вид мрачный. Знаю такой типаж женщин — это типаж самодовольных истеричек.

А вот детей только двое.

Во-первых, черноволосая девочка лет пятнадцати. Довольно милая, даже непонятно в отца пошла или в мать, учитывая, что ни Гиммлер, ни его жена приятными лицами не отличались. Девочка в пальто, длинной черной юбке, с каким-то униформенным галстуком на шее — наверняка гитлерюгенд. Волосы заплетены в две косички, девочка явно ничего не понимает и выглядит напуганной.

Второй ребенок — мальчик, чуть постарше. Этот в какой-то полувоенной курточке, вот это точно гитлерюгенд. И мальчик светловолосый и голубоглазый… Вот это уже странно. У Гиммлера волосы и глаза темные, у его жены — тоже. А мальчонка — истинный ариец. У меня бы на месте Гиммлера возникли к жене серьезные вопросы по этому поводу.

Еще тут же стоит мужик в сером гражданском пиджаке, с партийным значком. Но этот точно мне не родня, слишком уж смазливая рожа для того, чтобы быть одним из Гиммлеров, скорее какой-то аристократ. Ну и еще мой адъютант, а с ним трое эсесовцев. Судя по лицам и возрасту — однозначно не мои дети, просто охрана.

Я подошел к моему семейству, толком еще не зная, что им сказать. Но жена заговорила первой:

— Генрих, что происходит???

Жена побелела, её глаза расширились и глядели только на труп Бормана на полу.

А какого собственно черта Борман до сих пор валяется в коридоре больницы?

— Борман оказался предателем! — выпалил я, — Он отравил фюрера! Уберите отсюда это дерьмо, быстрее.

Приказ был обращен к моим эсэсовцам, они беспрекословно бросились выполнять указание и побежали к жирной мертвой тушке Бормана. Только адъютант задержался и тихо шепнул мне, чуть ли не на ухо:

— Я дал указания по поводу Хедвиг и вашего сына, рейхсфюрер. Их доставят сюда самолетом.

Хедвиг? Сыном? Что он несет? Но я уже вспомнил — речь, видимо, шла о любовнице Гиммлера. Рейхсфюрер ᛋᛋ неплохо устроился. В Берлине у него жена с официальными детьми, а еще где-то есть любовница, да еще с сыном.

Значит, я был несправедлив, когда обвинил Гиммлера в нежелании размножаться. Гиммлер вполне себе плодил арийцев, вот только не в официальном браке.

Я мотнул головой:

— Отменить этот приказ. Не надо Хедвиг, не надо её сына. Пусть сидят там, где сидят. Только охрану им усильте.

Я все же попал в альтернативную историю, а не в японский гаремник, так что обойдемся без любовниц. Тем более что любовница у Гиммлера наверняка такая же страшная, как жена.

Адъютант кивнул и прежде, чем выполнить новое указание по моей любовнице, пошел командовать уборкой Бормана. Я бросил ему вслед:

— В морг рейхсляйтера! Это же больница, тут должен быть морг. Трупы должны лежать в морге, а не в коридоре.

Незнакомый мне мужик в сером пиджаке с партийным значком тем временем попытался уйти — тихонько, незаметно, как будто его тут и не было. Это меня, конечно же, напрягло. Когда нацист пытается вот так тихо свалить, значит, точно задумал что-то недоброе.

— А ну стоять! — рявкнул я на него.

Я все больше входил в роль. Вот только в роль кого? Уж точно не Гиммлера, этот вроде так себя не вел, судя по тому, что мое поведение вызывало у окружающих удивление. Я скорее ориентировался на роль советских генералов, тех которые из фильмов — суровые, но справедливые.

Вот только сейчас я в очередной раз явно сморозил что-то не то.

Мужик в пиджаке замер на месте, нахмурился:

— Генрих, какого дьявола ты творишь?

Ясно. «Генрих». Он назвал меня Генрихом. Стало быть, или родственник, или важная шишка.

Мне некогда было разбираться, некогда было играть в вежливость или изображать из себя Гиммлера.

— Борман отравил не только фюрера, но и меня, — заявил я, — И от яда у меня провалы в памяти. Я тебя не помню, партайгеноссе. Кто ты такой?

«Партайгеноссе» опешил, даже не осилил ничего ответить.

— Батюшка, это же рейхсминистр Шпеер, — подсказала мне дочка.

А вот это толковая девчушка, может быть полезной. Вроде и вид у неё самый перепуганный из всех, а с другой стороны, она единственная смогла сказать мне хоть что-то внятное.

А покойный Борман тем временем, помнится, и правда говорил мне, что сюда едут Геббельс, Геринг и Шпеер. Вот этих вождей Рейха я и должен уничтожить в первую очередь. И желательно быстро, а еще желательнее — одним махом. Чтобы ни у кого не было времени задаться вопросом Шпеера — а какого дьявола я, собственно, творю.

Надо действовать оперативно: пока в стране безвластие, пока Гитлер не оклемался.

— Простите, мой друг, — я заговорил уже мягче, обращаясь к Шпееру, — Но у меня и правда провалы в памяти. От еврейского яда, которым травануул меня и фюрера Борман. Но теперь я вас припомнил. А где Геббельс и Геринг?

Шпеер глядел на меня недоверчиво. И испуганно. Он понимал, что с рейхсфюрером что-то не так, они все понимали. Нацистские бонзы все-таки не идиоты.

Но не ответить мне Шпеер не решился.

— Геббельс уже должен быть здесь, — пожал плечами Шпеер, — А Геринг поехал на аэродром Темпельхоф, как только узнал о мятеже. Он собирается бомбить мятежников с воздуха.

— Разумная идея, — согласился я, — А вот ваше прибытие сюда — неразумно. Думаете, мне неизвестно, что вы в заговоре с

Борманом, Шпеер? Мне это известно. Борман сам мне признался! Вы отравили фюрера и меня, чтобы заключить мир с большевиками!

Это было отчасти правдой, мир с СССР Борман и правда планировал. Потому я об этом и упомянул, ведь когда врешь — лучше всегда вставить в свою ложь кусочек правды, пусть даже самый маленький. Так ложь лучше усваивается.

— Рейхсфюрер… — начал было Шпеер.

Он был так перепуган, что у него даже стало на штанах расплываться мокрое пятно. Шпеер самым натуральным образом напрудил себе в штаны от ужаса.

А я уже достал пистолет, снял с предохранителя и прицелился…

Шпеер поднял руки, не так, как будто сдавался, а как будто пытался ладошками защититься от выстрела. Но выстрелы грянули — первую пулю я всадил Шпееру в грудь, вторую — в голову.

Итого: двух вождей Рейха уже нет в живых. Неплохо для первого дня попаданства.

Моя жена завизжала, глянув на неё, я понял, что у женщины все лицо заляпано кровью Шпеера. Сам Шпеер уже валялся на полу, мертвый.

— Мама! — девочка бросилась к матери.

А вот паренек застыл на месте, не веря своим глазам, моего сына парализовало от растерянности.

Нет, этот сынок Гиммлера точно никуда не годится. Как и его мамаша. Дочка — самая толковая.

Я уже вошел во вкус, Шпеера убить было гораздо проще, чем Бормана. Видимо, к убийствам можно привыкнуть, как и ко всему остальному. Главное тут: не увлекаться, чтобы самому ненароком не стать отморозком и нацистом.

Я приказал моим эсесовцам, тащившим Бормана:

— И Шпеера! Шпеера тоже убрать. Позовите санитаров, пусть они займутся. Это же проклятая больница, тут должны быть санитары. Если не найдете санитаров, позовите шутц-полицаев с улицы. А сами — охранять меня и мою семью! Тут повсюду враги Рейха, они везде. Судьба Германии зависит от нашей решимости, мои верные ᛋᛋ!

Вот сейчас я уже орал и рвал глотку, как сам Гитлер. И это было странно. Но и объяснимо.

Тихоня Гиммлер явно в душе завидовал Гитлеру. Он хотел быть таким же харизматичным и крутым, как его фюрер. Но не мог, ему душка никогда не хватало. Теперь же я попал в тело Гиммлера и получил часть сознания Гиммлера — и начал

открыто подражать Гитлеру, как об этом мечтал Гиммлер. Такая вот психологическая загогулина. И не буду скрывать: чем дальше, тем больше удовольствия я получал от происходящего.

Пусть даже я скоро умру, но какой-никакой ущерб Рейху я уже нанес. А если продержусь еще полчасика — то нанесу фашисткой Германии ущерб непоправимый.

Я схватил дочку за руку:

— Пойдем со мной. Ты нужна отцу.

Дочка не сопротивлялась, зато её мамаша заверещала:

— Генрих, ты сошел с ума!

Но мои эсэсовцы уже были рядом, они нежно отстранили от меня жену Гиммлера.

Я же затащил дочку в пустую больничную палату и закрыл за нами дверь. Девочка глядела на меня с подозрением, но вроде без ужаса.

— Папа, ты правда сошел с ума? Маме нужна помощь, ты напугал её, — заметила девочка.

Спокойно и вроде даже строго. Ну тут понятно — дочка у Гиммлера, видимо, и правда любимчик. По крайней мере, она пока что была единственной, кто позволял себе укорять самого рейсхфюрера ϟϟ.

— О маме позаботятся, — заверил я дочурку, — Тут наша мама в безопасности. И ты тоже.

— Папа, ты ведешь себя странно. Ты что, устроил государственный переворот?

Ну конечно. Ребенок — не Борман, ребенка так легко не обманешь, ребенок сразу видит правду. Пусть она даже уже не совсем ребенок, ей явно около пятнадцати — почти взрослая женщина.

— Папа! Ты убил человека!

Я, не сдержавшись, расхохотался. Вот это нормальная предъява Гиммлеру, который убил миллионы. Но объяснять все это девочке мне сейчас было некогда. Да и какое я имею отношение к преступлениям Гиммлера? Я тут не причем. Попаданец не выбирает в кого попадать. Если бы я мог выбирать — я бы лучше отправился в древнеегипетского фараона и наслаждался бы моими божественными царскими привилегиями. Но увы, судьба распорядилась иначе. А свою судьбу надо принимать и любить, тут ничего не поделаешь.

— Я убил предателя Рейха, — объяснил я дочери, — Шпеер, Борман и Геббельс сговорились, чтобы убить нашего дорогого фюрера и меня — его верного рыцаря заодно.

Девочка кивнула. Похоже, что происходящее ей даже нравилось. Ей было страшно, но и интересно тоже.

— Геббельс на первом этаже, — доложила девочка, — Он послал Шпеера с нами, а сам пошел с кем-то говорить по телефону.

Говорить по телефону? Вот это уже плохо. Мне нужен мертвый Геббельс, а не Геббельс, который звонит неизвестно кому.

— С кем Геббельс говорит по телефону?

— Я не знаю, папа.

— Понятно. Спасибо за информацию. Я немедленно прикажу арестовать Геббельса.

— Ты же спасешь Германию, папа?

— Спасу, — подтвердил я, — Мы с фюрером уже ни раз спасали наш Рейх, так что справимся и сейчас. Но сперва… эм…

Я замешкался на секунду.

— … Напомни мне, пожалуйста, как тебя зовут, дорогая моя?

— Неужели и это забыл? — девочка хихикнула, — Я Гудрун. Вообще-то твой единственный ребенок, папочка.

— Как единственный? А тот паренек, который пришел с тобой?

— Так а Герхард у нас приемный, он тебе не родной сын, — девочка потупила глазки, говорить о таких вещах ей явно было неприятно.

Я же уже понял, что в семействе Гиммлеров все крайне сложно и запутанно. Особенно с детьми. Родная дочь, приемный сын, да еще один сын — уже родной, но от любовницы. Итого вроде трое.

— Думаю, ты не мой папа, — брякнула тем временем Гудрун, — Ты ведешь себя слишком странно.

— Я твой папа, просто я теперь странный папа, — отрезал я, — А теперь главный вопрос. Как ты уже поняла, я почти ни черта не помню, я даже чуть немецкий язык не забыл. Все от этой отравы, которой меня попотчевал проклятый Борман! Так что меня сейчас интересует только одно: кому я могу доверять? Враги Рейха повсюду, а мне нужны проверенные люди. Верные мне лично!

— Ну… Мне доверять можешь, папа, — серьезно ответила Гудрун.

— Это славно, но я имею в виду моих соратников по ᛋᛋ. Тебе я доверяю, но ты всего лишь юная фройляйн. А мне нужны мужчины, вооруженные и желательно командующие другими вооруженными мужчинами. Те, которые не предадут меня и не перебегут к мятежникам.

— К мятежникам? — похоже, что я несколько запутал девочку, о мятеже военных она пока что была не в курсе, — Но ты

же убил мятежников Бормана и Шпеера…

— Остались другие, — отмахнулся я, — Их надо зачистить! Просто скажи, кому доверял Гиммлер, и всё.

Вот тут я уже попутал все берега, я даже случайно проговорился, что я не Гиммлер. Но Гудрун была странной девушкой. Она все еще воспринимала это как какую-то интересную игру, так что ответила:

— Для этого у тебя есть штаб, папа.

— Штаб?

— Ну да. Личный штаб рейхсфюрера ᛋᛋ. Командир… Вроде его зовут Вольф. Вот ему ты всегда доверял, по крайней мере, постоянно говорил, что в свой личный штаб ты сам отбирал себе людей. А однажды ты даже сказал, когда был пьяный, что люди из штаба — твои, а не фюрера. Правда, потом ты еще сказал, что пошутил.

«Пошутил»? Ну понятное дело. Говорить такие фразы в Рейхе — просто опасно. А еще меня очень удивило, что Гиммлер когда-то был пьяным. Вот такого я от рейхсфюрера не ожидал. Но, видимо, эта болтовня имела место еще до того, как Гиммлер полностью завязал с алкоголем.

— Ясно. А…

Но задать следующий вопрос дочери я не успел — на улице затрещали пулеметы. Потом где-то совсем рядом грохнул мощный взрыв.

— Что это? — перепугалась девочка.

— Мятежники, моя дорогая, что же еще.

Я бросился к окну, но на площади перед больницей царили мир и покой, разве что согнанные сюда по моему приказу полицейские занервничали, а эсэсовцы и военные уже перекрывали улицы, ведущие к больнице.

А в дверь палаты тем временем забарабанили.

Я распахнул дверь, на пороге стоял мой адъютант, тот, которого я посылал остановить машину с Гитлером.

— Ну что там с фюрером? Догнали?

Адъютант щелкнул каблуками:

— Увы, шеф. Мы не можем найти фюрера. Мы не знаем, где он!

— Шайсе! — выругался я, — А что за пальба на улице?

— Я потому и решился вас побеспокоить, рейхсфюрер, — доложил адъютант, — Это мятежники. Они идут сюда, к больнице. И я бы не советовал вам здесь оставаться, тут становится опасно.

— Узнали, кто они?

— Армия Резерва. И штабные части Вермахта. И еще часть

Берлинского гарнизона.

— Ммм, вояки…

— Именно так, — кивнул адъютант, — Не зря фюрер никогда им не доверял!

Где-то снова застрекотали пулеметы, теперь уже совсем близко. А вот новых взрывов больше не было. Над больницей пролетели несколько самолетов, так что я перепугался, что нас сейчас всех тут и разбомбят, но никаких бомб сброшено не было — возможно это самолеты Геринга. Тем более, что окружившее больницу ПВО молчит. Но если это самолеты Геринга, то тогда неясно, почему они не бомбят мятежников.

Рейх неуклонно летел в тартарары, тут бы уже сам Гитлер не разобрался, что происходит, даже если бы пришел в себя.

— Что эти ублюдочные мятежники хотят? — поинтересовался я.

— Неизвестно. Но думаю — вашей смерти, рейхсфюрер, — без обиняков сообщил адъютант.

Я еще раздумывал, когда из коридора вдруг раздался истошный женский вопль. А это еще что?

***Альберт Шпеер** , рейхсминистр вооружения и военного производства, личный архитектор и ближайшее доверенное лицо Гитлера.*

Гиммлер с женой и дочкой.

Ганс Раттенхубер *, шеф Имперской службы безопасности, отвечавшей за личную охрану Гитлера и всего руководства Рейха.*

Берлин, клиника «Шарите», 1 мая 1943 09:09

Честно признаюсь, я уже устал от неожиданностей и бешеного темпа происходящего. Пожалуй, попади я в прошлое еще раз — я бы не стал сразу толкать Гитлера, я бы сначала разобрался в ситуации и действовал аккуратнее.

Но второй раз в прошлое попаданцы обычно не попадают, так что это всё были глупые мечты. У меня было только «здесь и сейчас», и от моих действий в текущем моменте зависел исход Второй Мировой войны. Но я устал, я на самом деле устал…

Сколько вообще мужчина может продержаться на чистом адреналине? Я однажды, в моей прошлой жизни, еще когда был сантехником, продержался почти сутки — когда жильцы одного таунхауса попытались самостоятельно прочистить канализацию, и в результате разорвали сточные трубы, в нескольких местах сразу. Я тогда, хоть и работал в составе бригады, едва не помер от усталости. А еще был весь в дерьме. Но зато спас водопровод всего жилого комплекса, который едва не вышел из строя полностью и безвозвратно.

И сейчас ситуация повторялась, Рейх буквально заливало дерьмом, а я пытался эти течи оперативно устранять, вот только надолго ли меня хватит?

Я выскочил в коридор, где кричала женщина. На ходу я уже доставал мой люгер, когда я слышу женские крики — моя рука тянется к пистолету, да.

В коридоре я узрел жуткую картину. Кричала моя жена, точнее, жена Гиммлера. Кровь Шпеера она с лица уже вытерла, ей для этого дали полотенце, но теперь окровавленное полотенце валялось на полу. А мою жену взяли в заложники. Какой-то крайне уродливый мужичонка — настоящий гоблин схватил мою жену сзади за горло, а к её голове приставил пистолет.

Женщина орала, а «гоблин» пытался душить её свободной рукой, обхватив за горло.

А мои эсэсовцы бездействовали, равно как и все еще торчавшие в коридоре телохранители Гитлера. И мой приемный сынок гитлерюгендовец Герхард тоже стоял, как столб.

Ну и Борман со Шпеером тоже бездействовали, понятное дело, но они были мертвы — так что с них и спроса нет. Бормана и Шпеера уже уложили у дверей больничного лифта, видимо, трупы дожидались, когда придут санитары и увезут их в морг.

— Бросай оружие, предатель Гиммлер! — провизжал мне

«гоблин», взявший в заложники мою жену.

Интересно, это кто еще такой храбрый? Впрочем, конкретно тут мне долго думать не пришлось. Вот этот исторический деятель был слишком похож на себя самого, как его рисовали на плакатах советские карикатуристы. Этот соответствовал своему образу, зафиксированному в учебниках истории, на 100%.

И если Борман и Гитлер в целом оказались на вид обычными мужиками, а не чудовищами, то вот Геббельс был настоящим монстром из ада.

Мелкий (ниже ростом и Гиммлера, и Гитлера), с перекошенным от злобы совершенно нечеловеческим лицом, причем с лицом крайне странным — Геббельс был похож скорее не на мужчину, а на какую-то бабку-мутанта.

Вот этот точно бесноватый, в клиническом и церковном смысле.

Но в ситуации он разобрался сразу же и поступил в принципе здраво, тут я вынужден был отдать ему должное.

— Мы попытались арестовать доктора Геббельса, когда он пришел сюда осведомиться о здоровье фюрера… — начал было оправдываться мой адъютант.

— Гиммлер — предатель! — перебил Геббельс, — Разве вы не видите? Разуйте глаза, верные ҂҂! Убейте его, он погубил фюрера и Германию!

Голос у Геббельса был визгливым и хриплым одновременно, абсолютно гоблинским, но при этом громким и поставленным, как у оперного певца. Орал он так оглушительно, как будто ему в глотку был встроен микрофон.

Ну понятное дело: министр пропаганды, как-никак.

Мои адъютанты призывам Геббельса не вняли, а вот парни из Лейб-Штандарте зашевелились. Мне не нравилось, как они на меня смотрели. Судя по всему, Геббельсу они доверять привыкли. Возможно даже не меньше, чем самому фюреру.

— А я говорил, что Геббельс предатель, я еще раньше вам говорил… — парировал я.

— Не слушайте эту лживую свинью! — Геббельс отступал все дальше по коридору, удерживая в заложниках мою жену, — Это он убил фюрера. Пробил голову Адольфу Гитлеру, чтобы захватить власть. Мне это доподлинно известно! Гиммлера — расстрелять! Считайте это приказом фюрера, друзья. Я — голос фюрера. Неужели вы забыли?

Ситуация накалялась. Автоматчики из Лейб-Штандарте на самом деле взяли меня на мушку, молча и деловито. Мои адъютанты и эсэсовцы тоже похватались за оружие. Вот только шансов победить в перестрелке у нас ноль. У моих людей только

пистолеты, причем эти пистолеты они еще только доставали… А еще моих ҂҂ тут меньше вдвое, чем автоматчиков Гитлера.

А снаружи больницы тем временем уже шла активная стрельба. Я слышал, как двигается по улицам бронетехника, потом где-то совсем рядом упала авиабомба, все здание тряхнуло, с потолка посыпалась побелка…

И я решил воспользоваться моментом. Лучшего мгновения, чтобы действовать, уже не будет. Да и выбора у меня нет.

Кроме того: а какое мне вообще дело до жены Гиммлера? Ну убьет её Геббельс — и убьет. Возьму новую. Как говорится, жена — это не мама, вот новую мать человеку уже никто не выдаст, а жен можно спокойно менять. Тем более, что у Гиммлера уже и любовница на замену как раз имеется.

Воспользовавшись эффектом от взорвавшейся где-то за стенами клиники авиабомбы, от которого все на миг растерялись и впали в шок, я рванул к Геббельсу…

Я тремя широкими шагами настиг министра пропаганды, а потом ударил его со всей силы кулаком в скулу.

И даже жену при этом не задел.

Геббельс пошатнулся, а жена сообразила, что ей надо делать — она впилась зубами в руку министра пропаганды, державшую женщину за горло. А во вторую его руку, которая держала пистолет, уже вцепились мои адъютанты…

Геббельс истошно завизжал — на этот раз нечто нечленораздельное, дар красноречия оставил министра пропаганды.

И автоматчики Лейб-Штандарте так и не выполнили приказа Геббельса. А смысл выполнять приказы человека, который уже лежит на полу и которого избивают ногами?

С Геббельсом тем временем именно это и происходило, мои адъютанты завалил подонка в партер и начали натурально (прошу прошения за мат, но тут по-другому не скажешь) пиздить.

Кто-то пнул ногой пистолет Геббельса, так что выпавшее из рук министра оружие отлетело к стене. А мой адъютант тем временем уже прицелился в визжавшего окровавленного Геббельса из люгера…

— Нет! — остановил я его, неожиданно даже для меня самого, — Не надо! Вот этому сохранить жизнь. Перестаньте его избивать. Свяжите. И рот заткните. Думаю, мерзкий предатель мне пригодится живым, причем прямо сейчас.

Эсэсовцы принялись вязать Геббельса, кто-то притащил для этого простыни из ближайшей палаты. Геббельс пытался орать, но в рот ему уже забили половую тряпку, благо, она нашлась тут рядом — неизвестный уборщик заботливо оставил тряпку в

больничном коридоре, вместе с ведром.

Я подошел к жене:

— Эм… Ты как?

Жена пребывала в глубоком шоке, взгляд у женщины был совсем стеклянным. К ней уже бежала наша дочка Гудрун, чтобы обнять и успокоить.

— Ты не мой муж, — пробормотала жена, не отрывая от меня дикого взгляда.

Вот блин. Хотя пора бы уже привыкнуть. В книжках попаданцы всегда с легкостью дурят голову каждому встречному-поперечному и успешно притворяются хоть Иваном Грозным, хоть Горбачевым, хоть фараоном Аменхотепом Третьим, хоть кем угодно.

Но жестокая реальность оказалась совсем иной.

Тут вообще никто не верил, что я Гиммлер. Каждая собака в Рейхе понимала, что я не тот, за кого себя выдаю. Наверняка даже мои адъютанты уже поняли, что с их шефом что-то не так, просто этим парням некуда было деваться, некуда отступать. Ибо, понятное дело, что если Гиммлер проиграет, то и они все отправятся на виселицу. Вот почему они выполняли мои приказы, а отнюдь не потому, что ничего не заподозрили. Наверняка заподозрили — я вел себя более чем странно и нехарактерно для Гиммлера.

Ну и плевать.

— Уведи маму куда-нибудь, — приказал я дочери, а потом обратился к приемному сыну, — И ты, Герхард, тоже иди. Вас будут хорошо охранять, не бойся. Привезти вас сюда было ошибкой, простите.

Я повернулся к моим адъютантам:

— А вы притащите мне простыню. Поищите в палатах — мне нужна белоснежная простыня. Чистая. И белая, как снег.

— Желаете вывесить французский флаг, рейхсфюрер? — ухмыльнулся адъютант.

— Что? Французский флаг? Почему французский?

— Ну есть известная шутка, что флаг Франции — белый, — смутился адъютант, — Лягушатники же все время нам проигрывают, во всех войнах. И все время сдаются.

— А, ясно, — я милостиво улыбнулся, — Да, ты прав. Мне нужен белый флаг. Вот только сдаваться я никому не собираюсь. Я иду на переговоры.

— С мятежникам, рейхсфюрер?

— Именно, — подтвердил я, — Военщину пора загнать обратно в стойло. И еще найди мне Вольфа, командира моего личного штаба, я желаю видеть его здесь, немедленно. И еще…

Я оттащил адъютанта в сторону и произнес, уже тише:

— Ты же в курсе про Айзека?

Адъютант захлопал глазами:

— Айзека? Вы про двойника фюрера?

— Именно про него. Разыщи его. Борман хотел поставить Айзека вместо нашего фюрера, которого Борман и убил. Но у меня другие планы на этого парня. Так что Айзека охранять по высшему уровню, пошли за ним самых верных людей.

Рейхсминистр народного просвещения и пропаганды ***Йозеф Геббельс****, карикатура Кукрыниксов, 1943 г.*

Берлин, округ Berlin-Mitte, 1 мая 1943 09:21

Из клиники «Шарите» мы вышли в составе представительной делегации. Для полной представительности нам не хватало только фюрера.

Но Гитлера так и не нашли, медицинский автомобиль с вождем Рейха растворился где-то на улицах мятежного Берлина. Я, конечно, дал секретные указания по всем инстанциям ловить Гитлера и похитившего его предателя Раттенхубера. Однако результата пока не было, коматозный фюрер и Раттенхубер как сквозь землю провалились.

Перед тем, как покинуть больницу, я доел бутерброды Бормана, а еще выпил полчашки коньяку, оставшегося после нашей беседы с рейхсляйтером. Коньяк оказался откровенно паршивым, на этикетке было написано «Martell», страной производства была указана Франция. Но на вкус — не дотягивает даже до армянского из «Красного и Белого». Вкус у коньяка был резким и одеколонным, возможно, это вообще был контрафакт, местная немецкая подделка. Я уже ничему не удивлялся, даже тому, что в гитлеровской Германии разливают какой-то шмурдяк под видом Мартелля. Я уже убедился, что «орднунгом» тут и не пахло.

Но коньяк придал мне сил, на время снял усталость. А еще наполнил меня мужеством перед тем, что мне предстояло сделать. Это были мои фронтовые сто грамм.

Когда я покинул больницу, меня сопровождали пятеро моих телохранителей, те, которые приехали со мной с самого Берлинского аэродрома. Еще я взял дюжину шутц-полицаев, а еще — всех троих моих адъютантов.

Теперь я их уже различал, даже выучил их имена, которые мне заботливо подсказала дочка.

Первый адъютант, тот, который ударил Бормана, а потом с особым наслаждением избивал Геббельса — Рудольф Брандт, штандартенфюрер ᛋᛋ. На вид ему лет тридцать, в очках, и по словам моей дочери — контуженный. В принципе полный отморозок, но зато беспрекословно верный Гиммлеру, в чем я уже лично убедился.

Второй: Вернер Гротманн, штурмбанфюрер ᛋᛋ. Этот помладше Брандта, рожа у него серая, да и вообще чем-то неуловимо похож на крысу. Как мне сказала дочь, Гротманн исполняет обязанности моего секретаря. Мою семью в «Шарите»

привез именно он, а еще он же бегал за Юнгом, чтобы психиатр привел меня в чувство после черного ритуала.

Третий — Курт Вагнер, оберштурмбаннфюрер. Этот самый молодой, и морда у него самая «арийская». Волосы черные, зато челюсть квадратная, а глаза синие. Командует моими телохранителями. Именно его я посылал поставить вокруг больницы щутц-полицаев. Этот парень был самым молчаливым и непонятным. Гиммлер вроде ему доверял, но мне Вагнер совершенно не нравился.

Конечно, будь у меня под рукой википедия — я бы наверное прочел в ней про дела этих молодчиков, окружавших меня, и ужаснулся бы. Наверняка каждый из этих парней справедливо заслуживал виселицы. Но политику выбирать не приходиться. Увы, но Штирлицев или Судоплатовых мне в адъютанты не завезли, так что работаем с тем, что есть. Высшая доблесть мужчины — это работать с реальностью, как она нам дана, а не мечтать о кренделях небесных.

Кроме адъютантов меня еще сопровождал Карл Вольф — начальник моего Личного штаба рейхсфюрера ϟϟ, и по словам моей дочери: самое доверенное лицо Гиммлера. Вольф подъехал пару минут назад и теперь глядел на меня подозрительно. Как и все остальные, он наверняка уже уяснил, что с его шефом что-то не так.

Вольфа мы все помним по фильму «17 мгновений весны», хотя реальный Вольф оказался не столь внушителен, как игравший его актер. Настоящий Вольф был мужиком плешивым и неприметным. И как было заметно: старался лишний раз не попадаться мне на глаза.

Еще тут же был приехавший по моему приказу начальник Берлинской полиции Далюге. Ну и еще я взял с собой дочку, хотя девочка в этой компании эсэсовцев смотрелась довольно странно.

Тут же присутствовали двойник фюрера Айзек и курировавший его бригадефюрер. Айзек, разумеется, был при бороде и очках, да еще и нацепил широкополую шляпу, так что сейчас в нем никто не мог узнать Гитлера.

Ну и Геббельс тоже был с нами, конечно же. Бывший рейхсминистр пропаганды выглядел не очень: пиджак разорван, на коленке штанов дыра, через которую видно кровоточащее мясо, Геббельс хромал, нос у него был явно сломан, во рту все еще половая тряпка. И синяк на половину лица — это уже лично моя работа.

Геббельс теперь был не связан простынями, а закован в наручники, они нашлись у шутц-полицаев. Министра тащили двое моих самых дюжих охранников, хотя Геббельс на ходу все

еще пытался отплясывать какие-то канканы и сопротивляться.

Это была странная процессия, а еще страннее её делало то, что мой адъютант Гротманн тащил белую простыню на швабре в качестве мирного знамени. Было во всем этом что-то глубоко средневековое. Но с другой стороны, чего же еще ожидать от XX века? Он по уровню варварства ничем не лучше средневековья. XX век — это век тех же воинствующих феодалов и крестоносцев. Только вместо крестов — свастики, а вместо мечей — бомбы. Но жестокости тут не меньше, чем в каких-нибудь Темных веках. А то и больше, все же бомбой и пулеметом можно убить больше людей, чем мечом и арбалетом.

Мы пересекли площадь перед «Шарите», дальше на улицах уже стояли мятежники. Ну или не мятежники: на деле я видел только пару танков, а еще десяток грузовиков. Вся техника «наша», в смысле немецкая. И никаких опознавательных знаков мятежа на технике и солдатах нету — так что еще поди разберись, кто все эти люди.

Но кем бы они ни были, к больнице они не лезли. Ибо клиника все еще была защищена гитлеровскими зенитками и бронетехникой, не считая тысяч эсэсовцев и полицейских. Мятежники явно понимали, что тут будет жаркий бой с непредсказуемым итогом, потому и медлили.

Я указал на ближайший к нам мятежный танк, у него на броне было намалевано три четверки:

— Ну и что это такое? Чей это танк?

Ответил мне Вольф:

— Oberkommando des Heeres, рейхсфюрер. Это штабисты.

— Штабисты? Откуда у штабистов танк, зачем им танк?

— Это же второй Тигр. Опытный образец. Обкаткой новой техники занимается именно ОКН.

Вольф напрягался все больше. Он, как и все мои остальные люди, чем дальше тем больше понимал, что Гиммлер поехал кукухой. Мои действия и слова явно казались всем присутствующим неадекватными.

Но мне-то что? Я не собирался действовать «адекватно» с точки зрения нацистов, потому что сам был не намерен становиться нацистом. А что касается отсутствия у меня знаний о мире — так это дело наживное. Я собирался не просто продержаться как можно дольше, изображая из себя Гиммлера, но и остановить войну и покончить с фашизмом любой ценой. А если погибну в процессе (а к этому все и идет) — значит, такая судьба. У нас в обществе многие дураки презрительно относятся к сантехникам, и я намеревался доказать этим дуракам, что и сантехник-попаданец чего-то да стоит. Пусть даже эти дураки из

моего родного времени меня сейчас не видят.

Вольф тем временем окончательно перепугался:

— Рейхсфюрер, стоит ли вам лично ходить к мятежникам? Уверен, они хотят вашей смерти.

В его словах сквозил страх, причем явно за его собственную жизнь, а не за жизнь дорогого рейхсфюрера.

— С вами мне ничего не страшно, Вольф, — парировал я, — Я знаю, что в случае необходимости вы закроете меня от пули вашей грудью. Ваша верность для меня несомненна!

Вольф побелел, прямо как простыня, которую мой адъютант тащил на швабре. А мы тем временем подошли к «Тигру». Возле танка торчало отделение пехоты, крайне разнородное и странное. В основном совсем молодые парни, чуть ли не допризывники, мундиры почти у всех цвета фельдграу, но один почему-то в камуфляже, а двое вообще медики, судя по кадуцею и змее на погонах. А командует всем этим однорукий офицер.

Вольф уже явно был готов обделаться или сбежать, однако «мятежники» никакой враждебности мне не высказали, при моем появлении только вскинули вверх правые руки. И даже офицер-инвалид вскинул, благо, правая рука у него сохранилась. А еще офицер удивленно покосился на белое знамя в руках моего адъютанта, и на избитого Геббельса заодно. И даже непонятно, что из этого его шокировало больше.

— Ну и какого черта тут происходит? — поинтересовался я.

— Не могу знать, господин рейхсфюрер, — браво отрапортовал инвалид.

Ситуация становилась все более абсурдной. Но убивать или арестовывать меня явно никто не собирался — и то славно.

Из «Тигра» тем временем выбрался танкист, он спрыгнул с брони, вытянулся по стойке смирно.

— Что здесь происходит? — повторил я свой вопрос танкисту, — Ты кто такой?

— Фельдфебель Фишер, — доложил танкист, — Штаб Oberkommando der Wehrmacht, служба вооружения. У нас приказ взять под контроль больницу «Шарите», херр рейхсфюрер.

— И что же тебя останавливает от выполнения этой задачи?

Танкист растерялся, но только на секунду. Потом кивнул в сторону площади перед больницей:

— Но она же уже под контролем…

Ясно.

Мятежники запутались, куда и с кем воевать. Так всегда бывает, когда армия обезглавлена. Армия — это же не набор отдельных вооруженных мужиков, пусть даже трижды героев, а механизм. И стоит повредить управляющие схемы этого

механизма, он ломается сразу, весь и целиком. А для Третьего Рейха, где все было завязано на Гитлере, это было особенно критично. Здесь рыбе можно было отрубить голову ровно одним ударом, просто ликвидировав Гитлера, что я и проделал сегодня утром. Интересно, почему в реальной истории никто из союзников до такого не додумался? Охрана у Гитлера была, конечно, мое почтение, но хорошо подготовленное покушение вполне могло бы закончиться успехом. Союзники могли хотя бы попытаться!

— Верно, — милостиво кивнул я танкисту, — Какие у вас еще приказы, фельдфебель?

— Больше никаких, рейхсфюрер. Взять больницу. И держать её.

Я задумчиво оглядел пехотинцев, прикрывавших танк.

Когда мой взгляд скользнул по молодому парню, тому, который был в камуфляже, парень не сдержался:

— Рейхсфюрер, нам объявили, что наш фюрер мертв… Отравлен врагами Рейха!

Глаза у юноши блестели, похоже, сейчас расплачется.

А вообще интересная ситуация. Это же я придумал, что фюрер отравлен врагами Рейха, это была моя версия, но до мятежников она, похоже, уже дошла, и они решили взять эту ложь в оборот и использовать в своих целях.

— Ну а ты кто такой? — поинтересовался я.

— Обершутце Кёллер, рейхсфюрер. Армия резерва.

— И какого черта ты в камуфляже?

— Мне приказано обносить этот новый вариант униформы и отрапортовать о её качестве.

Ну в общем понятно. Новый танк, новая форма — брать «Шарите» бросили каких-то военных внедренцев. Вкупе с инвалидами и резервистами. Интересно, как с такими вояками мятежникам удалось взять рейхсканцелярию? Если им это, конечно, на самом деле удалось, в чем я уже не был уверен.

— Вас ввели в заблуждение, обершутце, — ответил я наконец на вопрос парня, — Фюрер жив. Пытавшиеся его отравить бунтовщики — уничтожены. Казнены по моему приказу. А один, вон, взят живым.

Я указал на Геббельса в наручниках. Потом обратился к танкисту:

— От кого вы получили приказ взять «Шарите»?

— Приказ непосредственно от генерала Ольбрихта. От командующего армией резерва.

Вольф тут же забеспокоился:

— Командующим армией резерва вроде был генерал Фромм,

рейхсфюрер.

Но я на это только плечами пожал:

— Наверняка Фромм уже червей кормит. Или арестован в лучшем случае.

Понятно же, что мятежники не сидели сложа руки.

— Я хочу видеть Ольбрихта немедленно, — сообщил я танкисту, — Здесь и сейчас. Боюсь, что вашего командующего ввели в заблуждение враги Рейха.

— Яволь.

Танкист тут же полез обратно в свой «Тигр». Видимо, в танке имелась радиосвязь.

А уличный громкоговоритель, висевший на стене дома на углу улицы, тем временем зашипел… И это шипение мне крайне не понравилось.

— Это еще что?

Но долго интрига не продлилась, громкоговоритель уже прошипелся, проплевался, булькнул и заговорил:

— Германцы! Срочное сообщение для германской нации. С прискорбием и болью в сердце сообщаем вам, что наш любимый фюрер Адольф Гитлер скончался сегодня, около семи утра. Фюрер был отравлен врагами Германии, а именно — Генрихом Гиммлером и Германом Герингом. Эти подлые предатели перешли на сторону большевиков, перешли на сторону врага в условиях войны.

Но их план сломать нам хребет — провалился ПОЛНОСТЬЮ. Мы продолжаем нашу священную борьбу за будущее национал-социализма и германской расы.

Ни один солдат на фронте не дрогнул. Ибо пусть Адольфа Гитлера и нет с нами — в наших сердцах фюрер остался навечно. И его образ будет вести нас к неизбежной победе! Силы бунтовщиков уже подавлены, а сами они пытаются сбежать заграницу. Но германская армия, Вермахт полностью контролирует ситуацию.

Выполняйте приказы только германской армии, в этот сложный и решающий для Рейха момент Вермахт — единственная опора нации. Повторяю: единственная законная власть — приказы Верховного командования Вермахта. Новым рейхсфюрером ᛋᛋ назначен генерал-фельдмаршал Эрвин фон Вицлебен, новым рейхсминистром авиации — генерал Цезарь фон Хофакер. Гиммлер и Геринг лишены всех постов и званий, и подлежат аресту, где бы они сейчас не находились.

Повторяем: храбрые германские солдаты, выполняйте приказы Верховного командования Вермахта. Не играйте на руку большевикам, не паникуйте, действуйте твердо. С нами Бог!

Пока громкоговоритель болтал, я успел выпасть в пот, пережить панику, а к концу этой речи я был уже практически в бешенстве. Первый день попаданства, а меня уже разоблачили, как «большевистского» агента!

Следующее мгновение растянулось на целую тревожную вечность. Я глядел на резервистов возле танка, но парни казались растерянными. Я глядел дальше по улице — где стояли еще танки, грузовики и полки мятежников. И сотни солдат и офицеров видели меня прямо сейчас, и предполагать, что не узнали, было просто глупостью.

Но никто не пошел меня арестовывать, никто не делал ровным счетом ни черта. И вот тогда я понял, что мятежники слабы. Люди не готовы их слушаться. Немцы не понимают, что делать без Гитлера, Гитлер был их волей.

Но я-то не немец образца 1943 года, так ведь? Я вырос совсем в другой среде, мой характер формировался в России девяностых, так что полагаться я привык только на себя.

— КТО ТАКОЙ ВИЦЛЕБЕН? — набросился я на Вольфа, — Что за подонок посмел присвоить себе мои полномочия рейхсфюрера?

Некий Вицлебен упоминался в обращении мятежников, по их словам он теперь занимает Гиммлеровскую должность.

— Он фельдмаршал, — доложил перепуганный Вольф, — Уже старенький, на пенсии. Никакого отношения к ᛋᛋ не имеет.

Понятно. Значит, ни одного эсесовца заговорщики завербовать не смогли. Решили, что и так прокатит. А вот не прокатит. Подонки, судя по их антибольшевистской риторике, были намерены продолжать войну с Россией. А вот про западных союзников СССР в своих речах не сказали ни слова. Значит, наверняка хотят помириться с Англией и Америкой, и бросить все силы на восточный фронт. Меня такая ситуация не устраивала совершенно.

Так что я решительно залез на танк. Потом сунулся в люк «Тигра».

— Ну что вы там копаетесь? Где Ольбрихт?

Танкист и правда корпел над рацией.

— Я не знаю, где Ольбрихт, рейхсфюрер. У меня же штатная радиостанция, но я уже связался с полковником Беккером…

— А он где?

— Он в штабе. И он… приказал мне вас арестовать. Простите.

— Арестовать? Меня? В таком случае лучше сразу пустите себе в голову пулю. Избавите тем самым моих людей от необходимости вас расстреливать!

— Простите, рейхсфюрер…

— Ладно, давай мне твоего Беккера.

Я кое-как влез в танк. Внутри тут ожидаемо оказался полный экипаж, сам танк — довольно просторный, тут воняет гарью и как будто резиной. Вот внутри танков мне еще бывать ни разу в жизни не приходилось. Я даже в «Танчики» никогда не гонял. Каюсь, но всегда предпочитал игрушки, где герои бегают с мечами.

Танкист тут же сунул мне переговорное устройство.

Качество связи оказалось на удивление хорошим. Не смартфон, конечно, но слышно все отлично.

— Полковник Беккер! Говорит рейхсфюрер Гиммлер. Вы в курсе, что фюрер жив?

— Я… — на том конце радиоволны явно растерялись, — Нет, я не в курсе. Полагаю, что вы лжете. Но я не знал!

Ясно. Я еще ничего толком не сказал, а Беккер уже паниковал. Он начал обвинять меня во лжи и оправдываться одновременно. Запутался парень.

— Подождите минуту. Фюрер хочет лично с вами говорить.

— Я…

Жаль, я сейчас не вижу рожу Беккера. Зато вижу рожи танкистов — они все разом покрылись испариной.

Я вылез из танка и потребовал:

— Мой фюрер! Эти мятежные ублюдки считают вас мертвым. Но вам больше не нужно скрываться, пришла пора сказать народу Германии радостную правду — о том, что вы живы. Лезьте в танк, поговорите с этим полковником, ваш голос вправит ему мозги на место.

Айзек, совсем не похожий сейчас на Гитлера из-за бороды и шляпы, тяжко вздохнул. Один из моих адъютантов тихонько подтолкнул его в спину, чтобы придать фальш-фюреру решимости.

***Рудольф Брандт**, адъютант Гиммлера, фото с Нюрнбергского процесса по делу врачей. Казнен в 1948.*

***Вернер Гротманн**, адъютант Гиммлера, запечатлен вместе с шефом. После войны Гротманн активно выступал свидетелем обвинения в судах против нацистов. Сам Гротманн в ходе денацификации признан «второстепенным преступником» в 1949, умер в 2002.*

***Карл Вольф**, начальник Личного штаба рейхсфюрера СС. В 1946 приговорен к четырем годам трудовых лагерей, повторно приговорен к 15 годам тюрьмы в 1964 (на этот раз за активное участие в Холокосте и убийство сотен тысяч людей). Освобожден по состоянию здоровья в 1971, умер в 1984.*

Берлин, округ Berlin-Mitte, 1 мая 1943 09:34

Мы с Айзеком влезли в «Тигр», а вот один из танкистов вылез — освободил нам место.

Айзек еще раз вздохнул, вошел в образ и взял переговорное устройство.

— Полковник Беккер, вы слышите меня? Вы узнаете своего фюрера?

Айзек был превосходным актером, и отлично натренированным. У меня мурашки побежали по спине от его голоса — как будто реально Гитлер оклемался. А уж что там происходило с Беккером на том конце радиоволны, и подумать было страшно. Судя по молчанию и сопению в передатчике, Беккер там серьезно перенервничал. Надо бы усугубить его состояние.

— Не полковник, — тихо поправил я «фюрера», — Скажите Беккеру, что он теперь генерал.

— Я узнал вас, фюрер, — промямлил тем временем Беккер, — Слава Богу, вы живы. Какая радость! Какое облегчение!

А по голосу этого не скажешь. Голосок у Беккера трещали и дрожал, и дело было отнюдь не в помехах радиостанции, радиостанция в «Тигре» была отличной. А вот Беккер явно врал. Если у полковника и было какое-то облегчение, то явно облегчение кишечника, Беккер там определенно или уже нагадил себе в галифе, или был близок к тому.

— Я назначаю вас генералом панцертруппе, Беккер, — сообщил Айзек, — И за вашу самоотверженность и веру в фюрера награждаю вас Рыцарским Железным Крестом, с дубовыми листьями.

— Майн Гот…

А вот тут Айзек уже переборщил. Теперь Беккер, похоже, был близок к обмороку. А я теперь понял, что имел в виду Борман, когда предостерегал Айзека от импровизаций. Айзек был склонен увлекаться и творить ерунду, когда входил в образ фюрера. Вот зачем Беккеру железный крест, на фига? Тем более сейчас, когда подонок еще ничего полезного для меня не сделал. Пусть Беккер сперва поможет мне взять в руки власть в Рейхе и отдать победу в этой войне Советскому Союзу: вот тогда завешаю его железными крестами полностью, как новогоднюю ёлку.

Но теперь отступать и отыгрывать назад уже было поздно. Беккер уже обрел дар речи и рассыпался в благодарностях:

— Это честь для меня, мой фюрер. Клянусь вам, это счастливейший момент моей жизни. Приказывайте, вождь! Я готов выполнить любой ваш приказ!

Ну понятное дело. Так работает психология любого мужчины. За деньги можно купить далеко не всех, что бы ни говорили пессимисты и прагматики. Но дай человеку высокое звание, дай ему орден, назови героем — и вот человек уже весь твой, и готов выполнять любые твои самые преступные приказы.

Айзек попытался еще что-то сказать Беккеру, но я постучал «фюрера» по плечу.

— Ну хватит, мой фюрер. Дальше говорить буду я.

Айзек печально кивнул. Ему нравилось играть фюрера, расставаться с ролью ему было мучительно.

Вообще, интересный человек этот Айзек. Его семью по словам Бормана убило ҂҂, но, несмотря на это, Айзек играет роль фюрера с явным наслаждением, даже с каким-то остервенением. Может быть сублимирует свою ненависть к нацистам в актерский талант? Может быть он так хорошо играет Гитлера, потому что у Айзека есть ярость внутри, как и у самого фюрера? Я не был в этом уверен, но был уверен в другом: Айзеку я не доверяю. Как полностью не доверял ему и Борман. Айзек легко может выйти из под контроля, сорваться с поводка. Чего доброго, еще реально возомнит себя фюрером и прикажет меня казнить. Такой вариант меня не устраивал, так что Айзека надо использовать по-минимуму, постоянно держать его по контролем.

Айзек тем временем доложил Беккеру:

— Дальнейшие указания получите от рейхсфюрера Гиммлера.

— Яволь! — браво заорал Беккер.

Мужик явно был на пике воодушевления. Надо ковать железо, пока горячо.

Я взялся за передатчик:

— Где вы, Беккер?

— Я в Бендлер-блок, рейхсфюрер. В штабе сухопутных войск.

— А что с рейхсканцелярией?

— Занята по приказу генерала Ольбрихта. Ольбрихт сказал, что в рейхсканцелярии засели враги Германии, погубившие фюрера.

Ясно. В общем заговорщики уже контролируют чуть ли не все ключевые точки в Берлине. Радио тоже под их контролем, судя по заявлениям уличного громкоговорителя, призывавшего меня арестовать. Это всё явно не импровизация. Военщина точно уже давно вынашивала этот план по свержению фюрера, и вот теперь его реализовала, воспользовавшись подходящим моментом.

И опять всплыл этот поганый Ольбрихт. Выходило, что

именно он за заговором и стоит, все ниточки вели к Ольбрихту.

Может приказать Беккеру арестовать или убить Ольбрихта? В принципе возможный вариант. Сейчас Беккер всем расскажет с горящими глазами, как он только что говорил с фюрером — живым и здоровым. И после такого пыл мятежников сразу поугаснет, тут к гадалке не ходи. Большинство наверняка сразу же просто струсит и выкинет белый флаг, и пойдет ко мне на поклон каяться и кричать, что произошла чудовищная ошибка.

Да, я мог так сделать. Вот только в перспективе это глупость. Я не смогу заключить мир с СССР и союзниками, если буду опираться на фанатиков из ᛋᛋ. Эти верующие в святость национал-социализма никогда не пойдут на мир с «большевиками» или с «евреем Черчиллем». Так что Ольбрихт мне нужен, мне нужна антигитлеровская оппозиция, нужен Вермахт.

— Что с аэродромом Темпельхоф? — поинтересовался я.

— Рейхсфюрер? — Беккер, не блиставший сообразительностью, растерялся.

— По моей информации на аэродром Темпельхоф отправился Геринг, — разъяснил я, — Он собирается поднять люфтваффе и бомбить вас. Странно, что он до сих пор этого не делает, кстати. Передайте Ольбрихту, что аэродром должен быть взят под контроль. Немедленно. Геринг — предатель Рейха. Фюрер приказывает его арестовать. Если хотите, можете расстрелять его на месте. Фюрер не против.

Радиостанция на миг замолчала, Беккер определенно впал в ступор, окончательно запутавшись в ситуации, однако потом браво отрапортовал:

— Яволь! Все будет сделано, рейхсфюрер. Еще указания?

— Да. Передайте Ольбрихту, что фюрер его понимает и прощает. Фюрер уверен, что Ольбрихта ввели в заблуждение евреи, пробравшиеся в Вермахт. И фюрер приказывает… нет, не так… Фюрер предлагает Ольбрихту немедленно приехать сюда, в «Шарите». Фюрер готов выслушать все предложения Ольбрихта. И гарантирует, что никаких репрессий против генерала и его людей не последует. Пусть Ольбрихт будет здесь через час.

— Яволь, — на этот раз Беккер отвечал уже не столь браво, — Но рейхсфюрер, вы же понимаете ситуацию… Что, если генерал Ольбрихт откажется?

— Ха! Если Ольбрихт откажется — передайте ему следующее. Во-первых, я найду семью Ольбрихта и семьи каждого из его соратников, и всех их перевешаю, включая детей. Во-вторых. У меня в Берлине тридцать тысяч отборных эсэсовцев — охрана фюрера, охрана штабов и гос.учреждений, резервисты, курсанты,

мои личные элитные части. И еще несколько тысяч полицейских. Каждый из них готов умереть за фюрера, а фюрер готов их всех бросить в бой. Ольбрихт там, наверное, полагает, что мы тут растеряны и замешкались.

Так вот: мы не замешкались. Мы просто даем Ольбрихту шанс раскаяться, у фюрера доброе сердце, он умеет прощать. И если генерал своим шансом получить прощение фюрера не воспользуется — я брошу против него все мои верные ᛋᛋ. И Ваффен ᛋᛋ тоже с фронта сниму, если потребуется! Пусть Ольбрихт честно осознает свое положение, и всю его плачевность. И пусть приезжает.

А если испугается и не приедет — не успеет даже об этом даже пожалеть. Фюрер его просто уничтожит.

А, ну и да. Если я услышу по радио еще один пламенный призыв арестовать меня: лично придушу вашего Ольбрихта. Вот это все передайте генералу Ольбрихту, слово в слово.

— Так точно, рейхсфюрер!

Беккер на том конце радиоволны, похоже, щелкнул каблуками, хотя самого звука я не услышал, такое радиостанция не передавала. Но бравый голос Беккера свидетельствовал именно об этом.

Я честно не знал, стоило ли мне так давить на Ольбрихта. Мне, конечно, было стыдно, что я начал угрожать семьям мятежных офицеров. Да и вообще я отчасти блефовал. У меня в Берлине теперь и правда было тридцать тысяч эсэсовцев, вот только подчиняться они мне будут ровно до тех пор, пока не оклемается настоящий Гитлер. А он оклематься вполне может, настоящего фюрера так до сих пор и не нашли.

Так что я сильно рисковал. Но другого выхода в сложившейся ситуации не видел. Ольбрихта нужно продавить и напугать, а иначе он, понятное дело, не пойдет ни на какие переговоры с Гиммлером. И вот это еще одна важная проблема. Даже если Ольбрихт придет — как мне построить с ним разговор? Он явно не поверит Гиммлеру, ни единому его слову.

Я в тяжких раздумьях выбрался из кабины «Тигра».

Парень в камуфляже во все глаза пялился на Айзека, который вылез вместе со мной. Айзек был все еще в шляпе и при бороде, так что парень не сдержался и выдохнул, чуть ли не рыдая:

— Мой фюрер, это правда вы? Вы живы?

Айзек благородно склонил голову:

— Это я, фольксгеноссе. Твой фюрер. Я просто вынужден был замаскироваться, чтобы укрыться от врагов Рейха.

— Слава Господу!

Вот теперь у паренька по щекам заструились слезы.

Айзек похлопал парня по плечу, от чего камуфляжный зольдатен пришел в настоящий экстаз:

— Какое счастье, что вы живы, фюрер!

— Сама судьба ведет меня, в этом смысле я бессмертен, — чванливо и совершенно по-гитлеровски заметил Айзек.

— Думаю, вам стоит взять обершутце Кёллера в вашу личную охрану, мой фюрер, — вмешался я, — Этот германец заслужил подобное своей преданностью и верой в вас.

— Да-да, разумеется, — тут же согласился Айзек.

Кёллер, услышав об оказанной ему чести, просто потерял дар речи. Только вытянулся по идеальной стойке смирно, отчего стал похож на шпалу.

Кёллер, конечно, идиот, и годков ему явно максимум семнадцать, а то и меньше. Но охрану фюреру и правда сменить придется. Лейб-Штандарте Айзеком точно не проведешь, эти телохранители Гитлера на такое дерьмо не поведутся — они слишком хорошо знают настоящего Гитлера. Стало быть: все командиры Лейб-Штандарте пойдут под нож в полном составе.

Я обратился к Вольфу:

— Ну вот что, дружище. Пройдись по улице, — я махнул рукой в сторону широкой штрассе, заставленной техникой мятежных военных, — И найди мне здешних старших офицеров. Их — ко мне.

Ни арест, ни расстрел мне и моим «соратникам» по ᛋᛋ теперь уже точно не грозили. Вермахт и раньше не особо был готов выполнять приказы Ольбрихта, а теперь, когда я начал действовать, их решимость наверняка опустилась до нуля. По крайней мере, я глядел на лица военных и видел на них лишь одно желание: оказаться подальше отсюда, вернуться в «старый добрый» Рейх, где все ясно и понятно, и где за тебя думает фюрер. Люди вообще обожают цепляться за старое. А уж эти жертвы гитлеровской диктатуры — вообще как дети малые. И никакой Ольбрихт, что бы он там о себе не воображал, их в чувство не приведет. Гитлер за десять лет своего правления отбил инициативность у всех.

И я собирался использовать это по полной. Если немцы желают быть стадом баранов, то пусть будут. Вот только пасти их буду я, а не нацисты.

Я повернулся к моему адъютанту Гротманну:

— А вы найдите мне остарбайтера. Любого, но русского.

Гротманн удивился:

— Остарбайтера, рейхсфюрер? Русского?

— Вы слышали, что я сказал, Гротманн. Русского остарбайтера. В Берлине их полно, пока я ехал сегодня в

рейхсканцлерию — я видел сотни на улицах. Так что не думаю, что это будет для вас проблемой.

— Так точно, рейхсфюрер.

— И еще мне нужна спецсвязь! Прямо здесь и сейчас.

Собственно, я и сам понятия не имел, чего именно я требую. Вообще мне нужно было срочно связаться не только с моими ᛋᛋ, но и со Сталиным, и с союзниками. Пока я тут развлекаюсь в компании Ольбрихтов — на фронте вообще-то продолжают гибнуть люди. А просто приказать всем немцам на всех фронтах капитулировать я, понятное дело, не могу. За такое меня, вероятно, пристрелят даже мои верные адъютанты, этот приказ выполнен не будет ни при каких условиях, сейчас все же май 1943, а не 1945.

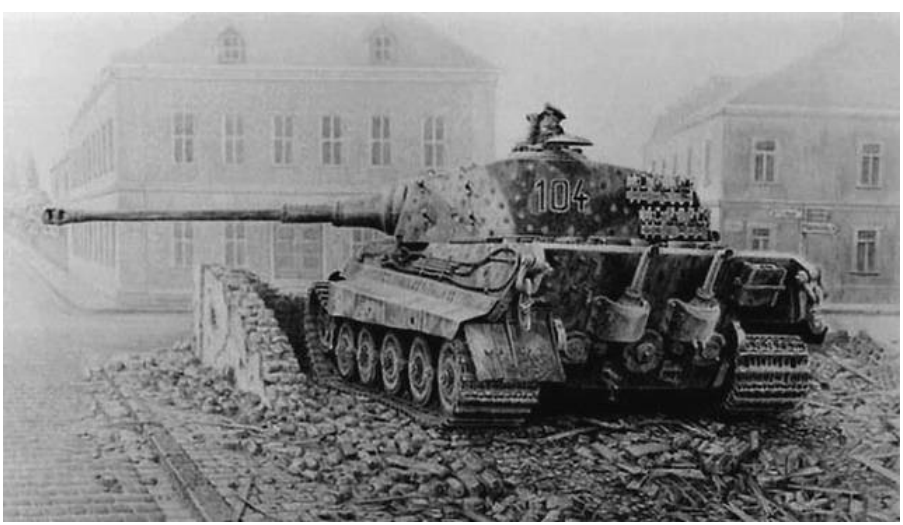
Так что спецсвязь мне была нужна, вот только я вообще не шарил, какие в этой эпохе средства связи, и как мне выйти на контакт не то что со Сталиным или Черчилем, но даже с моими подчиненными.

Однако на этот раз меня поняли верно, Вольф тут же отреагировал:

— Я немедленно вызову сюда группенфюрера Закса. С автомобилем спецсвязи.

— Славно.

Понятия не имею, что такое автомобиль спец.связи, но именно он мне сейчас и нужен.



*Танк **Panzer VI Ausf. B Tiger II (Königstiger)***

Мирные инициативы, Берлин, 1 мая 1943 10:07

Автомобиль спецсвязи мне подогнали через полчаса.

Эти полчаса прошли тревожно, я все поглядывал на небо, ожидая налетов Геринга на клинику, но налетов не было. Может, Геринг там покончил с собой от горя по случаю смерти фюрера? На это надежды было мало. Я послал верные мне части ᛋᛋ помочь военным и взять под контроль все Берлинские аэродромы, но вестей оттуда пока что не было. Как и вестей от самих мятежных военных. Даже Берлинское радио замолчало, вместе с уличными громкоговорителями. Но тут не нужно было обманываться: то было затишье перед штормом.

Я все мучительно раздумывал, зачем я вообще здесь торчу, и не следует ли мне покинуть «Шарите» и спрятаться в глубоком бункере. Свой бункер у Гиммлера имелся, назывался он «Hochwald» («Высокий лес») и представлял собой чудовищное сооружение из громадных бетонных блоков, тщательно укрытое в лесах Восточной Пруссии. Объект, естественно, был сверхсекретным, а в Берлин из него был протянут телефонный кабель — так что там я бы находился в полной безопасности, но при этом держал бы все под контролем. А в Берлине я тем временем просто живая мишень. Которую жаждут расстрелять и мятежные военные, и Геринг, да и Гитлер, если придет в себя, тоже вряд ли будет доволен тем, что я тут наворотил.

Тем более что Гитлера мои люди так и не нашли. Машина медиков, на которой его увезли, будто буквально сгинула без следа, провалилась в преисподнюю. А открыто искать Гитлера я больше не мог, теперь же по моей официальной версии Айзек — это фюрер, а Айзек находится тут при мне. Будет странно, если я буду направо и налево раздавать приказы ловить фюрера, когда фюрер рядом со мной.

Все это связывало мне руки и делало мое пребывание в Берлине на самом деле опасным.

Однако я твердо решил рискнуть и остаться здесь. Ибо какой король без трона и короны? Уехав из Берлина, из столицы Германского Рейха — я больше не буду восприниматься правителем государства, я потеряю важный символ власти. Вообще, по идее, мне надо быть сейчас в рейхсканцелярии, и если бы не захвативший её подонок Ольбрихт, то я бы в ней и был. Кроме того, тут в Берлине я хоть и подвергаю себя опасности, но могу держать руку на пульсе и контролировать события по

максимуму. А если сбегу в бункер — события могут начать развиваться сами, без моего участия, и черт их знает, куда они наразвиваются, и в каком направлении.

Так что я решил так: остаюсь пока что в «Шарите». ПВО здесь, в центре Берлина, мощнейшее. А у больницы дополнительно стоят зенитки. И клиника уже окружена моими верными ϟϟ, Вольф наконец-то удосужился пригнать курсантов, резервистов, охрану гос.учреждений и чуть ли не весь наличный Берлинский гарнизон в целом. И мятежные военные, все еще державшие улицы возле клиники, всех моих людей и технику пропустили. Вольф поговорил с их командирами, разъяснил ситуацию, так что желание бунтовать у Вермахта уже резко поостыло.

У меня сейчас возле «Шарите» тысяч двадцать человек, включая шутц-полицаев, да еще мне достались зенитки и танки из полков охраны Гитлера, ими теперь командовал Айзек, изображавший фюрера. Так что тут я безопасности. А если вдруг станет совсем жарко, например, Геринг налетит всем люфтваффе: так в клинике есть бомбоубежище, кроме того, я всегда могу сбежать и раствориться на улицах Берлина. Поэтому мне было тревожно, но в верности моих действий я почти не сомневался.

Нельзя выпускать Рейх из рук, только не сейчас, не в этот критический момент. Вот заключу мир, покончу с фашизмом, помогу русским, а там уже можно будет и отдохнуть.

От таких размышлений меня и оторвал явившийся Вольф:

— Ваши указания выполнены, рейхсфюрер. Ваш автомобиль специальной связи подан.

— Славно. Ну а охрана Гитлера?

Охрана Гитлера — это те двадцать автоматчиков из Лейб-Штандарте, которые все еще торчали в коридоре больницы, возле палаты, где еще недавно оперировали фюрера. Я дал указание разобраться с молодчиками, теперь у меня, благо, хватало на это сил. И несколько минут назад я и правда слышал в коридорах больницы пальбу, но не слишком интенсивную, всего парочку коротких автоматных очередей.

— Арестовали всех, именем фюрера, — доложил Вольф, — Пятерых пришлось пристрелить. Они считают вас предателем, рейхсфюрер, они же в курсе, что настоящий Гитлер тяжело ранен, а вы используете двойника.

— Они *были* в курсе, — уточнил я, — А теперь уже не будут. Потому что все умрут. Расстреляйте всех арестованных. А трупы — в крематорий. Есть тут крематорий?

— Крематорий есть, — Вольф растерялся, — Но ведь, рейхсюфюрер, я лично гарантировал всем сдавшимся охранникам жизнь…

— Это вы зря. Возьмите назад ваши слова. Извинитесь перед ними. А потом расстреляйте. Уверен, они поймут. Объясните им, что о том, что Гитлера замещает двойник, должны знать только я и сотрудники моего личного Штаба. Ну и сам Айзек. А больше — никто. И сами это запомните, Вольф.

— Так точно.

Вольф щелкнул каблуками.

— С остальной охраной Гитлера проблем не возникнет?

— Пока вроде все в порядке, рейхсфюрер. Ближайшие стражи фюрера или уехали с Раттенхубером, или стояли в коридоре у фюрер-палаты. Вот они бы обязательно заметили подлог. А механизированные полки Лейб-Штандарте настоящего Гитлера обычно видят только издали. Они не разоблачат Айзека. Ну я так думаю, мой господин.

— Хорошо, Вольф. Хорошая работа. Наградите всех, кто участвовал в задержании и ликвидации охраны Гитлера. Железными крестами и званиями. И не скупитесь.

— Немедленно оформлю приказы на награждения.

— Есть новости из рейхсканцелярии?

— Сообщают, что Ольбрихт выехал на переговоры с вами. Уже должен быть тут.

— Замечательно.

А вообще все как-то слишком уж замечательно. Так что главное сейчас — не расслабляться. Успокоишься, дашь слабину, совершишь ошибку, и всё.

Опасность сейчас исходит отовсюду, даже от Вольфа. Сейчас-то он мне и правда верен, как был верен Гиммлеру, но видно, что мужик в шоке от всего, что я творю, как и все остальное Гиммлеровское окружение. А человек в шоке может сделать глупость. Это уже не говоря о том, что поведение Вольфа и остальных в случае, если я попытаюсь заключить мир со Сталиным, совершенно непредсказуемо.

Я прошелся по коридорам больницы, набитыми моими отборными эсэсовцами из Имперской службы безопасности, СД и гестапо, которых надергали сюда из этих ведомств по случаю обороны «Шарите» от мятежников. Я теперь командовал от лица Гитлера, прикрытый авторитетом фюрера, так что действовал и отдавал приказы гораздо решительнее.

Выйдя на площадь перед больницей, я обнаружил мой автомобиль спецсвязи — бронированный небольшой грузовичок, без опознавательных знаков, зато с антенной на крыше. Грузовичок сопровождала машина охраны.

У машины меня уже ждал древний дед болезненного вида, с тремя дубовыми листьями и одним ромбом в петлицах мундира.

Когда я подошел, дед вскинул руку в нацистском салюте.

— Группенфюрер Закс? — поинтересовался я, и тут же объяснился, — Простите, партайгеноссе, но у меня контузия — сильно прилетело по голове, пока разгонял проклятых мятежников. Так что не обессудьте, что не узнаю вас.

— Да, я группенфюрер Закс, — отрапортовал дед.

Голос у него хриплый и тихий, и вообще — на вид Заксу уже лет сто, не меньше. А вот нервы у него стальные. Он моему поведению не удивился, судя по всему, ему вообще плевать. Этот дед явно верен старой прусской военной школе: ему приказывают, он подчиняется, а остальное ему просто неинтересно.

Ну и хорошо. Вот такие люди мне в моем положении и нужны.

Я влез внутрь автомобиля спецсвязи. Закрытый кузов оказался полностью набит оборудованием, тут громко жужжало, а воняло почему-то свежей металлической стружкой. А еще имелись аж трое радистов-офицеров, когда я вошел — все вскинули руки в приветствии.

Я глубоко вздохнул. Я естественно ни с кем не советовался по поводу того, что намереваюсь провернуть, даже с адъютантами и Вольфом. И мне было очень сильно не по себе. Но я просто обязан был сделать то, что задумал. Долг и честь требовали этого, сама моя совесть требовала.

— Ну ладно, — сообщил я Заксу, который вместе со мной влез в кузов спец.машины, — Дело совершенно секретное, Закс. Абсолютно секретное. Это ясно?

— Ясно, — равнодушно ответил Закс.

Похоже, ему и правда на все плевать. Этот человек — просто ходячая телефонная трубка Гиммлера, так что болтать он точно не станет. Вот этот точно не стукач, и о моих действиях никому из врагов не доложит.

Да и на радистов наверняка можно положиться. Гиммлер все же не полный кретин, вряд ли он позволил бы своим врагам завербовать собственных радистов.

Но мне все еще было не по себе, прям очень не по себе, хуже, чем когда я убивал на кураже Бормана и Шпеера…

— Фюрер приказал мне немедленно связаться со Сталиным и обсудить возможные условия мира, — залпом оттараторил я.

Закс и бровью не повел. Да и радисты тоже. Не люди, а тупо живые коммутаторы.

— Я хочу говорить со Сталиным! — потребовал я, ощущая себя полным идиотом.

Ибо я понятия не имел, может ли эта машинка вообще

связываться со Сталиными.

— Невозможно, рейхсфюрер, — монотонно пояснил Закс, — Тут у нас лишь радиосвязь. И мы не можем отправить русским радиограмму — слишком далеко, слишком долго. Даже если пересылать через передовые части на фронте: слишком много проблем. И я бы на вашем месте не рискнул слать подобное сообщение открыто, слишком многие лишние люди его получат. А зашифровать радиограмму русским мы никак не сможем.

— Ясно. Вы должны простить вашему рейхсфюреру его невежество, — я снял фуражку и постучал себя кулаком по дурной Гиммлеровской голове, — Это все контузия. Я еще толком не пришел себя. Но государственные дела не будут ждать, пока я оклемаюсь, сами понимаете. Значит, Сталину мне звонить по телефону?

— У нас нет телефонной связи с СССР, рейхсфюрер, — доложил Закс.

Я бы сам на месте Закса уже истерически хохотал над тупым рейхсфюрером, но Закс оставался спокойным, как скала, на его лице не дрогнул ни один мускул. Гвозди бы из таких людей делать. Или радиоприемники.

Я мучительно соображал.

— Ну и как мне связаться с руководством большевиков?

Закс подумал, но недолго, всего пару секунд.

— По дипломатическим каналам, рейхсфюрер. Мы можем отправить шифрованную радиограмму господину Риббентропу. Или напрямую нашему посланнику в Швеции. А он уже свяжется с советским послом.

— А как быстро дойдет шифровка в Стокгольм?

— Пара часов, — прикинул Закс, — Будь сейчас ночь, мы бы воспользовались средними волнами, и дело бы пошло быстрее. Но днем средневолновые передачи на такое расстояние малоэффективны.

Пара часов, значит? Слишком долго в моей ситуации, но деваться некуда. Я был благодарен Заксу, что он, по крайней мере, избавил меня от лишних технических подробностей и доложил четко по делу. Я, признаться, понятия не имел, чем отличаются длинные волны от коротких. Из школьного курса физики я помнил только первую фразу учебника, что слово «физика» происходит от греческого слова «фюзис»…

Но я все еще сомневался, все еще не мог окончательно решится:

— А нашу шифровку в Стокгольм перехватят, Закс? Ну англичане, например?

— Непременно, — сухо сообщил Закс, — Однако не

расшифруют. Воспользуемся вашим личным шифром, если хотите. Военный атташе при нашем посольстве его знает. Враги Рейха — нет.

— А не проще ли тогда позвонить в Стокгольм по телефону?

Я осознал, что сморозил глупость еще раньше, чем Закс объяснил:

— Шведы слушают все наши звонки, рейхсфюрер. И неизвестно, кому передают.

Ну да, разумеется. А чего я хотел — это же 1943 год. Мессенджеров с шифрованием тут не завезли.

— Ну ладно.

Я решился. Потом почесал нос, потом потер лицо, чтобы придти в себя.

— Значит так, записывайте…

Связисты тут же похватались за блокноты, даже сам Закс достал блокнот и карандаш.

В целом логично. Сообщение у меня исключительной важности, и если его запишут сразу четверо, то ошибка будет исключена.

— Наш фюрер Адольф Гитлер согласен на переговоры с Советским Союзом. Война между нашими народами была трагической ошибкой. У нас есть общие враги — западные капиталистические плутократии. В виду этого: Адольф Гитлер предлагает Иосифу Сталину объявить немедленное перемирие. Линию фронта заморозить по состоянию на нынешний день. Возможность передачи СССР… эм… территорий, находящихся на данный момент под нашим контролем, фюрер допускает.

Когда я надиктовал это, меня натурально бросило в пот. Я осознал, что предложение откровенно плохое, в нем плохо все — и упоминание западных капиталистов, и предложение заморозить линию фронта, да и в любом случае: Сталин, если он в здравом уме, наверняка сочтет это не более чем провокацией.

Но у меня не было иного выбора. Войну нужно остановить, это я понимал. Так что эта отвратительная шифровка — лучший вариант для меня. Политик всегда должен выбирать не лучшее, а лучшее из худшего и возможного, это мне было ясно. А иначе оторвешься от реальности, а в моем случае еще и потеряешь жизнь. Так что нечего воротить нос и строить воздушные замки. Я все сделал правильно. По крайней мере, так я себя успокаивал. Нужно начать переговорный процесс, а там уже посмотрим.

— Добавьте еще, что это отправлено лично мною — Гиммлером, — сказал я.

— Яволь, рейхсфюрер, — Закс убрал в карман карандаш, ни один мускул на его каменном лице так и не дрогнул.

— И каким образом Сталин мне на это ответит?

— Пока что безопаснее работать именно через дипломатов, — объяснил Закс, — Думаю позже, если вам удастся наладить постоянный контакт с большевиками, можно будет привлечь наших разведчиков в Швеции. Они смогут пересылать сообщения быстрее. Но вы сами понимаете: контакты абвера с большевиками просто опасны, мы тем самым засветим перед советами нашу агентуру. И если никакого мира на самом деле не планируется — агентов лучше не светить, рейхсфюрер.

Я кивнул:

— Само собой, никакого мира не планируется, Закс. Я просто провоцирую Сталина, пытаюсь внести смуту между ним и англичанами, по приказу фюрера, это же очевидно.

Закс на это только плечами пожал:

— Это уже не мое дело, мой господин. Мое дело — связь.

Дело, конечно, не его, но я должен был это сказать. Просто чтобы прикрыть себя на случай возможных проблем. Хотя я отлично отдавал себе отчет, что если информация о моих переговорах со Сталиным просочиться наружу — мне вероятно конец. Тогда я стану в Рейхе врагом для буквально всех, даже для моих людей.

— Верно, Закс, — согласился я, — И вы делаете свое дело хорошо. Я вас повышаю в звании: до обергруппенфюрера. И призываю помнить о секретности порученного вам дела.

Закс просто вытянулся по стойке смирно:

— Благодарю, рейхсфюрер.

И всё. Обрадовался ли Закс — хрен его знает. Судя по всему, у Закса позиция простая: «дедушка старый, ему все равно». И меня это более чем устраивало.

Я с облегчением выбрался из машины спецсвязи на свежий воздух. Меня слегка потряхивало, а уж вспотел я так, что мундир можно было выжимать. Но дело я, пожалуй, сделал, и это главное.

Вольф меня уже ждал:

— Ольбрихт прибыл, рейхсфюрер. С делегацией. Прикажете сразу всех убить? Или арестовать?

— Не нужно, — я поморщился, — Я же дал Ольбрихту гарантии безопасности, так что придется его выслушать. Кроме того, раз он приехал сюда — значит, он храбрый человек. А такие офицеры Рейху еще пригодятся. Вот что, Вольф… Пусть Закса повысят, до обергруппенфюрера. И всем моим связистам из этой машины — выдать премии.

Я очень надеялся, что хорошие деньги заставят этих парней до поры до времени молчать о моих переговорах со Сталиным.

— А железные кресты?

— Железных крестов на сегодня уже выдано достаточно, — отмахнулся я.

— Как скажете, шеф.

— В чьем ведении у нас военные атташе при заграничных посольствах, Вольф?

— Формально? Подчиняются МИДу. Риббентропу.

— А на самом деле?

— На самом деле их всех уже давно курирует абвер.

Я призадумался. Я не помнил, а скорее никогда не знал, кому в Третьем Рейхе подчинялся абвер — мне или военным.

И Вольф, как хороший пёс, почуял настроение хозяина, так что поспешил подсказать:

— Абвер в ведении командования Вермахта, шеф. Не думаю, что сейчас мы можем им доверять.

Я вздохнул:

— Ясно. Благодарю за напоминание. Я все еще не могу отделаться от последствий ночного ритуала в моем замке, Вольф. Это было потрясающе, но темные ритуалы частенько бьют по психике. Поэтому я и слегка не в себе. А тут еще и этот проклятый мятеж, и ситуация с фюрером…

— Понимаю. Ваша работоспособность и воля в этот тяжелый момент поражает нас всех, рейхсфюрер, — Вольф тут же принялся активно осыпать меня комплиментами.

Вообще, этот мужик мне не нравился. Он верен Гиммлеру и исполнителен, но явно трусоват, да и склонен подлизываться не по делу.

Но сейчас мне не до Вольфа. Меня ждал Ольбрихт, и еще судьбы мира.

***Эрнст Закс**, шеф службы связи СС*

Первое покушение, Берлин, 1 мая 1943 10:42

Мятежная военщина ждала меня в конференц-зале клиники «Шарите». В коридоры, ведущие к залу, по моему приказу подогнали целый ᛋᛋ — Sturm (то есть сотню человек), чтобы в случае необходимости, если слова не помогут, решить вопрос пулями.

Но, конечно, хотелось бы избежать силового варианта. Бунтовщики все еще контролировали рейхсканцлярию, Бендлер-блок, Дом Радио и еще несколько ключевых объектов в Берлине. Кроме того: этот заговор против фюрера явно зрел уже давно, так что неясно, сколько у бунтовщиков спящих агентов в Вермахте, в том числе на фронте. Военные все еще могут меня прикончить, а потом радостно продолжить войну с СССР. Причем теперь, когда верхушка Рейха по моей милости отправилась в преисподнюю, Вермахт еще, не дай Бог, может в этой войне и победить.

Ну а что? Заключат мир с англичанами и американцами, откажутся от гитлеровских доктрин о «славянских унтерменшах» и продолжат свой «крестовый поход против коммунизма». Только теперь будут воевать в союзе с Западом, да еще считать себя праведниками, а не нацистами-фанатиками и утверждать, что «воюют против Сталина, а не против русского народа». При таких раскладах их военная, экономическая и идеологическая мощь возрастут многократно. А вот меня такой вариант не устраивал совершенно. Тем более меня не устраивало, что я создал такой вариант моими собственными руками, фактически помог германской военщине.

Война должна быть остановлена любой ценой, мир с СССР должен быть заключен, причем на условиях, выгодных для наших, а не для немцев. Особенно теперь, когда я начал переговоры со Сталиным. Теперь мне отступать уже некуда. Вот поэтому-то я и собирался говорить с Ольбрихтом, а не пускать ему пулю в башку. Военные могут стать отличными союзниками в моих планах, я не мог допустить, чтобы они стали моими врагами, только не сейчас.

На встречу с Ольбрихтом я взял с собой Вольфа, трех моих адъютантов и мою дочку Гудрун.

Адъютантам я в целом доверял, они были верны Гиммлеру, потому что им банально некуда было деваться. Вольфу я доверял умеренно, потому что этот мужик трусоват, прямо меня предать он никогда не решится, но вот сбежать, если запахнет жареным, может. А дочку я захватил с собой, чтобы выглядеть в глазах

мятежников более человечным. Я понимал, что меня считают чудовищем и ублюдком, точнее не меня, а Гиммлера, но ведь в глазах мятежников я и есть Гиммлер. Это просто основы психологии: покажи, что у тебя есть семья, поставь рядом с собой юную дочку, и будешь выглядеть уже не отморозком, а примерным семьянином. Для этого политики постоянно и позируют на фоне детей — своих или чужих, а вы думали зачем?

Кроме того, не буду скрывать: я в случае чего планировал прикрыться девочкой, как живым щитом. Вряд ли немецкий офицер (особенно выступивший против Гитлера — то есть тот, у которого есть честь и яйца) будет стрелять в девочку. Да, это подлость с моей стороны. Но уж извините, я решал сейчас судьбы мира, Европы и моей родины, ну и еще надеялся, что стрелять в меня никто из мятежников все же не рискнет. Но на крайний случай Гудрун мне и правда пригодится.

Тем более самой дочке все происходящее явно нравилось, хоть она и ни черта не понимала. В Рейхе девочкам не давали участвовать в политике, так что Гудрун, которую я таскал с собой, определенно испытывала гордость, что папа берет её решать важные вопросы. У меня даже возникла мысль, что если все пойдет хорошо — смогу дальше использовать мою дочку в пропаганде, сделаю из неё местную «Грету Тунберг», которая будет агитировать за меня, пользуясь своей детской невинностью.

Ну и еще я, разумеется, взял с собой Айзека. Айзек теперь был в сером костюме, с имперским орлом на рукаве, челка и усики тоже были при нем. Вылитый фюрер. Когда мы проходили мимо эсэсовцев, те щелкали каблуками и вскидывали руки в нацистском салюте.

И вопросов, какого хрена фюрер так быстро поправился, ни у кого не возникло. А если какой умник попробует поинтересоваться, то сразу же об этом пожалеет.

У самых дверей конференц-зала меня ждал шутц-полицай. Не один, а в компании мрачного молодого парня. Парень был одет вполне себе чистенько — в какой-то серой спецовке и таких же штанах. На груди синяя нашивка «OST», на глазах очечки. Явно интеллигент.

Сейчас парень во все глаза уставился на Айзека, забыв про все остальное.

Шутц-полицай тем временем браво вскинул руку в сторону фальшивого фюрера, а потом доложил мне:

— Господин рейхсфюрер, остарбайтер по вашему приказу доставлен.

— Кто такой? — поинтересовался я.

— Полицай-обервахмистр Гельвих, мой господин…

— Я не про вас, — перебил я, — Вы молодец, обервахмистр Гельвих, но кто этот человек?

— Iwan Bogdanow, — доложил шутц-полицай, криво выговорив русскую фамилию, — Инженер третьего трамвайного депо, если вам будет угодно. Но он может и сам вам ответить: он говорит по-немецки. Немного.

Инженер, значит. Да еще немного говорит по-немецки. Судя по всему: квалифицированная рабочая сила. Это плохо. Я бы предпочел для моих целей одного из тех замученных доходяг, которых я видел на улицах Берлина разбирающими завалы после бомбежек. Мне сейчас нужен остарбайтер, который немцев искренне ненавидит.

Ну да ладно. Что есть — с тем и работаем. Сойдет и этот, если не окажется чересчур интеллигентом.

— Sprechen Sie Deutsch? — спросил я Богданова.

— Немного, — ответил Богданов по-немецки.

Вообще, парень явно не трус. По крайней мере, коленки в присутствии фюрера у него не дрожат. Он волнуется и не понимает, какого черта его сюда притащили, но он не в панике.

Меня, как Гиммлера, он, понятное дело, не узнает. Из вождей Рейха в лицо, видимо, знает только Гитлера.

— Откуда вы, Богданов? — спросил я по-немецки.

— Минск.

— Белорус?

— Нет, я русский. Я родился в Ленинграде.

«Leningrad» он произнес чуть ли не по слогам, видимо, для доходчивости. Как будто я или Гиммлер не знают, что такое Ленинград.

Я не стал продолжать допрос, а просто милостиво кивнул Богданову.

— Ты идешь с нами, Богданов.

Я махнул рукой, двое эсэсовцев открыли передо мной двери конференц-зала.

Зал в «Шарите» был роскошным — беломраморные колонны, стулья все мягкие, большая сцена для докладчиков.

Оно и неудивительно, это же партийная клиника НСДАП, да еще находящаяся в ведении крупного университета, так что здесь проходили важнейшие научные конференции по вопросам медицины. А еще тут висел огромный портрет Гитлера и несколько вертикальных красных флагов-хоругвей с черными свастиками в белом круге. Довольно забавное оформление для места, где одни враги Гитлера собрались говорить с другими.

В центре зала по моему приказу поставили стол, возле него — стулья, на столе я для солидности переговоров приказал

поставить коньяк и положить колбасу, без такого и переговоры не переговоры.

Мятежные военные уже были здесь: десяток мужиков в мундирах цвета фельдграу. Один-единственный был в гражданском черном костюме. Интересно, это еще кто?

Вольф чуть заметно кивнул мне на Ольбрихта — высокого генерала. Ольбрихт оказался человеком примечательным, с генеральскими погонами, с железным крестом на вороте и еще кучей наградных планок на мундире. Плешив и в очках. Но взгляд умный и безжалостный, и ни толики страха в глазах. Вот этому точно палец в рот не клади.

Я решительно направился к столу. Один из военных, увидев Айзека, не сдержался и вскинул руку в нацистском салюте. Но тут же засмущался своего движения, а его товарищи поглядели на офицера неодобрительно.

— Так-то вы приветствуете своего фюрера! — тут же начал негодовать Айзек, — Мое сердце обливается кровью, когда я вижу, что элита Рейха, что мои верные генералы решили предать меня! Еще и в такой момент. В момент, когда многие сыны нашей нации честно отдают жизни за фюрера на фронте. Вам должно быть очень стыдно, господа.

— Простите, фюрер, мы думали вы погибли… — начать мямлить один из генералов Вермахта.

Но Ольбрихт перебил:

— Спокойно, господа. Это не фюрер. Это двойник. Гиммлер просто пудрит нам мозги.

— Да как вы смеете? — в ярости заорал Айзек.

Даже засучил в воздухе ручонками, прямо как настоящий Гитлер. Я восхищался Айзеком, актерского профессионализма ему было не занимать.

— Тихо, мой фюрер, — гаркнул я на Айзека, — Ольбрихт прав, вы не Гитлер.

Я честно не видел ни одной причины выдавать Айзека за настоящего фюрера перед генералами. Во-первых, ясно, что Ольбрихта такой туфтой не проведешь. Это тебе не тупой эсэсовец из механизированных полков Лейб-Штандарте. Во-вторых, разыгрывать комедию перед Ольбрихтом нет смысла. Ольбрихт мне и нужен, чтобы помочь изменить гитлеровскую политику. А для этого придется признать, что фюрер умер. Ну или катается где-то по Берлину при смерти.

Айзек в ответ на мое заявление обиженно открыл рот, такое ощущение, что собрался даже наорать на меня, как Гитлер бы наорал на Гиммлера. Но актер вовремя опомнился и закрыл рот обратно. И слава Богу — а то бы пришлось съездить ему по морде,

чтобы показать генералам, что двойник фюрера под моим полным контролем.

Офицеры Вермахта тем временем обеспокоенно переглянулись.

— Благодарю за честность, — кивнул Ольбрихт, — Хорошее начало.

Рожа у Ольбрихта становилась все более суровой и решительной с каждой секундой. А еще он упорно отказывался именовать меня рейхсфюрером. Неужели действительно думает, что сможет меня арестовать или убить прямо здесь? Неужели уже списал меня со счетов? Если так — то очень зря.

Военные теперь во все глаза пялились на Айзека, каждый явно мысленно сличал его с Гитлером и искал отличия. Ну теперь-то, когда я сам признался, что Айзек — не Гитлер, им это будет легко. А вот без моей подсказки хрен бы большинство из них догадалось. Гитлер был их божеством, я прямо чувствовал, как им всем хотелось зигануть, как только мы вошли в зал. Немцы были в этом смысле отлично выдрессированы, сам образ Гитлера внушал им бессознательный страх.

— Где настоящий Гитлер, генерал Ольбрихт? — поинтересовался я.

Ольбрихт нахмурился:

— По моей информации — мертв.

— Не-а. Вы ошибаетесь. Гитлер на самом деле при смерти, ведь я сам стукнул его головой о светильник, вот этими вот самыми руками. Но он пока что еще жив. Его охрана во главе с Раттенхубером похитила его и куда-то увезла. И я надеялся, что фюрер попался вам, генерал. А если это не так — то у нас с вами проблемы, серьезные.

От моих слов генералы сначала впали в ступор, потом несколько военных заговорили разом…

— А где фюрер?

— Выходит, он жив?

— Гиммлер пытался убить Гитлера? Не верю!

— Нужно немедленно вернуть войска в казармы…

— Глупости! Надо найти Гитлера и закончить начатое!

Кто-то мрачно качал головой, кто-то побелел, а чей-то адъютант уже полез за пистолетом, явно с неприятными для меня целями…

— Спокойствие, господа, — заткнул всех Ольбрихт, — Угомонитесь, прошу вас. Я рассматривал и этот вариант — вариант, что Гитлер просто ранен. Но тут надо бы по-хорошему разобраться. А в казармы мы возвращать никого не будем. Мне кажется, мы уже зашли слишком далеко, чтобы отыгрывать всё

назад.

— Именно так, — я согласился с Ольбрихтом, — Назад отыгрывать некуда. Если Гитлер оклемается и предъявит себя германской нации — вы все будете болтаться на виселицах. И я тоже. А мне не хотелось бы подыхать, тем более в вашей компании, фольксгеноссе.

Я указал на генеральского адъютанта, того самого, у которого руки чесались расстегнуть кобуру.

— Ольбрихт, напомните вашим людям: если я пустил вас сюда с оружием — это не значит, что за него можно хвататься. Клиника, напоминаю, окружена частями ЧЧ. И внутри набита ими же. Так что если в меня полетит хоть одна пуля — никто из вас отсюда живым не выйдет.

— Вы гарантировали нам всем безопасность, — обиженно ответил Ольбрихт, — Но вы правы. Мы пришли говорить, а не стрелять друг в дружку. Эрнст, оставьте ваш пистолет в покое.

Эрнст, уже пожилой мужик с погонами гауптмана, в ответ одарил Ольбрихта белоснежной улыбкой. И пистолет трогать больше и правда не пытался. Однако меня этот Эрнст все еще серьезно напрягал, он мне не нравился. Вот этот явно отморозок и радикал.

И определено готов помереть, забрав с собой в могилу, например, Гиммлера, то есть меня. У этого ублюдка рожа человека, который полагает себя рожденным для подвигов — вот таких я с детства не перевариваю.

— Рад, что мы вернулись в конструктивное русло, — кисло заметил я Ольбрихту.

— Не вернулись, — отрезал Ольбрихт, — Не стройте иллюзий. Я лично не верю, что вы пытались убить фюрера. Вы нам лжете.

Ну а это уже ожидаемо. Понятное дело, что я для них монстр и чудовище во плоти, понятное дело, что от Гиммлера ничего хорошего не жди. Гиммлер добавляет себе детскую кровь в овсянку каждое утро — по крайней мере, смотрели на меня военные так, как будто я и правда это делаю. И их можно было понять. Гиммлер и правда конченая мразь, с этим никто не поспорит. Вот только я оказался теперь в его теле, и я не намерен был терпеть такого отношения ко мне…

— Хотите доказательств? — поинтересовался я.

— Хах, — Ольбрихт сухо хмыкнул, — Можно подумать, вы способны их дать!

Я кивнул моему адъютанту Гротманну.

У Гротманна на такой случай как раз был с собой мешок — прямиком из больничного морга. Сейчас Гротманн открыл мешок

и высыпал на стол круглые предметы, напоминавшие весом и формой спелые арбузы. Но это были не арбузы, а аккуратно отделенные от тел головы: рейхсляйтера Бормана и рейхсминистра Шпеера.

Шеи голов были подвязаны бинтами, чтобы не запачкать стол, у Бормана рожа застыла в посмертной гримасе ужаса, пуля пробила ему лоб. А вот Шпеера, которому я стрелял в лицо, узнать можно было только с трудом — разве что по сохранившемся рту, ушам и одному глазу.

Головенка Бормана тут же покатилась по столу и уперлась в бутылку коньяка, голова Шпеера со стола чуть не упала, так что Гротманну пришлось её ловить.

Военные заахали, кто-то выругался, а кто-то забормотал начало «Отче нашего».

А Ольбрихт удивленно поднял брови.

— Узнаете? — поинтересовался я, — Или мне надо было подписать эти головы?

Ольбрихт на миг утратил дар речи. Потом облегченно выдохнул:

— Не нужно. Тут и без подписей ясно. Борман и Шпеер. Но черт побери…

Вот теперь генералы были дезориентированы полностью. Никто больше ничего не понимал. Такого хода от Гиммлера явно не ждал никто.

Надо было ковать железо, пока горячо, так что я решил вогнать вояк в еще больший шок.

— Геббельса сюда! — потребовал я.

Мой адъютант Брандт тут же бросился в коридор и отдал распоряжения. Геббельса мы хранили в одной из подсобок рядом с конференц-залом. Двое моих эсесовцев втащили министра пропаганды в зал, Геббельс все еще был избитым, окровавленным, в наручниках и с заткнутым тряпкой ртом.

Рейхсминистр сопротивлялся, упирался ногами в пол, как козлик, которого тащат на бойню. Зато он, в отличие от Шпеера и Бормана, пока что был живой и даже с головой на плечах.

— Узнаете? — снова спросил я.

На этот раз кто-то из генералов расхохотался, а другой в ужасе перекрестился.

— Ну-ка освободите Геббельсу рот, — потребовал я, — Пусть поучаствует в наших переговорах!

Изо рта Геббельса извлекли тряпку, но Геббельс сначала только хрипел и плевался. Лишь когда мой адъютант Брандт поднес рейхсминистру стакан воды — Геббельс набрал воду в рот, потом выплюнул, потом схаркнул кровавой слюной, а потом

заорал:

— Это не Гиммлер! Что вы стоите, тупицы? Убейте его. Это не Гиммлер! Бес вселился в нашего рейхсфюрера…

— Ну хватит, — распорядился я, — Этот способен болтать бесконечно, так что верните тряпку на место.

Геббельсу снова забили в рот тряпку, на этот раз еще глубже, а потом утащили хрипящего министра вон.

Я сурово оглядел шокированных генералов.

— Вопросы?

Вопросов не нашлось.

Заговорил Ольбрихт, но это был не вопрос, а утверждение:

— Значит, вы и правда убили Гитлера…

— Пытался убить, — перебил я, — Но увы — фюрер жив. И неизвестно где. Надо его найти и ликвидировать, это наша с вами первейшая задача.

Ольбрихт на это печально покачал головой:

— «Наша»? Вообще мы пришли сюда принять вашу капитуляцию, рейхсфюрер, а не выслушивать от вас постановку задач.

— Что? Капитуляцию? — я нервно расхохотался, — Капитуляцию? Да вы с ума сошли! Ольбрихт, друг мой, у меня мои верные ЧЧ. И каждый из моих парней готов умереть за меня и фюрера. А фюрер…

Я указал на Айзека.

— … Фюрер тоже у меня, как видите. Немцы считают фюрером его! А еще вы можете заметить, что я совершенно нетерпим, когда мне перечат. Поглядите еще раз на эти головы на столе, Ольбрихт. Вы хотите, чтобы ваша собственная башка составила компанию Борману и Шпееру, м? Или предпочитаете отправиться под арест с доктором Геббельсом?

Ольбрихт явно мучительно размышлял, на миг повисло молчание.

Потом кто-то из генералов потребовал:

— Да уберите уже со стола эту гадость! Господа, побойтесь Бога. Меня лично тошнит глядеть на Бормана рядом с колбасой.

Он, пожалуй, был прав: голова Бормана и правда откатилась от бутылки коньяка и теперь лежала рядом с тарелкой колбасной нарезки. Я был уверен, что эту колбасу никто из присутствующих теперь точно в рот не возьмет.

— Уберите, — кивнул я Гротманну.

Адъютант тут же покатил головы к краю стола, они упали в мешок, который уже держал наготове другой мой адъютант.

А Ольбрихт тем временем вышел из ступора:

— Ну ладно. Я готов выслушать ваши требования. Но после

того, как вы ответите мне на один вопрос.

— Спрашивайте, — милостиво разрешил я.

— Кто вы, собственно, такой? — прямо поинтересовался Ольбрихт, — Геббельс сказал правду. Вы не Гиммлер. Вы не можете быть Гиммлером. Настоящий рейхсфюрер бы никогда не выступил против Бормана или Геббельса, про фюрера я уже даже не говорю. Так кто вы?

Вот блин. Опять этот проклятый вопрос. И я понятия не имел, что на него отвечать. Я все продумал, а вот это — нет. Само собой, утверждать что я Гиммлер будет просто глупо: никто не поверит. Эти генералы же не идиоты, а Ольбрихт вообще явно тот еще умник. Но и признаться, что я русский попаданец я не мог, эти люди же патриоты Германии.

В отличие от Бормана, который заботился только о себе любимом, эти генералы с русским попаданцем сотрудничать не будут ни при каких условиях. И о перемирии со Сталиным, если я признаюсь, тоже можно будет забыть — поняв мои истинные цели, генералы Вермахта на мир не пойдут никогда. И подчиняться русскому тоже не будут. Эти господа скорее сдохнут, эти принципиальные.

Однако пока я размышлял над ответом, меня уже избавили от необходимости отвечать.

Эрнст, тот самый генеральский адъютант, который уже пытался ранее выхватить пистолет, вдруг громко заявил:

— Господа, а какая разница Гиммлер это или не Гиммлер? Кем бы он ни был — логично его прикончить. Вместе с фальш-фюрером! Делать дело, так до конца. За Рейх! За германский народ!

Эрнст стремительным движением профессионального ковбоя выхватил из кобуры пистолет, грянул выстрел. Меня обожгло острой болью, Эрнст попал в цель. Еще до того, как мои люди вообще сообразили, что происходит — Эрнст выстрелил второй раз, теперь уже в Айзека.

Генерал от инфантерии ***Фридрих Ольбрихт****, в реальной истории выступил против Гитлера 20 июля 1944, расстрелян в тот же день после провала заговора.*

Три приказа рейхсфюрера, Берлин, 1 мая 1943 11:03

Я уставился на мою руку, всю в крови. Значит, рука. Рука это хорошо, это не сердце или голова. Я смогу выполнить мой долг даже с одной рукой!

Но боль была дикой — будто я сунул эту руку в печку.

А вот вторая пуля Эрнста угодила в бутылку коньяка на столе, бутылка разлетелась на осколки, а пуля ушла в тяжелую столешницу, застряв в ней.

Эрнст явно был отличным стрелком, вот только слишком торопился. Потому и промазал оба раза. А третьего выстрела ему сделать никто не дал, на Эрнста налетели генералы, ствол у него уже отобрали.

— Да вы с ума сошли! — орал Ольбрихт.

Айзек на всякий случай спрятался за спину Вольфа, мой адъютант Брандт уже бросился к хозяйской руке:

— Дайте взглянуть, рейхсфюрер.

Остальные мои адъютанты похватались за оружие, в конференц-зал ворвались человек десять автоматчиков. Но никто из военных больше глупостей делать не пытался.

— Отставить, — приказал я, — Все в порядке.

Брандт тем временем осмотрел мою руку. Брандт же вроде врач. Не только группенфюрер ϟϟ, но и генерал военно-медицинской службы.

— Пошевелите пальцами, шеф.

Я пошевелил. С пальцами все было в порядке, но вот с тыльной стороны ладони хлестала кровища, так много, что меня даже замутило.

— Рука не пробита, — сообщил Брандт, — Просто царапина. Опасности никакой, но надо продезинфицировать.

Увы, но коньяка для дезинфекции больше нет — этот подонок Эрнст уничтожил бутылку. Зато на столе нашлись матерчатые салфетки, Брандт приложил одну мне к руке.

— Зажмите, герр Гиммлер.

Я зажал рану, и стало еще больнее, а салфетка вся тут же покраснела.

— Мы вроде в проклятой больнице, — напомнил я Брандту, — Тут должны быть дезинфицирующие средства.

— Я немедленно принесу спирт, — пообещал Брандт, — И приведу вам хирурга.

Брандт тут же покинул конференц-зал, а моя дочка тем

временем впервые за все «переговоры» подала голос:

— Папа, он хотел тебя убить!

Ну тут не поспоришь. А девочка в своей мстительности определенно пошла в Гиммлера. Отрезанные головы Бормана и Шпеера её не тронули, а вот покушение на отца явно шокировало. Оно и неудивительно: в её возрасте каждый считает своего папу бессмертным.

Ольбрихт был мрачнее тучи:

— Мы приносим наши извинения, хм…

— И я их принимаю, — ответил я, — Как зовут этого героя?

— Гауптман Юнгер, — представился Эрнст, одарив меня белоснежной улыбкой, — И я о своем поступке не сожалею. И не извиняюсь. Будь у меня третий выстрел — я бы вас угрохал, господин Гиммлер. Или не Гиммлер, или кто вы там. Неважно.

— Пока что вы «угрохали» только бутылку коньяка, гауптман, — процедил я, — А могли бы, учитывая вашу «меткость», и мою дочку!

— Ну и зачем вы притащили вашу дочку сюда? — парировал Юнгер.

Этот за словом в карман не лез. И не боялся.

Меня такое совершенно не устраивало. Я был ранен в левую руку, правая мне все еще верно служила. Я протянул её:

— Пистолет.

Гротманн тут же вложил мне в руку пистолет, даже снял с предохранителя.

Я быстрым шагом обошёл стол, разделявший меня с генералами, подошёл к Юнгеру.

— Послушайте, если… — начал было Ольбрихт.

Но закончить он не смог, дальнейшая его фраза потонула в грохоте выстрела. Я шмальнул Юнгеру прямо в его белоснежную улыбку, зубы Юнгера разлетелись по полу, гауптман рухнул на пол, лицом вперед, кровь брызнула прямо на генеральские мундиры стоявших рядом военных.

Я для верности вогнал еще две пули Юнгеру в башку, потом пнул его труп ногой.

Я теперь уже не испытывал никаких душевных терзаний, я быстро учился. Да и кроме того: вот этот подонок пытался меня лично убить. И прямо помешать моему плану мира с СССР!

Я воздел ввысь здоровую руку с пистолетом, генералы вжали головы в плечи, как перепуганные цыплята.

— Ладно, господа, вы меня раскусили, — провозгласил я, — Вы правы. Я не Гиммлер. Я хуже! И я не потерплю более никакой дерзости в мой адрес. И никаких попыток лишить меня жизни тем более. Это ясно?

Генералы закивали.

А вот мои люди, кажется, были смущены еще больше военных. Рожа Вольфа была такой белой, что из неё можно было сейчас делать мел. Гротманн глупо ухмылялся. Айзек забыл, что он Гитлер и явно хотел оказаться подальше отсюда. Моя дочка вроде единственная была в восторге.

— Садитесь, господа, — предложил я.

* * *

«Господа» сели, но не все. Я потребовал от Ольбрихта выгнать всех лишних генералов. На мой взгляд депутация военных была слишком уж представительной, я не намерен был озвучивать мои планы всем им.

Так что теперь, когда я закончил представление моей крутизны и отмороженности, в конференц-зале остались только: сам генерал пехоты Фридрих Ольбрихт, который претендовал на должность военного министра, старенький отставной генерал-полковник Людвиг Бек (этот претендовал ни много ни мало на должность и.о. президента Германии), фельдмаршал Эрвин фон Вицлебен (которого мятежники уже успели назначить верховным главнокомандующим и заодно рейхсфюрером ЧЧ вместо меня) и Карл Гёрделер — единственный мужик в гражданском, его заговорщики планировали поставить канцлером. Проще говоря, Гёрделер был им нужен, чтобы их классическая военная хунта не выглядела, как хунта.

Вот с этой четверкой самых серьезных мятежников я и был готов обсуждать дальнейшее, а всех остальных решительно выгнал. И дохлого Юнгера тоже унесли, как и осколки от бутылки коньяка — вместо них нам принесли бутылку целую и непочатую. А еще пришел врач и сделал мне нормальную перевязку на левой руке. Даже предлагал обезболивающее, но я отказался, мне сейчас была критически нужна свежая голова.

Из своих людей я оставил в помещении только Вольфа и адъютантов. И еще Ивана Богданова — инженера-остарбайтера, который сам не понимал, зачем он тут находится.

Ольбрихт сейчас как раз недовольно глядел на Ивана, на синюю нашивку «OST» на его спецовке.

— Я могу узнать, что тут делает этот человек?

— Можете, — подтвердил я, — Можете даже ознакомиться с моим приказом.

Поданный адъютантом приказ тут же лег на стол перед Ольбрихтом.

Ольбрихт глянул в приказ, и глаза полезли у него на лоб.

— Вы шутите что ли? «Ост-отряды стражей Берлина»? Из славянских остарбайтеров? С оружием и бронетехникой?? Под руководством рейхсфюрера???

— Вы все поняли совершенно верно, — кивнул я, — Приказ пока что не подписан, как видите. Но в случае необходимости — раздам всем остарбайтерам в городе оружие. Оружия у меня на складах ҂҂ полно. И все указания я уже дал. Так что если я вдруг помру, мои люди этот приказ немедленно выполнят.

Ольбрихт мрачно покачал головой:

— Но ведь они разнесут город. Это же будут неподконтрольные банды. Это шантаж?

— Это шантаж, — тут же согласился я, — И если вы считаете, что я блефую…

Я приказал Вольфу:

— Дай русскому оружие.

Вольфа перекосило от такого указания, но свой пистолет он покорно из кобуры достал и протянул Богданову.

А вот Богданов растерялся.

— Возьми пистолет, — потребовал я от Богданова на чистейшем русском языке.

На этот раз Ольбрихт вскочил на ноги, а Вольф прямо ахнул.

Вот это всех присутствующих шокировало даже больше, чем когда я самолично казнил Юнгера.

Это, конечно же, была крайне рискованная тактика, но я полагал её верной. Надо наворотить побольше шока, внести в головы моих «друзей» и «врагов» побольше смуты. Этот мой единственный шанс выжить и удержаться сейчас. Ибо сам-то я отлично сознавал мое положение, несмотря на все понты.

Все ключевые объекты Берлина у мятежников под контролем, и военные, и гражданские. Главных вождей Рейха я самолично отправил прямиком в ад, чем оказал военным неоценимую услугу. А сам я в теле Гиммлера, и если меня повесят, то никто и слезинки не прольет. Это уже не говоря о том, что Гиммлер без фюрера никто и звать его никак. У военных банально больше сил в Берлине, по этому поводу я тоже не обманывался.

Так что единственная доступная мне сейчас тактика — тактика обезьяны с гранатой. Пусть они все обделаются, пусть не знают, чего от меня дальше ждать, пусть понимают, что у них два варианта — или союз со мной, или такое море проблем, что они в нем захлебнутся.

И вот в свете всего вышеперечисленного: идея еще вдобавок заговорить по-русски показалась мне логичной и здравой. Если Ольбрихту после переговоров со мной потребуется помощь

психиатра, вот тогда я буду считать переговоры полностью успешными.

— Бери пистолет, — повторил я.

Теперь Богданов пистолет взял. Правда не знал, что с ним дальше делать.

— Ну вот, начало положено, — констатировал я, уже по-немецки, — Первый остарбайтер оружие получил. Он уже не остарбайтер, а натуральный «осткригер»! Ну и что мне помешает раздать оружие остальным сотням тысяч, м? Кстати, вот еще один приказ…

Я кивнул, и Брандт положил на стол перед Ольбрихтом очередную бумагу.

— Это по поводу заключенных тюрем и концлагерей, — пояснил я, пока Ольбрихт читал, — Их я тоже могу выпустить за час. Всех. И каждого снабдить оружием, хоть даже паршивым или трофейным.

— Короче говоря, вы обещаете нам тотальную катастрофу, — усмехнулся «канцлер» Гёрделер, — Мы верно вас поняли?

— Верно, но вы еще не до конца осознали глубину катастрофы, — ответил я, — Вот еще один приказ…

Этот приказ был уже войскам ҂҂ — немедленно сняться с фронта и идти на Берлин, чтобы покончить с военщиной, предавшей фюрера и национал-социализм.

— Этот приказ я не просто передам по инстанциям, а зачитаю по радио, — пообещал я, — Точнее говоря: мой карманный фюрер зачитает, голосом Гитлера. И ни один эсэсовец его выполнить не откажется, я вас уверяю. Геббельс тоже у меня, как вы могли заметить, господа. Сейчас он скрипит зубами и плюется, но стоит моим профессиональным палачам с ним поработать — и рейхсминистр станет покорнее собачки. И присоединит свой голос к голосу фюрера. И тогда вам точно конец.

Ольбрихт стал мрачнее тучи, но тем не менее ответил вполне спокойно:

— Не забывайте, что Дом Радио в наших руках.

— Пока что в ваших руках, — парировал я, — Я могу отбить его в любой момент. Сил у меня хватит. Вот теперь можете паниковать, господа. Вашему делу конец. Стоит мне пожелать — я залью Германию кровью! И обращу Рейх в первозданный хаос! Так что времена Веймара вы будете вспоминать с ностальгией.

А вот теперь я добился эффекта. Мятежники явно были дезориентированы полностью. Они понятия не имели, что теперь делать, это было заметно по лицам и общей нервозности. Но я решил добить их, постучав пальцем здоровой руки по бумаге с последним приказом:

— Кстати, тут пока что вписано только имя одного генерала Ольбрихта, с указанием уничтожить его самого и всю его семью. Но теперь, когда я знаю ваши имена, господа, я, конечно же, добавлю в этот приказ каждого из вас лично. Так что могу утешить вас — хаоса, который воцарится в Рейхе, если я опубликую эти три приказа, вы уже вероятно не увидите. Потому что будете мертвы.

Повисло молчание.

Бунтовщики переглянулись.

— Нам нужно посовещаться… — осторожно произнес Ольбрихт.

— Мда? — усомнился я, — А вы не забыли случайно, что у нас идет война, что русские уже отбили Курск, что англо-американцы наступают в северной Африке? А про то, что Геринг сейчас неизвестно где и неизвестно чем занят, помните? А про Гитлера, который еще жив?

Я, естественно, уже успел ознакомиться с общей ситуацией на фронтах, хотя карты пока не смотрел.

— Некогда совещаться, — подытожил я, — Либо мы дальше действуем вместе с вами, либо и вы, и я проиграете. И Рейх тоже проиграет!

Вообще, хорошенькое дело. Поражение Рейха так-то и было моей истинной целью. Вот только, чтобы достичь её, мне сейчас критически был необходим союз с мятежными генералами. Я не строил никаких глупых детских иллюзий. План раздать оружие остарбайтерам, да еще выпустить из тюрем и концлагерей всех заключенных годился, чтобы напугать Ольбрихта и его корешей. Но к победе СССР в войне очевидно не вел.

В случае попытки реализовать этот план меня вероятно просто сразу же пристрелят, тот же Вольф, например, либо кто-то из моих адъютантов. И на этом все и закончится. Сейчас-то Вольф думает, что я просто блефую, но его и то корежит. А если он поймет, что я реально собрался раздавать оружие «рабам» — он медлить точно не станет, просто пустит мне пулю в башку. Или сбежит от меня подальше, а пулю в башку мне пустит уже кто-то похрабрее Вольфа. О том, что ᛋᛋ снимется с фронта и пойдет воевать против Вермахта, вообще и речи не шло. Человек, отдавший в воюющей Германии такой приказ, сдохнет уже просто автоматически.

Так что весь мой план — просто пыль в глаза. Но должно сработать, Ольбрихт же сейчас в сложном положении. Его мятеж явно готовился уже давно, но известие о смерти фюрера застало заговорщиков врасплох. Они все еще растеряны, это заметно. Планы у них есть, но это пока смутные планы, без конкретики. И

это должно позволить мне обратить планы мятежников в мои собственные, навязать им *мою* конкретику. Вот на что я рассчитывал.

Когда я закончил мою агитационную речь, Ольбрихт устало воззрился на своих «коллег» по заговору:

— Мнения, господа?

Первым отозвался «главнокомандующий» Вицлебен:

— Какие тут могут быть мнения? Этот человек, кем бы он ни был, не желает блага для Германии. Но он дал нам слово, что нас не тронут! Так что я предлагаю просто уйти.

Меня такая реакция развеселила:

— Уйти вы, конечно, можете, господин фельдмаршал. Вот только долго ли проходите — другой вопрос. А что касается блага Германии, то поймите, что я хочу его не меньше вашего. С одной ремаркой: мне не нужна Германия, если ей управляю не я. Вот и вся моя позиция. Говорю вам её честно, как есть.

Вицлебен на это просто пожал плечами:

— Я военный человек, я привык говорить прямо. Так что за честность спасибо. Но ваша честность мне не по вкусу. Это честность лавочника! Гиммлер вы или не Гиммлер — но точно не офицер. Гиммлер офицером никогда не был! Так что я с вами дела вести не намерен, после ваших угроз.

Вот блин. Неужели я попал впросак? Хотя скорее нет. Вицлебену просто на все плевать. По нему видно: человек хочет красивой смерти. На политику он просто клал с прибором. Да и толкового политика из него не выйдет. Если мы все-таки договоримся, то надо бы этого Вицлебена слить, чем скорее, тем лучше.

Вторым выступил «канцлер» Гёрделер, этот был, к счастью, настроен на компромисс:

— Думаю, мы должны попытаться найти общий язык с хм… герром Гиммлером. У нас наверняка найдутся общие цели. Свободная демократическая Германия, роспуск и запрет нацистской партии, мир в Европе. Разве не для этого мы сейчас здесь? Такой исторический шанс выпадает раз в столетие. Глупо было бы им не воспользоваться лишь на основании того, что герр Гиммлер… не в себе.

Вот Гёрдлер уже говорил, как политик, даже слишком как политик. Проще говоря: пудрил мне мозги.

Однако я милостиво кивнул и заверил его:

— Ваши цели — и мои цели тоже, господин Гёрдлер.

«Канцлером» я его естественно называть не стал. Я полагал канцлером Германии себя и только себя. И рейхсфюрером, кстати, тоже.

Последним заговорил отставной генерал Бек, этот был совсем стареньким, голос у него был тихим и дребезжал:

— Я в целом согласен с Гёрдлером. Вот только прежде чем пожать руки — неплохо бы знать, кому именно ты её пожимаешь. Мне, как и всем остальным, очевидно, что вы не Гиммлер. Ответьте на вопрос, кто вы такой. И тогда мы уже сможем принять решение, взвешенное и разумное.

Ольбрихт вздохнул, вроде облегченно, а вроде и с сожалением:

— В общем, переговорам быть, господа.

Вицлебен тут же чинно поднялся на ноги:

— В таком случае вынужден вас оставить. Мне неинтересны переговоры с палачом и врагом Рейха! Еще и с явно сумасшедшим.

Я указал на дверь:

— Мы тут никого силком не держим, фельдмаршал.

Вицлебен отвесил всем пафосный поклон, а потом строевым шагом двинулся к выходу, громко стуча фельмаршальскими шпорами.

Я вдруг осознал, что Вицлебену еще и наверняка обидно, что он так и не стал рейхсфюрером ᛋᛋ. Фельдмаршал явно предвкушал, как он меня расстреляет лично, а потом воссядет в моем кабинете. А без такого людям типа Вицлебена и в мятеже участвовать неинтересно. Поэтому логично, что Вицлебен ушел, как только стало ясно, что расстреливать меня не будут.

Надо бы взять фельдмаршала на заметку. В качестве подчиненного он мне совсем не годится, зато его можно будет потом использовать против Ольбрихта и всей его антифашисткой хунты.

Фельдмаршал хлопнул дверью, буквально, и после этого уже начались наконец полноценные переговоры.

От вопроса, кто же я такой на самом деле, я ушел. Правда не слишком изящно:

— Немецкий народ считает меня Гиммлером. Моя дочка считает меня Гиммлером, как вы сами только что убедились. Мои люди считают меня Гиммлером. Я ведь Гиммлер, Вольф?

— Так точно, — не слишком искренне покивал Вольф, — Гиммлер.

— Ну вот видите. Так чего же вам еще надо, господа? Раз все уверены, что я Гиммлер — значит, я обладаю его властью и полномочиями. Этого достаточно. А странности моего поведения объясню вам позже. Когда буду уверен, что мы с вами не враги.

Крыть это Ольбрихту было нечем, а время поджимало, так что мы перешли к обсуждению формы правления. Заняло это пару

минут, я, разумеется, сразу же предложил «Бормановский» план, как самый логичный. Ближайший месяц сохраняем фюрера, роль которого будет играть Айзек, меня сохраняем в должности рейхсфюрера. Спорить с этим взялся только Ольбрихт, но Бек и Гёрдлер поддержали мое предложение, понимая, что мой вариант — единственный, позволявший сохранить стабильность в Рейхе.

Нельзя вываливать на немцев перемены сразу, надо дать им попривыкнуть. Так рассуждали мои новые союзники, для меня же этот вариант был единственным, позволявшим мне остаться у власти. Я отлично понимал, что если сразу дать немцам слишком много свобод и выборного канцлера, то этот канцлер первым делом вздернет на виселице Гиммлера, то есть меня.

Далее мы занялись кадрами, и вот тут уже пришлось попотеть.

Ольбрихт настаивал на том, что ни одного моего человека к руководству Вермахтом он не допустит, я же не желал отдавать должность рейхсканцлера, на которую сам рассчитывал. Не без помощи Вольфа, подсказывавшего мне имена, я попытался пропихнуть в командование армией нескольких более-менее уважаемых эсесовцев, но тут мои собеседники не пошли вообще ни на какие компромиссы.

А с другой стороны, официально назначить никакого из мятежников в гражданскую администрацию мы тоже не могли, пока у нас есть живой «Гитлер». Ибо было бы крайне странно, если бы Гитлер вдруг стал пихать во власть оппозиционеров. Тот же Гёрделер своих антигитлеровских взглядов никогда не скрывал и до сих пор ходил живой лишь благодаря своим обширным связям с немецкими финансовыми воротилами.

Так что мы проспорили с пеной у рта минут двадцать, но пришли к тому, с чего начали. Я — рейхсканцлер и рейхсфюрер ҂҂. Генерал Бек — главнокомандующий и новый начальник Oberkommando der Wehrmacht. Эту должность до сего дня занимал печально известный Кейтель, но Кейтеля мы, естественно, решили отправить в отставку, а потом возможно и расстрелять. Кейтель сейчас находился в ставке в Восточной Пруссии, мятежники пытались отдавать ему приказы, но их Кейтель просто проигнорировал. Я сам пытался связаться с подонком полчаса назад, но и со мной Кейтель говорить отказался, заявив что подчиняется только фюреру. Что же, он сделал свой выбор, так что теперь получит закономерную «награду» за всю свою глупость, и за все свои военные «подвиги» заодно.

Сам Ольбрихт удовлетворился должностью главы командования сухопутными войсками Рейха. Вот это меня уже не

устраивало совершенно. Бека я еще готов был терпеть, Бек оказался на удивление адекватным и договороспособным для генерала старой прусской школы, да и кроме того, он старенький: явно скоро помрет.

А вот Ольбрихт проблемный. И постоянно тянет одеяло на себя. Но крыть мне тут было нечем, пришлось отдать Ольбрихту желаемую должность.

Гёрделер получил пост референта при министерстве финансов, чисто номинальный по должности, но предполагалось, что на деле его полномочия будут практически неограниченными. В СССР его бы назвали «комиссаром». А в Третьем Рейхе, еще когда он был нацистским — «рейхсляйтером». А если еще точнее, то Гёрделер теперь становился серым кардиналом Германии.

Ну и, конечно же, все военные посты, включая командующих люфтваффе и кригсмарине, ушли доверенным людям Ольбрихта. И хрен я тут что мог сделать. Я понимал, что если начну давить — мои собеседники просто уйдут. И в открытом военном противостоянии с ними я не вывезу. Нанесу Германии огромный ущерб, это да, но в конце проиграю. И тогда война продолжится.

К войне мы перешли в самую последнюю очередь, до этого еще обсудили проблему Геринга и Гитлера. Но тут все было загадочно. Все Берлинские аэродромы уже были под контролем мятежников, кроме Темпельхофа — его взяли мои ЧЧ. Однако ни Геринга, ни Гитлера так и не обнаружилось. Такое ощущение, что подонки просто провалились сквозь землю. И хорошо бы если так, гораздо хуже если они сбежали из Берлина и теперь строят козни. Но и тут была странность: на месте Гитлера или Геринга сейчас по идее нужно было активно обращаться к германской нации и пытаться взять ситуацию под контроль. Однако и этого не происходило. Я даже стал подозревать, что Ольбрихт возможно уже захватил Гитлера и Геринга, но даже если и так — мне Ольбрихт в этом не признался.

Так что мы сошлись на том, что будем тайно искать Гитлера, а Геринга просто объявим мертвым. Скажем народу Германии, что рейхсмаршал скоропостижно скончался от инфаркта, могучее сердце не выдержало тяжких забот о родине. После такого Геринг, даже если объявится, точно ничем и никем уже командовать не сможет, мертвецы приказов не отдают.

И вот уже после этого я поставил вопрос о мире. Причем прямо заявил, что уже веду переговоры со Сталиным — на «выгодных для Германии условиях», само собой.

Реакция мятежников неожиданно оказалась гораздо мягче и спокойнее, чем я ожидал.

Ольбрихта это покоробило, но Бек и Гёрдлер меня

поддержали. Они естественно настояли на своем непременном участии в переговорах со Сталиным, и отказать им у меня не было ни единого шанса.

Переговоры с англичанами и американцами мы также решили начать немедленно, этим должен был заняться Гёрделер, у которого имелись обширные связи в Швейцарии и Англии. Правда сам же Гёрделер против этого решения и протестовал, он предлагал сначала попытаться заключить сепаратный мир со Сталиным, чтобы расколоть коалицию союзников и уже потом говорить с англо-американцами с позиции силы. А Ольбрихт так вообще выступал против любых переговоров с СССР в принципе. Но Бек и я по итогу сошлись на компромиссном варианте одновременных переговоров.

Нам потребовалась пара часов, чтобы в целом и бегло обсудить все эти вопросы, не терпящие отлагательства. А вот демонтаж нацистского режима, реформы, выборы и прочую туфту мы решили отложить на потом. Сейчас нашей задачей было выжить, сохранить захваченную власть и стабилизировать ситуацию после сегодняшнего дня, только и всего.

И каждый из нас понимал, что наши договоренности — это отнюдь не вечный мир между Вермахтом и Гиммлером, а временное перемирие. Причем, в лучшем случае на месяц. Дальнейшее столкновение было просто неизбежно, а уж учитывая, кто я такой на самом деле и каковы мои истинные цели…

Знай это Ольбрихт — тогда он бы наверняка понял, что идея гауптмана Юнгера пристрелить меня была не такой уж и плохой.

Никаких официальных документов в конце нашей встречи тоже подписано не было. Мятежники, захватившие власть, формальных бумажек не подмахивают. Все бумажки нам сделает Айзек, сегодня же, он превосходно умел копировать подпись Гитлера.

Так что когда вопросы были обсуждены, Вольф просто налил каждому из присутствующих по рюмке коньяку, а я встал, чтобы пожать Ольбрихту, Беку и Гёрделеру руки.

Вот только моя протянутая рука повисла в воздухе.

— Главный вопрос не решен, — сообщил мне генерал Бек, — Вы обещали нам объяснить, кто вы такой. Ибо теперь, после наших переговоров, абсолютно любому окончательно ясно, что не Гиммлер. А нам бы не хотелось заключать соглашение неизвестно с кем.

— Именно так, — мрачно подтвердил Ольбрихт, — Вы нам обещали. Или хотите начать сотрудничество с нарушения обещания?

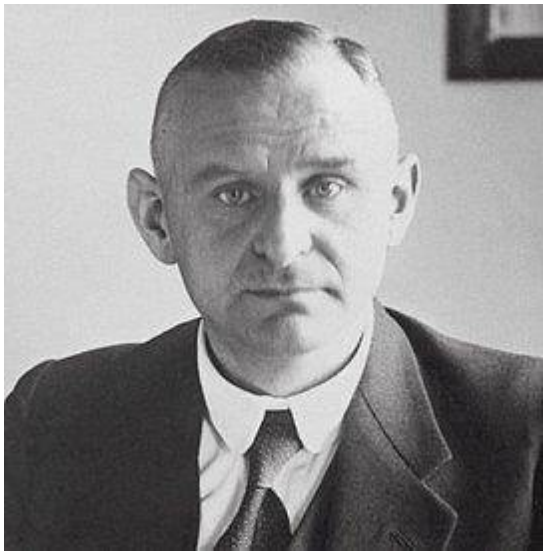
Вот хрень. Я честно думал, что о моем обещании уже все

забыли. Но похоже, что деваться тут некуда. Придется что-то придумать. И срочно, прямо сейчас. И правда тут точно не проканает. Я не могу признаться, что я русский попаданец, не перед этими вояками и уже тем более не перед моими доверенными людьми из ЧЧ.

— Ладно, — кивнул я, — Вы правы. Только учтите — это может вас шокировать, господа.

Я глубоко вдохнул, готовясь рассказать самую удивительную историю, которую мне приходилось рассказывать в моей жизни.

*Генерал-фельдмаршал **фон Вицлебен**, в реальной истории во время антигитлеровского мятежа 1944 года занимал должность главнокомандующего Вермахтом (в течение 45 минут), после провала мятежа повешен в августе 1944.*



Карл Фридрих Гёрделер *, активный участник антигитлеровского заговора, убежденный монархист, в реальной истории арестован после провала мятежа, казнен в феврале 1945.*

Генерал-полковник ***Людвиг Бек****, в реальной истории лидер выступления военных против Гитлера в июле 1944, был самым*

вероятным кандидатом на должность главы Рейха в случае успеха заговора. После провала мятежа застрелился.

Король Генрих, Берлин, 1 мая 1943 14:45

— Вы верите в реинкарнацию, господа? — поинтересовался я у мятежников.

Бек на это пожал плечами, Гёрдлер счел вопрос риторическим и не ответил, а Ольбрихт поморщился:

— В реинкарнацию? Нет, я же не индус.

— Ну а вы? — обратился я к моим эсэсовцам.

— Конечно же, рейхсфюрер, — тут же отрапортовал Вольф.

Мои адъютанты закивали, как бараны.

Ясно. Эти во что угодно поверят, если рейхсфюрер прикажет. Или по крайней мере притворятся, что поверят.

— Да будет вам известно, что реинкарнация существует, — сообщил я, — Гиммлер, как вы наверное слышали, увлекался магией. И он зашел очень далеко в своих исследованиях. Так что этой ночью в замке Гиммлера прошел обряд. В ходе обряда Гиммлер пытался призвать в свое тело душу одного из своих прошлых воплощений — а именно германского короля Генриха Птицелова. И… Ему это удалось.

Гёрделер на это хмыкнул, Бек примирительно кивнул, как будто пытался успокоить безумца, а Ольбрихт вознегодовал:

— Хотите сказать, что вы Генрих Первый? Король десятого века?

— Да, — заявил я, — Но не только он. Видите ли, результат обряда превзошел самые смелые ожидания Гиммлера. Дело в том, что в это тело вошла не только лишь душа короля Генриха, но и души всех остальных реинкарнаций Гиммлера — как прошлых, так и будущих. Так что в этом теле теперь сидит сотня личностей. Но все они составляют одну единую сверхдушу. Я обрел знания прошлого и будущего, я преисполнился душами сотни человек, живших в самых разных временах и эпохах. Вот отсюда и мои странности, господа.

Ольбрихт в ответ на это просто побагровел:

— Но доказательств этого бреда вы нам, конечно же, не представите!

— Уже представил, — ответил я, — Я говорил по-русски с остарбайтером, вы сами слышали. Я обратился к нему на чистейшем русском языке, и он меня понял. Откуда, по-вашему, я знаю русский? Я объясню. В одном из прошлых воплощений я был русским князем. Немецкой крови, конечно же. Я был родственником Романовых и умер в России в середине

девятнадцатого века.

— Ну а какие языки вы еще знаете? — спросил Бек.

— Множество, мой друг, — ответил я, — Я же говорю: я обрел знания, как прошлого, так и будущего.

— What about English? — заинтересовался Гёрделер.

Вот черт. Этот подонок вроде говорит на шести языках, вот тут я попал впросак. Или пока что не попал. Ибо английский-то я как раз знаю.

— Of course, — парировал я, с легким акцентом, то ли немецким, а то ли и русским, — I was a bishop in England in sixteenth century. So I know English, but not modern, so sorry, if my speech is kinda archaic.

Гёрдлер присвистнул.

— Он правда говорит по-английски. А Гиммлер, насколько мне известно, языками не владел.

— Мог и выучить, — отмахнулся Ольбрихт, — Чушь собачья. Это не доказательство.

— Вы вроде упомянули, что в вас теперь души не только прошлых, но и будущих реинкарнаций, герр Гиммлер… — осторожно заметил Бек.

Я кивнул:

— Хотите знать исход войны, генерал?

— Разумеется.

— Война будет проиграна, — безжалостно сообщил я, — В мае 1945, почти ровно через два года, господа. Гитлер покончит с собой в своем бункере, Германия будет полностью оккупирована англичанами, американцами, русскими и даже французами. Это будет катастрофа. И именно чтобы предотвратить её, я и решил вмешаться в ход истории. Вот почему я пытался убить Гитлера, друзья. И Бормана со Шпеером я ухлопал по той же самой причине. И с вами я говорю поэтому же — чтобы спасти Германию.

— Бред! — выкрикнул Ольбрихт, но уже как будто без прежней уверенности.

— А почему бред, кстати? — заметил Бек, — Вы вроде сами делали тот же прогноз касательно исхода войны, Ольбрихт. Вы сами мне говорили.

— Это так, — не стал отрицать Ольбрихт, — Но я-то руководствовался разумом и анализом. А не мистическими бреднями о реинкарнации.

Ох уж эти немцы. Ну не любят они мистику, что тут поделать. А Ольбрихт — немец до мозга костей, вот его и корежит. Жаль, что я не стал попаданцем ко двору Николая II, вот там я бы нашел полное понимание с моими удивительными историями.

— Знаете, а я ему верю, — неожиданно заявил Бек, — Тут просто нет другого объяснения. Этот человек определенно не Гиммлер. Но и не двойник Гиммлера, двойника бы разоблачила его собственная дочка. Но мы видели дочку Гиммлера, это точно она, и она искренне была в ужасе, когда Юнгер выстрелил в её папу. Так что тело у этого человека точно Гиммлеровское. А вот разум — нет. И все сходится. Его попытки убить Гитлера, его рассказы о нашем будущем поражении, его прогнозы, которые разделяют все серьезные военные аналитики. Этот человек не Гиммлер, но и не безумец. Его слова звучат дико, но другого объяснения я не вижу. А когда нет логичного объяснения — придется поверить в нелогичное, господа.

Ольбрихт на это взорвался, как пущенная по танку из фаустпатрона граната:

— Бек, что вы несете? Я христианин, я не могу верить в эту мистическую дребедень!

Ясно. Убеждения мешают принять правду. Точнее — полуправду, ибо я накормил господ заговорщиков именно ей. Душа-то в Гиммлера попала, вот только одна единственная: моя. А жаль, было бы веселее, если бы у меня на самом деле была компания древнегерманского короля в этом теле.

— А я не знаю, — пожал плечами Гёрдлер, — Но какая нам в конце концов разница, кто этот человек? Наши цели совпадают с его целями, этого достаточно, чтобы заключить с ним союз.

— Я согласен, — кивнул Бек.

— И я тоже полагаю это разумным подходом, — поддакнул я.

Ольбрихт отмолчался.

— Надо действовать, — мягко заметил я, — Мало времени, генерал. Играть «в верю —не верю» нам сейчас просто некогда.

— Ладно, черт с вами! — выругался Ольбрихт.

Потом встал и протянул мне руку.

— Я готов иметь с вами дело, герр фальш-Гиммлер. Любые жертвы во имя Рейха — я готов на них.

Вот это было уже уважаемо. Ольбрихту явно было легче помереть, чем поверить в мои байки, но мужик переступил через себя ради долга офицера. Впрочем, я не строил иллюзий, я понимал, что мне придется Ольбрихта убрать при первой же возможности, а Ольбрихт в свою очередь понимал, что ему придется убрать меня.

Это был союз ужа с ежом, а такие союзы крайне недолговечны и кончаются всегда бойней.

Тем не менее, мы успели пожать друг другу руки. А вот выпить по очередной рюмке коньяку в знак примирения уже нет.

Ибо в больнице взвыла сирена. Звук был резким и

оглушительным, так что у меня чуть не выбило барабанные перепонки…

А еще через секунду ухнула первая авиабомба — где-то совсем рядом с клиникой. Вторая легла еще ближе, так что с потолка конференц-зала посыпалась побелка, а стол, на котором стоял коньяк, заходил ходуном, бутылка алкоголя задребезжала.

Я услышал как заработало ПВО: немецкие зенитки, все еще окружавшие больницу.

— Геринг! — вскричал я.

— Совершенно невозможно, — тут же отверг мое предположение Ольбрихт, — Люфтваффе под нашим полным контролем. Мы же захватили аэродромы, летчики даже не сопротивлялись.

— Так это только в Берлине, — напомнил я.

Упала еще одна авиабомба и снова рядом с больницей, конференц-зал опять заходил ходуном.

— Похоже, и правда Геринг, — заметил Бек, сохранявший философское спокойствие, — Англичане и русские обычно этот район не бомбят. Тут слишком много ПВО, а военных и промышленных объектов нет. Так что эти бомбежки — самоубийственная атака. И бессмысленная, с точки зрения наших внешних врагов.

Где-то рухнула еще одна бомба, на этот раз уже дальше от клиники.

В конференц-зал тем временем ворвался какой-то штандартенфюрер, вскинул руку и отрапортовал мне:

— Англичане, рейхсфюрер. Массированный авианалет.

А вот этого уже никто не ожидал. Ясно, что англичане целенаправленно бомбят «Шарите», точнее пытаются. Мне вспомнилось, как я сам хотел сообщить союзникам, что Гитлер здесь, чтобы они отбомбились по клинике. А кто-то другой похоже не просто хотел, а на самом деле доложил Черчиллю о состоянии дел в Рейхе, и Черчилль начал действовать.

Возможно, он уже в курсе, что Гитлер мертв или вышел из строя, так что весь этот налет организован, чтобы разбомбить Гиммлера вместе с его новыми дружками-генералами. Хорошее начало мирных переговоров с союзниками, ничего не скажешь.

— Тут под клиникой отличное бомбоубежище, рейхсфюрер, — настоятельно напомнил мне Вольф.

***Генрих I Птицелов**, германский король X века, рисунок девятнадцатого века.*

***Avro 683 Lancaster**, британский тяжелый бомбардировщик, в воздухе.*

Группа армий «Норд», Вырица, 2 мая 1943 5:12

Унтер-фельдфебель Ганс Шваб уснул под утро, и ему приснилось что-то очень светлое и хорошее.

— Херр унтер-фельдфебель, проснитесь! Вставайте!

Шваб с трудом оторвал голову от стола, потом проморгался, потер лицо. Он уснул прямо на посту, за столом, за которым он сидел.

Сон уже развеялся, Шваб пытался припомнить его, но не мог. Помнил только, что в этом сне все было залито солнечным светом, как в детстве. А вот в реальности солнце не светило, за окнами стояла пасмурная русская хмарь.

Над Швабом нависал ефрейтор медицинской службы Рунге — лагерный фельдшер. Рунге ухмылялся, а еще от ублюдка несло перегаром.

Шваб чинно поднялся, оправил помявшийся мундир.

— Спать на посту — преступление, господин унтер-фельдфебель, — весело сообщил Рунге.

— Как и пить, — парировал Шваб.

— Я сегодня не на дежурстве, — отмахнулся Рунге, — Комендант требует вас к себе, херр унтер-фельдфебель.

— Комендант? Сейчас?

Шваб понятия не имел, зачем он мог понадобиться коменданту. Бросив взгляд на часы на стене, Шваб призадумался еще больше. Пять утра! Что коменданту нужно в такое время?

— Ну вы же слышали, что я сказал, — подтвердил Рунге, — Идите. Ваши русские никуда не денутся.

Рунге указал в сторону запертых дверей бывшего школьного спортзала, где теперь держали пленных русских. У дверей расхаживал часовой. Рунге в общем прав, деваться русским отсюда некуда. Из спортзала и подвалов, где их держат, им не выбраться, тут десяток часовых. Да даже если бы они и выбрались — куда этим русским бежать и зачем? Они почти все умирают от голода, у половины тиф. Так что даже если они сбегут, то очень недалеко, и пробегают недолго. И русские сами это понимали, так что ни одной попытки побега с их стороны на памяти Шваба не было.

Шваб кивнул, потом вышел из здания бывшей большевистской школы, где теперь располагался Шталаг 661/V (проще говоря, лагерь военнопленных) на школьный двор.

Тут скучали еще пара часовых, утро на самом деле оказалось

пасмурным. Уже рассвело, оглушительно заливались соловьи, воздух вонял черемухой.

Шваб еще умылся дождевой водой из бака и только потом направился к коменданту. Комендант жил в паре улиц от школы — в отдельном доме, отобранном у какого-то местного еврея.

Унтер-фельдфебель Ганс Шваб воевал уже полтора года, и все, что он видел на этой войне, его даже не пугало, а скорее удивляло до глубины души.

Швабу было двадцать пять. Его семья уже сотню лет владела фермой под Данцигом, где Швабы выращивали трюфельных свиней. Дед Шваба сгинул еще на первой войне против русских, отец погиб уже на этой войне — во Франции. Так что за знаменитыми трюфельными свиньями с фермы Швабов сейчас приглядывали мама Ганса, да еще его младший брат, слишком маленький, чтобы отправиться на фронт. Пока что слишком маленький.

Ганс отлично помнил, как его родной Данциг в октябре 1939 года вернулся в состав Великого Рейха. Тогда были народные гуляния, все вышли на улицы и радовались, что немецкий народ снова един, повсюду были флаги со свастиками, и лица людей светились счастьем…

Ганс тогда тоже радовался, как и его отец, который еще был жив. Ганс даже вступил в НСДАП, на самом деле слишком поздно, все его друзья и знакомые вступили в партию раньше, еще до того, как Гитлер вернул Данциг в состав Рейха.

Но счастье быстро закончилось. Ганса призвали в июле 1941, через месяц после того, как СССР напал на Германию. Сам Ганс сильно сомневался в том, что СССР напал первым, но именно так было сказано по радио.

Потом было сказано, что долг немцев — помочь русским обрести свободу от еврейско-большевисткой тирании. И Ганс Шваб поехал исполнять свой долг. За последние полтора года он вдоволь насмотрелся большевистской тирании, а вот никакой свободы никому не принес. Ни немцам, ни себе, ни тем более русским.

После двух месяцев учебки Ганс Шваб оказался в 18 армии, входившей в группу сухопутных войск «Норд». Была поставлена задача взять Ленинград, по крайней мере так все тогда думали. Ганс был зачислен в штурмовики — в состав Panzergrenadier-Division, моторизированный полк, мотоциклетный взвод. При распределении учитывали личные таланты призывников, а мотоцикл Ганс водил с детства, он научился этому еще на отцовской ферме.

Первый бой — в сентябре 1941, за город Пушкин под

Ленинградом. Вот тогда Ганс проказал себя, именно тогда он получил звание обер-ефрейтора и в придачу железный крест 2-го класса… Крест и сейчас был к приколот к мундиру Ганса, вот только вспоминать о том, за что он его получил, Шваб не любил. Он успел повидать много горя и боли на этой войне, и он не бежал от себя самого, как делали многие, он всё помнил. Всё, кроме того, за что его собственно наградили. Вот это Шваб хотел бы искренне забыть, просто стереть из памяти. Это было даже не столько страшно, сколько слишком дико и странно.

Пушкин был взят за час или два, а вот после этого наступать дальше штурмовикам оказалось некуда. На Ленинград они не пошли, фюрер счел необходимым просто блокировать город. Так что дивизионные танки куда-то перебросили, а Ганса со всем его полком оставили стоять в Пушкине.

Ганс тогда полагал, что ему повезло, даже умудрился съездить летом 1942 в отпуск домой. Война была рядом каждый день, большевики утюжили Пушкин артиллерией, однако Шваба Бог миловал.

Счастье резко кончилось в январе 1943, когда большевики решили пробить путь к Ленинграду и пошли в наступление. Испанские добровольцы и ҂҂ оказались блокированы врагом возле Колпино, полк Шваба отправили их выручать. На этот раз никакой легкой победы и никакого железного креста для Шваба уже не было. Возле какой-то разбомбленной в крошево железнодорожной станции (Ганс до сих пор не знал её названия, да и знать не хотел) мотоцикл Шваба развалило в результате попадания снаряда. Он даже не успел доехать, куда приказано, под Колпино творился настоящий ад. Пулеметчик погиб сразу, а Ганса контузило, он час провалялся в русских снегах, на тридцатиградусном морозе.

Результат — отправка в Псковский госпиталь. Впрочем, отмороженные ухо и палец Гансу врачи отрезали еще в санитарном поезде, по пути к госпиталю. За это заботливая родина дала Гансу звание унтер-фельдфебеля, а еще серебряный знак за ранение. Шваб получил круглый кусочек металла, хотя предпочел бы не его, а оставить себе ухо и палец.

Ганс теперь хуже слышал, однако палец он потерял только один, да еще на левой руке, будучи правшой, так что стрелять мог. А уж водить мотоцикл — мог тем более, хотя Ганс и пытался изображать перед врачебной комиссией обратное. Однако комиссовать Ганса домой никто не собирался. Даже отпуска отменили, как раз в связи с большевистской конратакой под Ленинградом.

Лежа в госпитале, Шваб осознал одно: возвращаться на фронт

он не хочет, ни при каких условиях. Он написал своему дяде — тот был майором, комендантом лагеря для военнопленных в Вырице, а заодно генеральским зятем, так что имел связи.

Ганс искренне надеялся, что дядя поспособствует переводу Ганса в тыл, но дядя вместо этого дал Гансу протекцию в Вырицкий Шталаг, где держали советских военнопленных, и где сам дядя служил комендантом.

Так унтер-фельдфебель Ганс Шваб здесь и оказался. И сейчас он шел к своему дяде, майору Клаусу Швабу, с которым откровенно не ладил.

Час был ранний, улицы Вырицы были еще пусты. Только возле церкви торчала пара сонных полицаев.

Да еще вдали, возле леса, была видна странная процессия — оборванные и тощие русские детишки, которых из местного «сиротского приюта» (а на самом деле трудового лагеря) гнали на овощебазу. Дети работали с утра и до вечера, а тиф и голод косили их не хуже, чем большевистских военнопленных.

Шваб отвернулся, чтобы не глядеть на детей. На войну он пошел штурмовиком, но на деле полтора года прослужил в фактически полицейских частях, обеспечивая порядок в тылу. И за это время научился отворачиваться, когда нужно. А иначе на такой работе просто не выживешь.

Обиталище майора было большим крепким двухэтажным особняком, украшенным резными наличниками. Дом явно добольшевистский, при советах русские такое уже не строили.

Раньше тут жил какой-то еврей-коммунист, но его убили еще когда только взяли Вырицу, как и всех остальных местных евреев. Официально, конечно, сообщалось, что евреи все отправлены в концентрационный лагерь. Однако сослуживцы уже рассказали Гансу, что евреев просто вывели в лес и расстреляли, а трупы сожгли. И Ганс был рад, что приехал сюда позже, и что он не видел этого.

Часовой, дежуривший возле особняка, открыл Гансу ворота. Ганс было направился к дому, но вовремя заметил открытую дверь бани — в бане горел свет.

Майор обожал русскую баню, её для него топили дважды в неделю.

Майор Клаус Шваб на самом деле обнаружился а бане — пьяный и абсолютно голый. Дядя Клаус был лыс, как яйцо, носил круглые очки с огромными стеклами, у него было слабое зрение. Но в остальном — крепкий мужик в самом расцвете сил.

Последнее майор прямо сейчас доказывал делом. Перед ним на столе в предбаннике стояла опустошенная наполовину бутыль самогона, тут же лежала недоеденная картошка, соленые огурцы,

сало, хлеб. На коленях у дяди Клауса сидела какая-то белокурая русская девица, тоже голая.

Мундир майора висел на гвоздике, баня давно остыла, видимо, майор уже напарился,и теперь грелся только самогоном и женской любовью.

Ганс вошел в предбанник, оглядел все творящиеся тут безобразие.

— Херр майор…

— Заходи, — перебил Клаус.

Он был на самом деле пьян, причем сильно. Рожа вся красная и явно не от парилки.

Дядя Клаус ссадил с коленей русскую девицу, нежно шлепнул её по ягодицам:

— Ступай, милая.

Девица хихикнула, умыкнула со стола целый каравай хлеба, но дядя Клаус не возражал. Потом девица схватила свой сарафан, влезла в собственные сапоги, и голая с сарафаном в руках убежала наружу.

Выходя из бани, она задела Ганса плечиком, но Ганс ничего кроме отвращения не ощутил. Он с русскими никогда не спал, у него дома была невеста.

— Садись, — приказал дядя Клаус, прикрыв свои чресла простыней и указав на свободный табурет, — Выпьем за победу Германского Рейха!

Майор налил целый стакан самогона.

Ганс сел, но на предложение выпить только мотнул головой:

— Не хочу. Я сейчас на посту.

— Ты не на посту, дурень, ты уже в бане! — дядя Клаус икнул, — Не хочешь выпить за победу Германского Рейха? Может, ты и за фюрера не хочешь выпить, м?

Вот черт. Гансу правда не хотелось сейчас пить. Это путь в никуда. Тыловики легко спиваются, легко утрачивают бдительность. Ганс уже на такое насмотрелся за полтора года. Вот эта русская девушка, с которой майор развлекался, вполне может в следующий раз майора и пристрелить, когда он также напьется. А может и зарезать ножом.

Кроме того, Гансу банально не хотелось пить в пять утра. Тем более русский самогон. Ганс был в этом смысле истинным немцем, от пива он никогда не отказывался, но крепкого алкоголя избегал с юности.

Желая вывернуться из ситуации, Ганс указал на стаканы на столе:

— Я вижу, вы уже выпили с ефрейтором Рунге, господин майор.

— Конечно, — дядя Клаус нахмурился, — Рунге — свой парень. Он в отличие от тебя пить никогда не отказывается.

Ганс вдруг разозлился. Смотреть на дядю в таком виде было мерзко. А еще Ганс понял, что его сюда вызвали для развлечения, в качестве собутыльника. Прямо как ту русскую девку, которую майор позвал для утех. Вот это Ганса просто напросто взбесило.

— Да, Рунге любит выпить, — выпалил Ганс, — Если бы он исполнял свои обязанности также, как пьет — ему бы цены не было, господин майор!

Дядя Клаус на это просто пожал плечами. Потом ухнул полстакана самогона.

— Ты давай брось своих «майоров», — попросил дядя, — Мы с тобой сейчас родственники, забудь про субординацию. И про Рунге я слышать ничего не желаю. Я тебя не для того позвал. Рунге исполняет свои обязанности…

Вот эта фраза Ганса окончательно добила. Ганс сейчас сам себя не узнавал. Возможно дело было в том, что он еще не до конца проснулся, но он вдруг брякнул:

— Рунге просто подонок. Он никаких обязанностей не исполняет, дядя. И ты это отлично знаешь. Рунге же лагерный фельдшер, здоровье русских пленных — его ответственность. Но русские мрут от тифа сотнями, а Рунге не делает ничего. Еще месяц назад у нас было 1 322 пленных, сейчас их чуть больше тысячи. Сколько их останется к осени?

— Да хоть бы и нисколько, — дядя Клаус закусил соленым огурцом, — Нам-то какое дело? Главное, чтобы эти русские свинособаки работали…

— Они все хуже работают, — перебил Ганс, — А скоро не смогут совсем.

— Это ничего, — отмахнулся дядя, — Если эти сдохнут — фюрер пришлет нам новых на замену. Русских в России еще много. Да и что Рунге может сделать? Лечить их лекарствами? Лечить русских? Где мы возьмем столько лекарств? У Рунге их нету, у меня тем более.

— Рунге много что может сделать, — не унимался Ганс, — Покончить с вшами, обеспечить пленным хотя бы помывку раз в неделю, дезинфекцию, карантин для заболевших, нормальное питание, освобождение от работы, временное, конечно… Я же писал тебе рапорты, дядя!

Это было правдой. Ганс и правда написал целых два рапорта. Вот только не получил на них никакого ответа. Дядя был компанейским человеком, но от неприятных ему тем всегда просто уходил. А сейчас вдруг уходить не стал, видимо, сказался плескавшийся в майоре самогон. Сейчас вместо этого дядя

рассвирепел.

— Да читал я твои рапорты! А потом отправил вон туда, — дядя указал в сторону парилки, — В печку! Рапортом очень хорошо растапливать дровишки, мой дорогой племянник. Ублюдок ты неблагодарный. Я отмазал тебя от фронта, я спас твою жизнь, и вот твоя благодарность. Мало того, что не хочешь со мной выпить, так еще и срешь мне в душу своими рапортами! Ты понимаешь, что ты своей писаниной подставляешь не только себя, но и меня? Ты вообще в курсе, что тобой уже интересуется гестапо?

Последнее слово дядя, несмотря на ярость, произнес вполголоса, сказался старый инстинкт самосохранения. Вот про гестапо точно лучше не орать, это понимал даже пьяный майор.

А Ганс перепугался:

— Что? Гестапо? Как, зачем…

Дядя Клаус чуть успокоился, поправил простыню, прикрывавшую его телеса, закурил папиросу.

— Да! Гестапо. Представь себе, не ты один умеешь писать, мой дорогой Ганс. Про тебя тоже понаписали много интересного. И благодари Господа, что написали сначала мне, я, естественно, все доносы на тебя отправил в ту же печку, что и твои рапорты по поводу русских. Вот только, похоже, что теперь твои недоброжелатели решили натравить на тебя гестапо, и тут я уже бессилен. Ты совсем сошел с ума, Ганс. Ты отдаешь русским пленникам свой хлеб, уже три недели. Ты дал им мыло, которым тебя снабдил фюрер. Тебя, скотина ты неблагодарная! А не русских. Ты освободил от работ тридцать человек на прошлой неделе, хотя эти русские были в состоянии работать! А вчера… Вчера ты вместо работ повел русских на помывку к реке. Правда это всё? Правда или нет? Отвечай!

Ганс глубоко вдохнул:

— Ясно. Это Рунге на меня стучит? Он ведь?

— Неважно, — отмахнулся майор, — Так правда или нет?

— Правда, — признался Ганс, — Потому что эти люди — военнопленные. Женевская конвенция…

Дядя на это оглушительно расхохотался:

— Что? Женевская конвенция? А мы сейчас где, Ганс, по-твоему? В Женеве, мать твою за ногу?

Ганс попытался вывернуться:

— Послушайте, но тифозным вшам же все равно кого кусать — русских пленных, гражданских или немцев. Вши аусвайс не спрашивают. Эпидемия может распространиться на весь город…

— Это всё будешь объяснять гестапо, — мрачно перебил дядя.

— Всё настолько плохо?

— Не знаю, — майор раздражался все больше, — Честно не знаю. Гестапо попросило у меня объяснений по твоему поводу, я написал, что ты отличный солдат, и претензий у меня к тебе нет. А дальше — уже не мое дело. Но ты меня подставляешь. А я не люблю людей, которые меня подставляют! Я такого от тебя не ожидал, Ганс, когда тащил твою задницу сюда, подальше от фронта. Ты оказался тряпкой, племянничек. Вот что. Ты для службы в Шталаге не подходишь. Пожалуй, передовая бы и правда пошла тебе на пользу, возможно там у тебя бы поубавилось любви к русским собакам. Когда они бы отрезали тебе еще пару пальцев или оставшееся ушко!

Ганс в ярости вскочил на ноги:

— Думаю, что разговор окончен, дядя. Делайте, что считаете нужным.

Дядя в свою очередь тоже поднялся, простыня сползла на пол, раскрасневшийся от злобы и алкоголя майор ткнул Ганса пальцем в мундир:

— Ах ты подонок! Я вообще уже не понимаю, за что тебе дали твой железный крест! Может ты его снял с мертвого немца? С немца, который его заслуживал! В отличие от тебя, скотины.

Ганс раньше ни с кем ни разу об этом не говорил, даже с дядей. Он никому не рассказывал, за что ему дали крест. Но сейчас обида и злоба стучали в висках, Гансу было уже плевать.

И Ганс ответил, с холодной яростью:

— За дерьмо, вот за что. За то что я пожрал дерьма за фюрера. Мы вошли в Пушкин в сентябре 1941. Я ехал впереди всех, нам, мотоциклистам, было приказано убедиться, что ничто не помешает танкам войти в город. Красная Армия из Пушкина сбежала, отошла к Ленинграду. Но оказалось…

У Ганса перехватило дыхание.

— … Оказалось, что в городе есть защитники. Дети. Клянусь, что это были дети, школьники, старшеклассники. Мальчики, девочки, все вперемешку. Они топали в противогазах. Зачем, почему в противогазах? Я понятия не имею до сих пор. Но они шли, вооруженной толпой, а вел их русский полицейский, в синем мундире. И они меня увидели, и стали стрелять. А мотоцикл вел Йозеф, а я сидел на пулемете… Это было настоящее безумие. Я тогда понял, что большевики сумасшедшие, все было как во сне. И я начал стрелять в ответ. Я уничтожил полсотни противников за минуту, они пытались сопротивляться, но без толку, у них были какие-то древние винтовки… Господи… Вот за что я получил железный крест! Я взял Пушкин, в одиночку взял город, мы с Йозефом его взяли…

Ганс разрыдался. Потом сорвал с груди мундира железный

крест, швырнул его на пол.

Майор пребывал в шоке, он раздулся, как жаба, пьяные глазенки ничего не выражали. Ганс резко повернулся и зашагал к выходу из бани.

Но дядя Клаус окликнул его, вроде даже мягко:

— Постой-ка. Я тебя не для того позвал.

Ганс замер.

— Вернись, — потребовал майор, — Это еще не всё. У меня для тебя плохие новости.

Ганс резко обернулся:

— Что стряслось? Что-то с мамой? С братом?

— С ними всё в порядке, — отмахнулся майор, — Тут дело другое. Пострашнее.

Железный крест 2-го класса

Знак «За ранение» (тип 2) серебряный

Немецко-фашистские мотоциклисты, мотоцикл BMW R-12

Группа армий «Норд», Вырица, 2 мая 1943 5:31

— Ну? — Ганс уставился на майора.

Майор тем временем тяжко осел на стул, прикрылся простыней и указал на висевший на гвозде мундир:

— Возьми. Там. В левом нагрудном кармане.

Ганс прошел к майорскому мундиру, полез в нужный карман, но тот оказался пустым. Сообразив, что дядя имел в виду левый карман со своей точки зрения, Ганс проверил другой — там оказалось письмо. Уже распечатанное, без конверта, но аккуратно сложенное.

Ганс развернул письмо и тут же узнал почерк.

— Это же от Марты, от моей невесты…

— Да, — подтвердил дядя, — Это письмо тебе.

— Мне? И вы его вскрыли???

— Конечно! — обиженно ухнул майор, — Гестапо сказало мне за тобой приглядывать, вот я и приглядываю. И за твоей перепиской тоже. Садись. Читай. Прямо здесь читай!

Ганс был до глубины души оскорблен тем, что майор теперь еще и лезет в его личную жизнь.

— Письмо вообще-то прошло военную цензуру, — Ганс указал майору на кроваво-красную печать с орлом, — Так что гестапо тут искать нечего.

Тем не менее, Ганс покорно сел и погрузился в чтение послания от невесты. Марта была на пять лет младше него, она — дочка фермера-соседа жила всего в километре от фермы Швабов, и Ганс её даже любил. Когда-то любил, но теперь…

Взгляд Ганса скользил по строчкам.

«Здравствуй мой дорогой Ганс… Обстоятельства непреодолимой силы… Сердцу не прикажешь… Судьба и Господь так распорядились… Прочитала твое последнее письмо… Но… Обвенчались месяц назад… На войне за выживание, которую ведет сейчас германский народ, решения нужно принимать быстро… Прости, если сможешь…»

Дядя Клаус, пока Ганс читал, приободрил себя самогоном, а потом заявил:

— Бросила тебя твоя Марта, племянник. Выскочила замуж за офицеришку ЧЧ! Но хотя бы честно тебе об этом написала. Клянусь, это делает ей чести! Не каждая девушка найдет в себе силы вот так просто написать жениху на фронт, что вышла за другого.

Ганс теперь не плакал, после того, как он минуту назад рассказал про инцидент в Пушкине, плакать из-за женщины уже казалось ему глупым и неуместным. Да он ничего особо и не ощутил. Разве что в очередной раз осознал всю глубину человеческой подлости.

Ганс скомкал письмо, сунул в карман, потом подобрал с пола свой железный крест, зло посмотрел на дядю:

— Вам весело, господин майор?

— Да, черт возьми! — доложил майор, — Естественно, мне весело. Будь у тебя яйца, Ганс, твоя поблядушка бы тебя никогда не бросила, уверяю тебя. Но яиц у тебя, как мы уже выяснили, нету. Будь они у тебя между ног — ты бы не гуманничал с русскими свиньями, и не создавал бы мне проблем.

Ганс на это отмолчался, он просто больше не знал, что сказать.

— Ты главное стреляться не вздумай, — посоветовал тем временем дядя.

Он снова подвинул Гансу стакан самогона.

— На, выпей…

— Не хочу. Не буду.

Майор закусил, на этот раз картофелиной, а потом закудахтал, явно продолжая радоваться горю Ганса:

— А вообще все это всё очень забавно. Ты помнишь ту русскую листовку, племянник? На нас её сбросили пару недель назад. Помнишь?

Ганс, естественно, помнил листовку. Листовки сбросили в лес рядом с Вырицей, целый ворох. Зачем и почему — неизвестно. Вырицу русские даже не бомбили, тут не было ничего, что нуждается в бомбежке. Но большевистский летчик зачем-то решил опростаться своими погаными листовками именно над селом — как будто это была насмешка самой судьбы над Гансом.

Листовка гласила, что пока немецкие солдаты сражаются — их жен в тылу сношают эсесовцы. Якобы это был приказ Гиммлера, для повышения германской деторождаемости на время войны. Листовка даже была снабжена иллюстрацией…

— «Пока ты на фронте — о твоей жене позаботится ϟϟ»! — дядя Клаус аж захрюкал от удовольствия, цитируя листовку наизусть — «Рейхсфюрер Гиммлер не оставит твою женушку в одиночестве — таков приказ рейхсфюрера, он печется о каждой арийской женушке!»

— Бредни, — пожал плечами Ганс, — Просто русская пропаганда.

Он не верил русской листовке, но Гиммлера сейчас ненавидел всем сердцем. Как и Марту, как и её нового жениха,

которого Ганс не знал, как и дядю-майора, как и себя самого, как и всё на свете.

— Кстати, о Гиммлере… — дядя икнул, — В нашем Рейхе-то, похоже, проблемы. Я вчера вечером говорил с Фришем, ну с летчиком, ты его знаешь… Он мне рассказал вещи потрясающие. В Берлине мятеж, Ганс. Военные выступили против фюрера и заставили его назначить генерала Бека главнокомандующим. А Кейтель то ли арестован, то ли расстрелян. Говорят, военные даже Гиммлера схватили, вот только его спас от расстрела фюрер.

Ганс устало уставился на дядю Клауса:

— Вы совсем пьяны, майор. Что вы несете? Кто такой Бек?

— Бывший начальник Генштаба, он уже старенький, — отмахнулся дядя Клаус, — Но, как видишь, порох в пороховницах у старичка еще остался. И да — я пьян. Стал бы я иначе болтать о таком?

— Вдвойне глупо болтать о таком со мной, — ответил Ганс, — Я же под наблюдением гестапо, забыли?

— Чепуха, — дядя Клаус закурил папиросу, но тут же её нервно затушил, — Только с тобой о таком и можно болтать. У тебя у самого проблемы, так что донос ты на меня не напишешь. А если напишешь — я тебя просто уничтожу, племянник. Не с ублюдком Рунге же о таком говорить? Вот этот точно сразу же побежит на меня докладывать. А про назначение Бека — информация верная, даже не сомневайся. Нам объявят все очень скоро, а летчикам уже объявили. Мне Фриш сказал, а Фриш не из тех, кто врет. С Герингом, например, уже точно покончено. Зачитан приказ о его отставке, официально. Люфтваффе теперь возглавляет какой-то фон Хофакер. Понятия не имею, кто это такой. А нам о новом начальстве точно сообщат, если не сегодня, то на этой неделе.

— Так а с чего вы взяли, что это мятеж? Может фюрер просто счел необходимым…

— С того! По Берлину танки ездили, вот что. Говорят, расстреляли прямо рейхсканцлярию.

Ганс слабо в это верил. Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Ну и что же теперь будет?

— Хах! — дядя Клаус хмыкнул с видом знатока, — Даже не надейся, мой дорогой Ганс. О, я знаю, о чем ты думаешь! Надеешься, что война закончится, да? Вот только…

Дядя Клаус, пошатываясь, поднялся на ноги, прошел к собственному мундиру, снял его с гвоздя и кое-как натянул прямо на голое тело. Пьяный вдрызг майор без штанов и исподнего, в одном мундире, смотрелся дико. Как и в общем-то и все, что уже

видел Ганс на этой войне.

Дядя даже застегнул несколько пуговиц на мундире, а потом заявил:

— … Война не закончится, Ганс! О, нет! Наоборот: теперь мы будем сношать наших врагов в три раза интенсивнее! Теперь, когда фюрер наконец избавился от пидараса Кейтеля, от жирной твари Геринга — фюрер возьмет наконец всю полноту власти в свои руки. Более ничего не сдерживает нашего фюрера! И он приведет нас… К победе! Хайль, Гитлер!

Майор вскинул вверх правую руку в нацистском салюте.

Боже мой.

Не дядя Клаус ли минуту назад сказал, что в Берлине мятеж, что это не фюрер взял всю полноту власти, а это фюрера заставили назначить Бека вместо Кейтеля? Но майору было уже на это плевать, он про это просто забыл. А завтра — не вспомнит тем более. Просто выкинет этот момент из памяти, как неудобный.

Ганс теперь уже перестал удивляться человеческой подлости. Но вот глупость и трусость человеческие продолжали его искренне изумлять. Ганс задавался вопросом, есть ли этой глупости вообще предел.

Конверт немецкой «похоронки» времен ВМВ

СССР, Москва, Кремль, 2 мая 1943 13:49

Сталин, как и всегда, проснулся поздно — около полудня.

А без Сталина ничего предпринять было нельзя. Будить вождя — нельзя тем более. Что судьбы мира, если у товарища Сталина свой, удобный ему режим дня? Так что начальнику иностранного отдела ГУГБ НКГБ Фитину пришлось для начала доложиться Берии, а Сталину он доложился только что.

Сейчас Сталин сидел за столом, поковыривая потухшую трубку и изучая бумаги. Кроме него, тут же присутствовали заместитель председателя ГКО Берия, а еще нарком иностранных дел Молотов.

— Ну а это что? — Сталин указал трубкой на два документа, лежавшие рядом с шифровкой, полученной сегодня рано утром из Стокгольма.

— Донесения, товарищ Сталин, — тут же отрапортовал Фитин.

— Не донесения, — лениво бросил Берия, — Доносы!

— Вот-вот, — Сталин постучал по доносам пальцем, рыжим от табачного дыма, — Сотрудники нашего шведского посольства пишут о несанкционированных контактах с противником. Пишут, что якобы немецкий дипломат пришел к ним с предложением мира. И они с ним проконтактировали — сначала один, потом другой. И вот два доноса. Друг на дружку. Странно, что нет доноса на саму нашего посланника Коллонтай, товарищи.

Сталин улыбнулся. Товарищ Сталин изволил шутить, даже в этот решающий для родины момент. Берия улыбнулся следом.

А Молотов поспешил заметить:

— Так контактов с Коллонтай лично у немца и не было, товарищ Сталин. Это было бы просто неприемлемо. Коллонтай это понимает.

— Главное, чтобы у товарища Коллонтай не было с немцем контактов половых! — продолжал веселиться Берия.

Но тут же осекся, потому что вождю теперь было не до веселья. Сталин помрачнел, потом отмахнулся от доносов, как от заползших на стол тараканов, и Берия тут же убрал со стола доносы, спрятав их в своей портфель.

Сталин принялся вытряхивать из трубки в пепельницу прогоревший табак, табак уже был достаточно расковырян для вытряхивания.

— Ну и что же? — поинтересовался Сталин, ни к кому

особенно не обращаясь, — Гиммлер предлагает нам мир, товарищи?

— Считаю провокацией, — тут же изложил свое мнение Берия.

— А товарищ Фитин как считает? — спросил Сталин.

— Резидентура в Германии пока что молчит, — честно сообщил Фитин и поглядел на Молотова.

И Молотов дополнил:

— Но англичане подтвердили нам, что вчера в Берлине была заварушка. Армия взяла рейхсканцелярию. И Гитлер, вероятно под давлением военных, провел новые назначения. Главнокомандующий у немцев теперь Бек. Вермахт в его руках.

Молотов передал эстафету обратно Фитину, который тут же доложил:

— У нас есть на этот счет косвенные подтверждения, товарищ Сталин. Сбитый два часа назад над Ленинградом немецкий летчик по фамилии Фриш попал к нам в плен. Он подтвердил, что и у люфтваффе новое руководство. В люфтваффе был зачитан соответствующий официальный приказ.

— И…? — Сталин уставился на Фитина.

— И все говорит нам о том, что в Германии на самом деле имел место мятеж, — озвучил Фитин свои догадки, ибо сталинское «и» означало именно это: что пора высказать свое личное мнение, — Следовательно, предложение Гиммлера вполне может быть связано со сменой политического курса германским руководством.

— А всё равно провокация! — вмешался Берия, — Мятеж, немятеж — неважно. Пусть у них там мятеж, но мятежники просто хотят поссорить нас с союзниками, вот что. Хотят сепаратных переговоров, нового Брестского мира!

— Знай меру, Лаврентий, — процедил на это Сталин, теперь он достал пачку папирос и принялся вытряхивать табак из них в трубку, — Не надо бросаться такими словами. Брестский мир! Подумать только… Тут что ли кто-то пойдет на Брестский мир, когда мы немца уже как три месяца гоним?

— Ну я фигурально… — Берия развел руками.

Повисло молчание. Сталин размышлял.

Наконец трубка была набита, Сталин чиркнул спичкой, закурил.

— Значит, военные устроили переворот против Гитлера… — задумчиво выдал Сталин, снова ни к кому конкретно не обращаясь.

А Фитин понял, что эта фраза неспроста. Здесь сейчас в этом кабинете ни одного военного не было. Более того: полчаса назад

Сталин отказался принять маршала Ворошилова, хотя должен был. Неужели вождь боится, что советские военные выступят против него, как немецкие выступили против Гитлера? Похоже, что эта сторона вопроса сейчас и занимала Сталина больше всего…

Фитин поставил себе в голове галочку на этот счет, но комментировать последнюю фразу Сталина, естественно, не стал.

Молчание явно затягивалось.

— Надо бы собрать ГКО… — протянул Молотов.

Но Сталин поднял руку в останавливающем жесте.

— Не надо ГКО. Что нам ГКО? ГКО воюет. А тут вопросы мира. И Лаврентий прав — это может быть провокация. А мы не дураки, и на провокации мы не ведемся. Так что я немедленно свяжусь с господином Черчиллем, с господином Рузвельтом. Такие вопросы в одиночку без союзников не решаются. Это не по-товарищески.

Фитин кашлянул:

— Немцы настаивают на постоянной связи. С привлечением резидентуры с обеих сторон в Швеции…

— Ха! — издевательски воскликнул Берия.

— Вообще это именно что «ха», — согласился Фитин, — Нашу резидентуру в Стокгольме, само собой, показывать немцам нельзя, товарищ Сталин.

— Не будем показывать резидентуру, — подтвердил Сталин, — Зачем? Пока связь по дипломатическим каналам. Интересный, конечно, человек этот Гиммлер… Почему же Гиммлер, почему предложение мира именно от него, товарищи?

Этого здесь никто не знал.

Сталин задумчиво поглядел на Берию:

— Между прочим, твой коллега, Лаврентий. Твой коллега вместе с военными устроил в Германии государственный переворот.

Фитин поставил себе в голове очередную галочку.

Московский Кремль *времен Великой Отечественной. Мавзолей покрыт чехлом, чтобы выглядеть, как жилой дом, башни перекрашены, звезды демонтированы — все ради маскировки.*

Павел Михайлович Фитин *, фактический руководитель советской разведки в 1939–1946 гг.*

***Александра Михайловна Коллонтай**, чрезвычайный и полномочный посланник СССР в Швеции в 1930–1945 гг.*

***Берия**, народный комиссар внутренних дел СССР в 1938–1945 гг. В 1953 г. арестован и впоследствии расстрелян за организацию антисоветского заговора.*

Берлин, 2 мая 1943 13:58

Весь вчерашний день и сегодняшнее утро прошли в совещаниях, причем в тяжелых и изматывающих. Ситуацию усугубляло еще и то, что организм ублюдка Гиммлера явно привык ложиться спать пораньше, а вставать с первыми лучами солнца. Гиммлер и раньше перерабатывал, но ЗОЖа придерживался неукоснительно: режим дня рейхсфюрер блюл не хуже своей диеты.

Теперь и мне достались эти привередливые биоритмы Генриха Гиммлера, но вот соответствовать им у меня не было ни времени, ни возможностей.

Я просовещался много часов вчера, до самой полуночи, а сегодня консультации и заседания начались в шесть утра, а закончились только что. Так что спал я часа четыре, отчего в голове гудело.

В целом: все было очень плохо.

Что во внутренней политике, что во внешней. Концом Второй Мировой войны тут и не пахло, а чем тут отчетливо пахло, так это началом гражданской войны внутри самой Германии. И меня бы возможно устроил этот вариант, вот только такая гражданская война могла быть краткосрочной, а закончиться могла банально моим убийством за одни сутки. Ну а что? Гитлера же мы отстранили за несколько часов. А если я умру — дальнейшие события на фронтах просто-напросто непредсказуемы.

Во-первых, кабинет министров. Его я, естественно, слил. Я сохранил разве что Гиммлеровскую должность рейхсфюрера, к которой бонусом шло кресло рейхсминистра внутренних дел Германии, но все остальные министерские посты или достались людям Ольбрихта или (во избежание дестабилизации) были сохранены за нацистами.

Я не контролировал ни финансы, ни внешнюю политику, ни черта вообще, кроме чистой полицейщины. И даже тут Ольбрихт попытался мне навязать своих комиссаров от Вермахта, но это предложение я отверг.

Мы арестовали Кейтеля, оставили под арестом Фромма, арестовали всех людей, близких к Борману и Герингу, министр иностранных дел Риббентроп тоже отправился в концлагерь (в одиночную камеру, естественно, чтобы не болтал лишнего) и был заменен человеком Ольбрихта. По моему предложению арестовали еще рейхсляйтера Дарре, помнится, Гитлер собирался назначить его рейхсфюрером вместо меня, и это мне не понравилось.

В целом мы арестовали около пары тысяч человек, всех, конечно же, без всякого суда и следствия — благо, вот с производством репрессий в моем случае проблем не было. Но ведь одними репрессиями сыт не будешь…

Надо было объяснять германскому народу, что вообще и зачем мы творим. Вот тут военщина уперлась рогом и делать резкие движения упорно отказывалась. Так что мы, проспорив пару часов, решили ограничиться коротким коммюнике, согласно которому — да, имел место заговор против фюрера, со стороны Геринга, Бормана и Шпеера. Да, этот заговор подавлен доблестным Вермахтом и беспощадными ᛋᛋ. Нет, теперь все будет и дальше по старому, просто Гитлер решил сделать некоторые кадровые перестановки, после которых мы станем «более лучше» воевать.

Вот в общем-то и всё.

Я пытался расшатать ситуацию, как мог, но Ольбрихта шатать было тяжело, не человек, а просто валун. Он не шел на резкие реформы, и Гёрделер его поддерживал, как и большинство влиятельных членов хунты. А с другой стороны: я и сам боялся резких реформ, которые могли привести к моему стремительному низвержению, так что продвигал их из чувства долга, но, честно признаюсь, неохотно. Мой кураж на второй день попаданства уже поутих, мой задор оставил меня! Это было плохо.

Не улучшило ситуации и то, что сегодня утром какой-то мелкий чиновник, которого военные вчера выгнали из рейхсканцелярии, заявился на работу с гранатой, которую с криком «Хайль, Гитлер!» запустил в машину Ольбрихта. Граната упала на газон, так что никто не пострадал, а чиновника начинила свинцом охрана Ольбрихта.

Это был первый звоночек, и довольно тревожный. Если до этой утренней гранаты у Ольбрихта и были какие-то стремления в сторону быстрых реформ, то теперь эти стремления окончательно завяли.

В общем-то искренне за реформы из всех нас топил один Бек, новый главнокомандующий, который придерживался принципа «покончить с нацизмом любой ценой, а дальше хоть трава не расти». Я его за это уважал, но Бек в союз со мной против Ольбрихта, само собой, никогда бы ни за что не вступил.

Я же теперь Гиммлер, дьявол во плоти.

Разумеется, мы тут же прекратили массовое уничтожение людей в концлагерях — в смысле мы вообще отменили все казни, и официальные, и неофициальные, за исключением казней для дезертиров и уголовников. Вот только толку-то? В концлагерях Рейха сейчас миллионы, если их всех выпустить — в Германии

воцарится хаос. И вся гитлеровская экономика построена на рабстве, Третий Рейх представлял собой рабовладельческую тиранию.

Мы все были против такого, равно как и против антисемитизма, но у нас все еще была государственная бюрократия, полностью состоявшая из нацистов, и новую нам брать было банально неоткуда.

Доверенных людей Ольбрихта едва хватило, чтобы заполнить должности в Oberkommando der Wehrmacht, а еще напихать их в министерства. И из этих людей половина, хоть и храбрецы, поддержавшие мятеж, но совершенно некомпетентные. А мои люди — все убежденные нацисты. А на уровень ниже всего этого безобразия — огромное коричневое болото не менее убежденных в правоте Гитлера имперских бюрократов.

В общем, все внутренние вопросы откладывались до заключения мира. Мои новые «друзья» из Вермахта отлично отдавали себе отчет, что если начать сейчас дергаться, то это дергание может стать предсмертными конвульсиями для нас всех.

А с миром, тем временем, дела обстояли не лучше.

Сталин молчал, Черчилль молчал, американцы по дипломатическим каналам что-то промямлили, вежливое, но крайне нечленораздельное.

С союзниками Рейха ситуация была тоже непонятной. Японцы и финны уже требовали объяснений, какого хрена у нас в Рейхе вообще творится.

Вчерашняя интенсивная бомбежка района клиники «Шарите» тоже ничего хорошего не предвещала. Никто из нас во время бомбежки не пострадал, если только не считать и так расстроенных нервов Ольбрихта. Английские бомбы в сочетании с утренней немецкой гранатой сделали генерала совсем уж несговорчивым.

И совершенно точно: никто не собирался прекращать против нас войну, по крайней мере, пока что. Мы были изгоями, просто лужей дерьма, растекшейся по Европе. И антигитлеровская коалиция явно намеревалась эту лужу вытереть.

Каждый из нас естественно тут же принялся предлагать разнообразные жесты доброй воли, призванные убедить противников в нашей готовности к миру.

Я предложил немедленно отвести войска на восточном фронте, но «коллеги» это мое предложение даже отказались обсуждать.

Гёрделер предложил вдвое снизить количество оккупационных войск во Франции, хитрый ход, который мог и продемонстрировать добрую волю, и одновременно прямо не

отдавать противникам территории.

Ольбрихт настаивал на том, что нужно отдать приказ на капитуляцию в Тунисе, но это его предложение никакими мирными инициативами и не пахло, насколько я уяснил, немецкая группировка войск там уже и так была обречена. Так что Ольбрихт предлагал просто туфту.

Бек настаивал на том, чтобы убрать Гитлера — избавиться от Айзека, который сейчас изображал фюрера, и объявить о смерти Гитлера открыто. Это бы безусловно подстегнуло противников Рейха к переговорам, ибо никто не хотел жать руку Гитлеру, вот только эта опция нам была недоступна из-за внутриполитических рисков…

Короче, мы ни о чем так и не договорились. Мы сейчас полностью зависели от ответов русских, англичан и американцев на нашу мирную инициативу. А те с ответами вообще не спешили.

Ну и вишенка на торте: мы так и не нашли ни настоящего Гитлера, ни Геринга, хотя перерыли весь Берлин. Зато убедились, что у нас с военного аэродрома Темпельхоф бесследно пропали шесть самолетов, вместе с летчиками.

И хорошо, если на самолетах сбежал не пойми куда Геринг, а если он еще Гитлера с собой захватил?

Вот этого мы все боялись, вот поэтому предложение Бека отправить в отставку актера Айзека и не встречало ни у кого понимания. Стоит настоящему Гитлеру объявиться — всему конец. Это же Гитлер фюрер и божество, это ему немцы поклоняются, а мы так — нелегитимная хунта.

Так что никакого жеста доброй воли мы так и не сделали, мы не смогли сойтись на том, какой именно жест нам сейчас нужен. А значит, война продолжалась, а значит, я пока что с задачей не справился.

Радовало одно: мои соратники по хунте против мира с СССР в целом не возражали. Они сожрали это, хоть и явно заработали изжогу. Вот тут я пока что выдохнул, тем более что поддержка Вермахта в вопросе мира с большевиками помогала мне избежать беспорядков в ЧЧ. Мои собственные люди пока что мрачно молчали. Но тут я не строил никаких глупых иллюзий. Понятно, что это лишь затишье перед бурей. Совершенно ясно, что как только начнутся реальные переговоры — эсэсовцы начнут бухтеть, и хорошо, если только бухтеть, а не действовать. А сами военные начнут бухтеть позже, когда Сталин озвучит свои условия, на которые Вермахт наверняка не пойдет. Вот тут была собака зарыта, даже не собака, а целое собачье кладбище, целый собачий скотомогильник!

Я прекрасно понимал, что самый опасный момент еще впереди, что начало переговоров — это еще самое простое. Реальная борьба развернется позже, уже во время переговоров.

Еще кучу времени мы потратили на мелкие договоренности между собой, вроде бы и малозначимые, но способные предотвратить большие проблемы в будущем. Например, было достигнуто соглашение, что ЧЧ не напрягает Вермахт, а Вермахт не напрягает ЧЧ, так что я без подписи Ольбрихта теперь не мог ни одного военного даже пальцем тронуть. Еще мы выпустили из концлагерей и тюрем несколько сотен антифашистки настроенных либералов и монархистов, коммунисты с социал-демократами, понятное дело, пока что остались в заключении, хотя Бек предлагал освободить и их.

Списки на освобождение предоставил Гёрделер и заверил всех нас, что с амнистированными не будет никаких проблем. Плюс мы, естественно, амнистировали всех без исключения священников, а еще я отменил инструкцию, запрещавшую моим эсэсовцам венчаться и отпеваться в церквях. Это уже все по требованию Ольбрихта, который от своих христианских убеждений не отступал ни на йоту.

И… И это было почти всё.

Далее, так толком и не разобравшись с миром и внутренней политикой, мы приступили к войне, но вот тут я уже был вынужден только помалкивать, иногда вежливо кивать и на всякий случай блокировать все предложения Ольбрихта. Ибо в войне я разбирался откровенно слабо. Но я знал одно: Ольбрихт и Бек достаточно умны, так что вполне способны если не победить во Второй Мировой (это вряд ли), то нанести противникам Германии ряд поражений и добиться тем самым для себя выгодной позиции на переговорах. Мне такое было не нужно, так что я встал на рога и сопротивлялся инициативам генералов, как мог.

Несмотря на это, было одобрено предложение Ольбрихта — перебросить часть войск в помощь итальянцам на Сицилию, а Манштейну на восточном фронте приказать встать в оборону, отменив указания фюрера контрнаступать любой ценой.

Я понятия не имел, насколько эти предложения выгодны для СССР, так что тут просто отмолчался. Зато инициативы Ольбрихта втянуть в войну на нашей стороне Турцию, устроив провокацию, или создать марионеточные государства в Польше, Прибалтике, Белоруссии, Украине (призвав местное население в Вермахт) я заблокировать смог.

Мне это было легко, Гиммлер же ненавидит славян и прибалтов, это всем известно. Так я смог помешать генералам

усилить Рейх миллионами новых солдат. Пусть даже этот план Ольбрихта был эфемерным, пусть даже он потребовал бы год на реализацию, но все же тут я не дал генералу развернуться.

Маленькая, но победа для меня.

Тем более, что готовиться всегда нужно к худшему. Я не знал, когда закончится война, и никто теперь не знал. Может и никакого мира не будет? Вот тогда я точно сделал все правильно, помешав Ольбрихту наладить дела в Рейхе…

С последнего совещания я вышел выжатый, как лимон. Даже не просто как выжатый лимон, но лимон потом еще и раздавленный бетонным блоком.

И в голове у меня вертелась только одна мысль — про Ночь длинных ножей. Гиммлер же однажды уже перебил оппозиционеров, еще до войны, за одну ночь. Правда тогда он действовал с санкции Гитлера, но сейчас-то Гитлера уже нет…

Я понимал, что скорее всего в силовом конфликте с военными проиграю, но я правда не видел иного выхода. Эдак мы войну закончим даже не в 1945, а натурально в 1955. Я попал в мир, где этот самый мир банально никому не нужен, где все уже настолько увлеклись войной, что серьезно не допускали даже самой возможности мира — ни Вермахт, ни антигерманская коалиция…

Тут вообще кто-нибудь, кроме меня, хочет переговоров? Не похоже. Все выглядит иначе: переговоры для всех, что для противников Рейха, что для немецких генералов — лишь повод потянуть время, чтобы оценить новую геополитическую реальность.

Конечно, у меня был еще один вариант — союз с главнокомандующим Беком против Ольбрихта. И этот вариант был бы идеален. Ибо Бек, единственный здесь кроме меня, был готов если не на любые жертвы, чтобы покончить с войной и нацизмом, то на многие. И он, как и я, торопился.

Вот только это был вариант для меня, если бы я сам не был Гиммлером. А Гиммлеру не верили. Военные меня искренне ненавидели и презирали, я видел это по их глазам. Бек ни на какие переговоры со мной поверх головы Ольбрихта не пойдет никогда.

А усугублялось всё тем, что я ни хрена не знал — ни военного дела, ни имен людей, которых мы обсуждали на совещаниях, ни международного положения, ни даже простейших бытовых вещей!

В общем я был:

а) Подонком в глазах всего человечества

б) Еще и олигофреном в глазах моих коллег по мятежу

А не был я тем, кем мне нужно было стать — квалифицированным попаданцем, вершащим судьбы истории.

С этим надо было что-то делать. Причем срочно. Я был уверен, что не я один рассуждаю о темных ночах и длинных ножах. Ольбрихт наверняка точно также задумал меня прикончить, тут к гадалке не ходи. И останавливал его от этого только страх дестабилизации ситуации в Рейхе…

Нет, точно нужно что-то делать. Сейчас же. Я смертельно устал, но, сев в свой мерседес, твердо осознал, что мне нужна память реципиента. Вот прям критически НУЖНА. Без этого я не вывезу.

Лучше бы, конечно, википедию в голове, но о таком оставалось только мечтать. Так что хотя бы память. А кто у нас умеет восстанавливать память после темных ритуалов?

— Юнг еще здесь? — уточнил я у моего адъютанта Гротманна.

Швейцарского психиатра Юнга, который занимался моей кукухой, курировал именно Гротманн.

— Здесь, рейхсфюрер, — доложил Гротманн, — Вы вчера распорядились вернуть его в Швейцарию, но он не успел уехать, в Берлине же вчера были проблемы с транспортом.

Это еще мягко сказано. В Берлине вчера были проблемы буквально со всем.

— Вот и славно. Поехали к Юнгу.

***Положение дел в Европе, на 2 мая 1943**, цифры обозначают численность армейских группировок.*

Берлин, Шарлоттенбург, 2 мая 1943 14:35

Карла Юнга временно поселили в Берлинском районе Шарлоттенбург. От бомбежек этот квартал пострадал мало, здесь все было застроено особняками, военных объектов толком не было.

Юнг обитал в особняке, принадлежавшем непосредственно Аненербе — специальной структуре в составе ЧЧ, ведавшей всеми оккультными проектами Гиммлера.

Охрану и адъютантов я оставил в машине, а Юнга застал в садике перед особняком, психиатр был занят тем, что, опустившись на колени, рыхлил почву под каким-то кустом.

Я даже сначала принял его за садовника.

— Бог в помощь, — поприветствовал я Юнга, — Вижу, вы тут уже обжились.

Старик отвлекся от своего куста, поднялся на ноги и отряхнул колени от земли.

— Просто люблю покопаться в саду, это успокаивает, дает силу земли, — ответил Юнг, — Как ваш немецкий?

— Как видите, говорю я на нем свободно, — вздохнул я, — Вот только всё не то…

— А с рукой что?

Юнг указал на мою левую руку. Рука, раненая выстрелом бравого Юнгера, у меня все еще болела, я все еще носил на ней повязку.

— Бандитская пуля, — коротко пояснил я, — Мне нужно с вами поговорить. Срочно и наедине.

— Понимаю, — кивнул Юнг, — Может пообедаем?

— Было бы неплохо. Я сегодня завтракал, но это был так давно, что я уже даже не помню, когда это было, вроде еще ночью. Так что с удовольствием разделю с вами трапезу. Только никакой овсянки, пожалуйста.

— Как скажете.

Мы с Юнгом прошли в дом, где скучал один единственный охранник-эсэсовец. При моем появлении парень тут же вскочил на ноги и молодцевато вскинул руку.

Юнг позвал служанку и распорядился подавать обед. А мы тем временем поднялись на второй этаж особняка — в просторную комнату, с балконом, выходившим в сад.

Я огляделся, на трюмо у Юнга стояла фигурка какого-то гнома, закутанного в плащ. Фигурка выглядела древней, плащ

гнома покрывали вырезанные буквы, явно греческие.

— Телесфор, — пояснил Юнг, перехватив мой взгляд, — Бог целительства у древних греков. Это изваяние — античный оригинал, я привез его с собой из Швейцарии. На всякий случай.

Мда. Юнг, конечно, странный человек. Но дело свое точно знает, вернул же он мне способность изъяснятся по-немецки. Я решил не тянуть кота за хвост и перейти сразу к делу.

— Вы верите, что я Гиммлер, Карл?

— Нет, — спокойно ответил Юнг, усаживаясь в кресло, — Вы не Гиммлер.

Юнг указал мне на кушетку… Так. А Юнг же вроде — ученик Зигмунда Фрейда, который, помнится, любил раскладывать пациентов на кушетке и копаться у них в мозгах. В принципе как раз то, что мне нужно.

Ложиться на кушетку я, естественно, не стал, просто сел напротив Юнга.

— Ну и кто я такой? — поинтересовался я.

— Пришелец, — ответил Юнг, — Из другого времени, а то и мира. Точно не знаю.

— Верно, — согласился я, а потом решил проверить, насколько эффективна моя легенда, — Я — король Генрих Птицелов!

— Вы лжете, — Юнг мотнул головой, — Вы не король.

— Это почему же?

— По совокупности причин. Не та осанка, не те манеры, взгляд не тот, не так держитесь. По вам видно, что вы человек глубоко задавленный современностью. И человек низкого социального положения. Но человек точно наш, двадцатого века.

Ну ни фига себе. Вот так с Гиммлером еще никто не смел разговаривать.

— Вообще-то двадцать первого века… — поправил я.

Но в этот момент мне пришлось замолчать. Вошла служанка, она принесла на подносе миску густого зеленого супа, черный хлеб, маринованный лук, даже кусочек масла. И еще бутылку вина, и приборы на двух персон.

Служанка сервировала обед и удалилась, сделав мне книксен. Зигу не кинула, и то хорошо.

Юнг оставил мою фразу про двадцать первый век без комментариев, этот старенький психиатр вообще был не из тех, кто попусту расходует слова. Я уже понял, что сам он мне ничего рассказывать не намерен, всю информацию придется тянуть.

Я набросился на суп, который оказался со щавелем, на мясном бульоне, но без мяса. Съев несколько ложек и утолив первый голод, я заявил:

— Ну и что мне делать, Карл? Поймите, передо мной стоят великие политические задачи. Я должен… — я поколебался, но Юнгу решил частично открыться, сам не знаю почему, — Я должен спасти Германию от нацизма и вернуть немцам мир! Однако для этого мне нужно стать Гиммлером, а здесь никто не верит, что я Гиммлер. Мои коллеги отлично понимают, что я не Гиммлер, даже мои личные адъютанты уже догадались. Мои адъютанты, Карл! Долго ли я проживу при таких раскладах?

Юнг не спеша похлебал супа, потом отпил немного вина из бокала.

— Я обычно советую моим пациентам не пытаться быть кем-то другим, а быть самими собой…

— Угу. Замечательный совет. Я сам тут бесполезен, в этом новом для меня мире. Мне нужны знания Гиммлера. Я хочу знать по именам и в лицо всё руководство ᛋᛋ, всё окружение Гитлера, хочу разбираться, как работает этот поганый Рейх со всей его бюрократией, такой запутанной, что ей бы даже в моем родном 2023 году чиновники позавидовали. Самое главное — хочу уметь читать военные карты, разбираться в танках, ракетах, бомбах, самолетах. В общем, мне нужна память Гиммлера. Верните мне её!

Юнг намазал хлеб маслом и печально покачал головой:

— Невозможно, мой друг. Нельзя вернуть то, что вам никогда не принадлежало. Вы же не Гиммлер…

— Но знание немецкого вы мне вернули.

— Никак нет, Генрих. Я не возвращал вам знание немецкого. Просто Господу было угодно даровать вам это знание. Вот и всё. А памяти Гиммлера у вас нет, и быть не может. Повторяю: вы не он. Разве что…

— Что?

— Ну, есть один путь, — Юнг пожал плечами, — Но это путь опасный. Можно попытаться актуализировать ту информацию, которая сохранилась в нейронах у Гиммлера. В принципе — это возможно…

— Давайте, — сходу согласился я, — Что нужно делать? У вас есть для этого волшебный амулет?

— Ха-ха, — Юнг усмехнулся, — Нет, увы. Никаких амулетов. Нейроны Гиммлера вам придется активировать по методу ассоциаций. Проще говоря — ходите больше по тем местам, где бывал Гиммлер, по тем местам, которые были для него важными, вызывали у него эмоции. Больше общайтесь с теми людьми, с которыми общался Гиммлер. Попробуйте стать Гиммлером. И тогда память рейхсфюрера возможно перейдет к вам. Возможно она даже явится к вам целыми большими пластами. Это будет как

озарение — вы сразу получите огромные массивы информации. Если вас интересует военное дело — посетите военный завод или военную базу, например. Вот только этот путь, повторюсь, крайне опасен для вас.

— Чем опасен?

— Гиммлером, — коротко ответил Юнг, но потом разъяснил, — Видите ли… Тот, в чье тело вы вселились, был не слишком психически здоровым человеком. Так что если на вас навалятся его эмоции и воспоминания… Вы сами понимаете. Тут есть опасность.

— Проще говоря, я могу поехать кукухой?

— Не просто можете, а скорее всего поедете, — признал Юнг, — И, может быть, даже бесповоротно.

— Но Гиммлером я не стану?

— Точно нет. Гиммлера здесь нет. Отправился в ад, или куда там попадают люди вроде него. Я не знаю.

Я вздохнул. Потом чуть ли не залпом осушил бокал вина.

— Ну что же… Значит, придется пожертвовать собой ради дела. Ничего не поделаешь.

Вообще это, конечно, было жутко. Я всегда боялся сойти с ума даже больше, чем умереть. И вот тебе — судьба поставила меня в ситуацию, когда мне сойти с ума придется, чтобы остановить войну. Это жестоко. Но деваться тут некуда, память Гиммлера мне критически необходима. Времени учиться и овладевать всем, что знал Гиммлер, посредством обычных методов у меня нет.

— Еще советы?

— Больше никаких, — сообщил Юнг, — Просто попытайтесь вести образ жизни Гиммлера. И больше мест и людей, связанных с ним.

— А что делать, когда я начну сходить с ума?

— А что тут можно делать, мой друг? Когда придет безумие, а оно рано или поздно придет — постарайтесь не угробить себя и вверенную вам страну. И помолитесь. И еще могу дать кое-каких швейцарских препаратов…

— Галоперидол что ли? Спасибо. Вот этого мне точно не надо.

— Гало… Что? Как вы сказали?

Юнг явно заинтересовался, но я просто отмахнулся:

— У вас этого препарата пока что нет, видимо, еще не изобрели. Вот черт. И почему я не выучился на врача? Я бы мог сейчас изобрести пенициллин…

— Пенициллин уже изобретен, — заметил Юнг, — Англичане его используют, с этого года.

И тут опоздал!

Похоже, что куда ни кинь — всюду клин. Я в этом мире совершенно бесполезен. Тем не менее я ухватился за пришедшую мне в голову идею.

— А я могу как-то получить информацию из моего родного 2023 года?

— Лишь ту, которую вы уже знаете, — безжалостно вернул меня с небес на землю Юнг, — А другую информацию — никак. Как вы можете её получить, если до 2023 еще восемьдесят лет, если этой информации пока что не существует в природе?

Это мне было как ножом по сердцу, но крыть тут было нечем. Юнг был прав. Википедии в голове мне тоже не положено, как и архивов Министерства Обороны в ней же.

Я отодвинул недоеденный суп. Недоеденный суп в Европе 1943, да. Такое, пожалуй, только Гиммлер и мог себе позволить. Потом я хлебнул еще вина.

— Ну хорошо, — признал я аргументы Юнга, — Но чтобы прожить хотя бы несколько дней, пока память Гиммлера не вернулась и пока я еще сохраняю адекватность — мне придется изображать из себя реинкарнацию короля Генриха Первого. Вы же это понимаете?

Юнг на это тонко улыбнулся:

— Понимаю. И понимаю ваши мотивы.

— О чем вы?

— Ну… — Юнг поправил очки, — Признайтесь себе честно: вы же хотели бы оказаться в теле древнего германского короля, а не Гиммлера, так ведь? У королей все проще, так вам кажется.

— Ну пожалуй так, — признался я.

А смысл отрицать правду перед таким прошаренным психиатром, еще и не брезгующим откровенной мистикой? Юнг был единственным в этом мире, кто ни на секунду не усомнился в том, что я попаданец.

— Но вы не король, вы Гиммлер, — снова припечатал меня мордой о реальность Юнг.

— Я это понимаю. Но сама идея изображать короля…

— Всё очень просто, — объяснил Юнг, — Если хотите изображать короля — то три вещи. Во-первых, атрибуты. Сделайте так, чтобы люди, глядя на вас, видели короля. Корону, конечно, надевать не нужно, но попробуйте подумать в этом направлении. Во-вторых — единомышленники, влиятельные. Найдите тех людей, кто с радостью поверит, что вы реинкарнация Генриха Первого, поверит искреннее и сможет навязать эту свою веру другим. Когда один человек заявляет нечто — ему никто не верит. Когда то же самое повторяют сотни — это начинают

повторять и тысячи. И третье, самое главное. Помните, что ваша легенда рано или поздно рассыпется. Правда всегда выходит наружу, хотим мы этого или нет.

— Ясно, — я кивнул, — А как насчет обучить меня древнегерманскому или там латыни?

— Древнегерманского не знаю, — отверг это предложение Юнг, — А для латыни найдите себе учителя получше меня. В Берлинском университете Фридриха Вильгельма на этом языке вроде до сих пор защищают диссертации, так что это вам будет несложно. Но главное — найдите людей, которые будут готовы вам поверить.

Я призадумался. Юнг, пожалуй, прав. Вот только где мне найти в Рейхе достаточно безумцев и идиотов, которые бы поверили в то, что я древний король…

Мой взгляд упал на череп с костями — «тотенкопф» на моей фуражке, которую я положил тут же на кушетке. И вот тут меня осенило. Это было как откровение, я, кажется, на самом деле стал возвращать себе память Гиммлера, по описанному Юнгом методу ассоциаций.

Ну конечно! У Гиммлера же имеется целая организация профессиональных шизофреников, готовых поверить во всё, что угодно…

Вот это самое Аненербе — «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков». Я даже смог припомнить название этой организации, целиком. Метод Юнга работал!

Однако насладиться этим небольшим триумфом мне не дали. На лестнице застучали сапоги, через минуту в помещение ворвался мой адъютант Гротманн, явно насмерть перепуганный.

— Ну что там еще?

У меня появилось крайне недоброе предчувствие.

Гротманн покосился на Юнга:

— Приехал Вольф, рейсхфюрер.

Ясно. В смысле: ясно, что напугал Гротманна не сам Вольф, а новости Вольфа. Телефона в этом особняке нет, вот почему Вольф сюда примчался лично, определенно что-то случилось.

— Благодарю вас, Карл, — я чинно пожал Юнгу руку.

Потом вышел на лестницу. Вольф был уже тут, этот весь раскраснелся, а лоб у Вольфа вспотел так, что его хотелось протереть тряпочкой.

— Ну?

— Три вещи, шеф, — доложил Вольф, — Во-первых, мы получили ответ от Сталина. И я не уверен, что с ним нужно ознакамливать командование Вермахта…

— Это уже я решу, — перебил я, — Кого и с чем ознакамливать. Еще что?

— Во-вторых, проблемы с Айзеком, — вздохнул Вольф, — Он похоже возомнил себя настоящим фюрером…

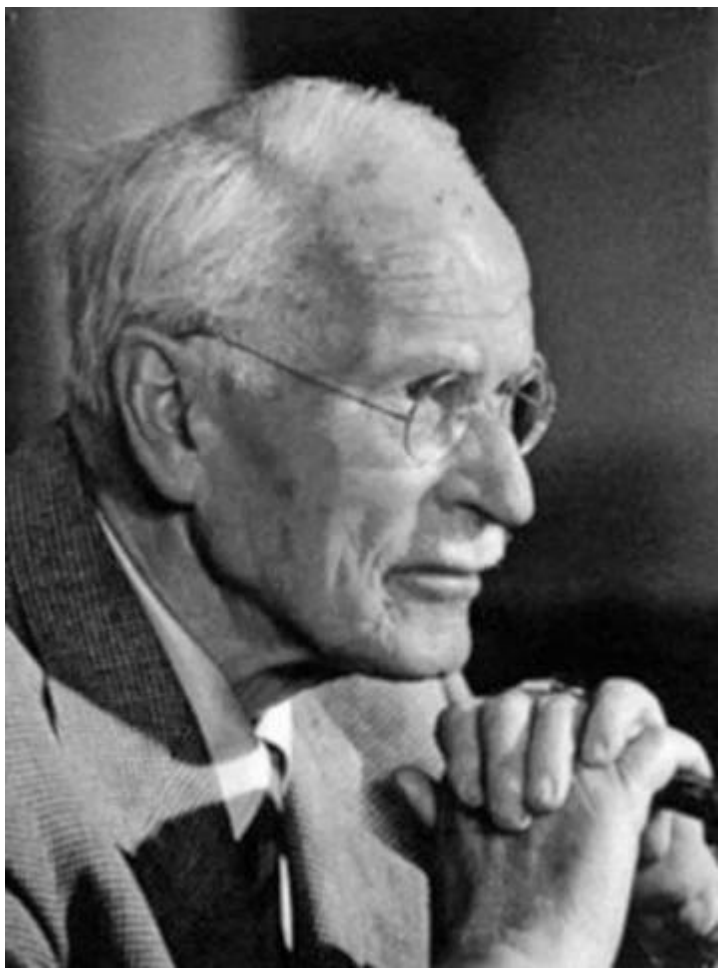
— Ожидаемо, — хмыкнул я.

Я на самом деле был уверен, что двойник Гитлера рано или поздно выйдет из под контроля, но блин… Не на второй же день после нашего мятежа!

— Третье, — выдохнул Вольф, — Настоящий Гитлер нашелся, рейхсфюрер. И он в добром здравии, он поправился. Он издал приказ вас расстрелять.

— Вот как? — осведомился я.

Ну а что тут еще сказать? Оклемавшийся Гитлер — это конец.



Карл Густав Юнг, *один из отцов-основателей современной психологии.*

Берлин, Мерседес, 2 мая 1943 15:12

Я уселся в свой мерседес, ощущая, как земля уходит у меня из-под ног.

Моя личная охрана была теперь, естественно, усилена. Меня сопровождали еще два мерседеса охраны, да еще целый грузовик отборных эсэсовцев — все отобраны лично Вольфом и надерганы из Waffen ϟϟ и караульных подразделений. Отбирались бойцы по трем признакам: безупречная личная верность Гиммлеру, воинская доблесть и главное — в анамнезе никаких контактов с Раттенхубером, который похитил у меня Гитлера.

Я фактически сваял себе полностью новую охрану, мой личный Лейб-Штандарте, ибо раньше формальным начальником охраны Гиммлера (как и всех остальных нацистских бонз) был все тот же подонок Раттенхубер.

Это всё сейчас имело смысл, я уже даже не знал, откуда мне ждать опасности — слишком многие желали моей смерти, слишком многих я не устраивал. А Рейх тем временем (не без моего активного участия) окончательно превращался в Сомали. А важные шишки в Сомали без полка охраны за пределы правительственного квартала Могадишо не выходят. Я решил, что и мне эта тактика подойдет.

И при этом я был еще довольно умеренен в моей паранойе, тот же Ольбрихт после случая с гранатой ездил в сопровождении аж двух бронетранспортеров — один с четырьмя пулеметами на 360°, второй: с артиллерийской пушкой…

Вольф сел в мерседес вместе со мной.

Так. А вот теперь надо подумать.

Пожалуй, сначала Айзек. Раз Гитлер жив — мне нужны контраргументы против него. А что можно противопоставить фюреру? Только моего собственного фюрера. А значит, Айзека надо срочно привести в чувство, пока ублюдок меня не похоронил со всеми моими проектами.

— Ну что там с Айзеком? — спросил я, — Он же вроде должен сейчас фотографироваться с Геббельсом в рейхсканцелярии?

Идея фотосессии принадлежала Гёрделеру. Предполагалось, что «фюрер» сфоткается с Геббельсом, новым кабинетом министров и новым же командованием Вермахта, а мы напечатаем это в газетах, на уличных плакатах, да вдобавок покажем в кинотеатрах хронику с мероприятия, чтобы убедить германский народ, что все идет по-старому и по плану. Чтобы заткнуть рты всем паникерам, которые уже болтают, что в стране

государственный переворот, а «царь», то есть фюрер — ненастоящий.

Мы даже привели в порядок Геббельса по такому случаю, даже замазали ему гримом синяки на лице. И Ольбрихт и Бек даже милостиво согласились рядом с Геббельсом и фальш-фюрером постоять. А вот я отказался.

Зачем? Ну, я в тайне надеялся, что эту фотосессию увидят на Западе и Востоке. И осознают, что я дистанцировался от Гитлера, что я единственный адекватный человек в хунте, с которым можно вести переговоры. Глупая надежда для Гиммлера, но тем не менее хоть что-то.

А после фотосессии планировалось убрать Айзека с глаз долой, запихать его в «Волчье логово» — ставку Гитлера в Восточной Пруссии, где фюрер в основном и сидел с самого начала нападения на СССР.

Вот только, выходит, мы не успели…

— Фотосессия прошла успешно, — доложил Вольф, — Но когда генералы и министры разъехались, Айзек заявил, что теперь он пойдет на улицы Берлина — общаться со своим народом.

— О, Господи…

Вольф на это кивнул.

— Ну и какого черта ублюдка никто не остановил? — поинтересовался я.

— Простите. Но никто не посмел останавливать самого фюрера. Да еще на глазах у сотен людей в рейхсканцелярии…

— Я, помнится, назначил командиром Führerbegleitkommando группенфюрера Краусса. И дал ему соответствующие инструкции на случай неповиновения Айзека.

— Краусс растерялся, рейхсфюрер, — обреченно доложил Вольф.

Ясно. Краусс — идиот. Расстрелять его, что ли?

— Ладно. Где сейчас этот подонок?

— «У последней инстанции».

—???

— Это ресторан, шеф. На Вайзенштрассе. Одно из последних мест в Берлине, где можно пообедать за рейхсмарки, без карточек. Цены там запредельные, но ассортимент богатый.

— Понятно. Странное место, чтобы общаться с простым народом. Похоже, что наш дорогой фюрер совершил ошибку, он заблудился, он не там ищет народ. Его надо срочно выручать. Ольбрихт в курсе ситуации?

— Нет, откуда?

— Поехали в «У последней инстанции», — приказал я

шоферу.

Я очень надеялся поставить Айзека на место до того, как Ольбрихт узнает. Двойника фюрера курировал именно я, так что каждый косяк Айзека — удар по моему авторитету.

И доставать Айзека из кабака мне точно придется самому, лично. Новый начальник охраны Гитлера Краусс в курсе, что фюрер фальшивый, и все высшие офицеры из Führerbegleitkommando тоже. А вот обычные мордовороты-эсэсовцы, приставленные к Айзеку, полагают, что он настоящий Гитлер. Так что тут нужно высокопоставленное лицо, чтобы аккуратно урегулировать ситуацию без скандала, например, я.

Меня натурально трясло от ярости. Мне живо вспомнилась книжка Зеленина «Я вам не Сталин», где герой попал в Сталина и первым делом поехал в кабак кутить, чем породил шок у своего окружения. Я бы так никогда не сделал, у меня и мысли не было развлекаться. Но логику я понимал. Айзек — тоже своего рода попаданец. Он был никем, просто тенью фюрера, которого смертельно боялся. И как только фюрера не стало — Айзека прорвало, марионетка сорвалась с поводка, возомнила себя всевластным Гитлером. Да еще как не вовремя!

Мы мчали по улицам Берлина, а я наконец перешел к главному вопросу:

— Что там с настоящим фюрером?

— Он в Риме… — голос у Вольфа дрогнул, — Вместе с Герингом. Мне неизвестно, как ему удалось сбежать и прийти в себя…

— Ха! Зато мне известно, — с горечью перебил я, — Сел в самолет и улетел. Геринг увез его. Времени, пока мы вчера не контролировали аэродромы, у них было полно. А что фюрер оклемался — так это неудивительно. Сам дьявол помогает Гитлеру, он под амвоном князя мира сего!

Уж не знаю, чего меня потянуло на религиозную лексику, но Вольф уже со страхом косился на меня. Ну и плевать. Это все было очень обидно, до слез. Однако плакать сейчас было некогда, как и впадать в панику.

— Насколько это точная информация?

— Боюсь, что точнее некуда, рейхсфюрер, — доложил Вольф, — Информацию подтвердил Муссолини, он принял фюрера, как гостя. А Гитлер уже обратился к немцам по итальянскому радио…

— И что сказал?

— Правду, — обреченно сообщил Вольф, — О том, что в Рейхе произошел государственный переворот, о том, что «изменник Гиммлер» взбунтовался и пытался его убить. Гитлер обещал любому, кто прикончит вас, должность рейхсфюрера и

железный крест с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами.

— Ясно. И чего же ты ждешь, Вольф?

Я поглядел на Вольфа, Вольф побелел.

— Рейхсфюрер… У меня и в мыслях не было!

А по лицу не скажешь.

— Нужно немедленно выключить итальянское радио, — распорядился я, — Я не желаю, чтобы немцы слушали того Гитлера. У нас есть свой Гитлер, идентичный натуральному! Точнее, будет, когда я достану этого болвана из кабака.

— Как мы можем выключить радио, рейхсфюрер? — Вольф в очередной раз перепугался.

Похоже, этот человек был способен пугаться бесконечно. Вторые сутки хаоса, а Вольф так с ситуацией и не освоился.

Я же сообразил, что спорол очередную дурь. Ну естественно! Даже в позднем СССР люди слушали на своих приемниках «вражеские голоса», радио это тебе не сайт в интернете, его не заблокируешь.

Я припомнил всё, что знал про Муссолини. Особо я им никогда не интересовался, да и Гиммлер видимо тоже. По крайней мере, ни толковых воспоминаний, ни эмоционального отклика я от своей памяти не получил. Разве что легкое раздражение. Гиммлер Муссолини явно недолюбливал, но вот почему — загадка.

Единственное, что я вспомнил: что Муссолини балабол и воевать толком не умеет. Ну и на что он тогда рассчитывает, приютив у себя Гитлера? Тоже загадка.

Лишь через минуту до меня дошло — Муссолини же в моей родной реальности вроде свергли, в том же 1943, но, судя по всему, не в мае, а позже.

— А какого хрена Муссолини еще не прислал нам Гитлера в кандалах? А еще лучше — замаринованную голову фюрера в банке?

— Не могу знать, шеф, — отозвался Вольф, — Но наши агенты в Вермахте докладывают, что итальянский посланник уже выехал к Ольбрихту.

Ну понятно. Начинаются какие-то подковерные игры, причем начинаются без меня. Военщина опять тянет на себя одеяло, Ольбрихт уже в курсе ситуации с Гитлером, но узнаю я о ней от Вольфа, а не от него.

Меня пытаются нагло слить, будто я пустое место! И снова обидно.

И единственный мой козырь в рукаве — это ответ от Сталина, про который Ольбрихт пока что не в курсе…

— У Гитлера вообще есть силы в Италии?

Вольф на этот раз поглядел на меня сочувственно.

— Да, дружище Вольф, у меня все еще проблемы с памятью! — раздраженно напомнил я, — Отвечайте на мой проклятый вопрос!

— Нашими итальянскими силами командует фельдмаршал Кессельринг, — сообщил Вольф, — Он сейчас в Риме. Но войск у него нет, только полномочия требовать от Муссолини все, что нам нужно. Наши войска в Северной Африке численностью около сотни тысяч человек, как вам наверняка известно, блокированы с суши и моря…

— Знаю, — перебил я.

Группировка войск в Тунисе на самом деле была обречена, Бек прямо заявил об этом на последнем совещании.

— Североафриканские части и находились в ведении Кессельринга, — продолжил доклад Вольф, — Но они уже, считайте, уничтожены, рейхсфюрер. А кроме них у Кессельринга в Италии только сотня летчиков и столько же военных советников.

Я выдохнул. Значит, реальных сил, которые он может взять в оборот, у Гитлера в Италии нет. Главное сейчас — чтобы все оставалось тихо-мирно за пределами Италии. Чтобы никто под влиянием пламенных речей Гитлера не восстал против нашей хунты здесь, в Германии.

А для этого и нужен Айзек. Я убедился, что делаю все правильно, Айзек сейчас важнее всего.

— Уже есть эксцессы, Вольф? — поинтересовался я.

— Нет, по моей информации все спокойно, — Вольф нервно то ли хихикнул,то ли хрюкнул, — Думаю, что население уже не понимает, где настоящий Гитлер, а где ложный. Мы всех запутали. Да и кто у нас слушает итальянское радио?

— Кто-нибудь прослушает, — буркнул я, — И поползут слухи. День, два… А потом начнется. В трубе нашей политики засор, Вольф, и засор такой, что жди разрыва трубы и разлива дерьма…

Я оборвал себя на полуслове, осознав, что непроизвольно начал закидывать Вольфа сантехническими метафорами из моей прошлой жизни. Надо бы с таким поаккуратнее.

— Ладно. Что там ответил Сталин?

— Шифрованное сообщение. Возьмите, рейхсфюрер. Англичане подтвердили нам, что это реальное предложение Сталина, согласованное с ними. Американцы пока молчат.

Вольф извлек из собственного портфеля и протянул мне бумагу, проштампованную красной печатью наивысшего уровня секретности.

Я надел очки, без которых Гиммлер едва видел, и прочел:

'Рассмотрение вашей мирной инициативы возможно,

господин Гиммлер. Но мы не ведем и не будем вести с вами никакие сепаратные переговоры. СССР верен своим обязательствам перед союзниками в этой войне, как он будет верен и своим обязательствам перед вами в случае заключения мира между нашими державами.

Условие для начала полномасштабных мирных переговоров одно: жест доброй воли с вашей стороны. До того момента, как вы продемонстрируете вашу реальную волю к миру, о переговорах не может быть и речи.

Наше требование: деблокирование Ленинграда на южном направлении. 16-я и 18-я германские армии должны в полном составе отойти западнее Лужского оборонительного рубежа.

Со своей стороны гарантируем полную безопасность отхода.

К переговорам готовы приступить немедленно после выполнения наших требований.

СТАЛИН.'

Я прочитал дважды и, несмотря на полное отсутствие знаний в военном деле, понял, что сейчас происходят явно не мирные переговоры, а нечто совсем другое.

— Мнение?

— Рейхсфюрер…

— Ваше мнение, Вольф. Вы же это читали?

— Это не мирная инициатива, это предложение капитуляции для нас, — нехотя сообщил Вольф, — Проще говоря: катастрофа, рейхсфюрер. А если Сталин нарушит обещание и ударит нашим армиям в тыл во время отступления — это катастрофа двойная.

Ясно. Ну и как мне запихать это предложение Ольбрихту в глотку? Очевидно никак. Сталин там что ли с ума сошел? Сейчас же май 1943 года. Не 1945. Тем не менее, Сталин фактически меня послал по матери таким ответом.

Я, конечно, подозревал, что он потребует жест доброй воли, но я надеялся, что это будет нечто на южном направлении. Отступление Манштейна я еще мог бы скормить генералам, особенно сейчас, когда возникли проблемы в Италии… Но Ленинград? От Ленинграда Ольбрихт и Бек никогда не уйдут, это было очевидно.

Я замолчал и погрузился в тяжкие размышления.

А минут через десять мы приехали.

Ресторан «Zur letzten Instanz» располагался на Вайзенштрассе, на первом этаже старинного трехэтажного дома, крытого черепицей. Улица частично пострадала от бомбежек, но дом с рестораном уцелел.

Возле входа в кабак торчали ҂҂, я даже опознал одного парня из новых охранников Айзека. А еще тут же собралась толпа —

небольшая, человек пятьдесят, какие-то обыватели: старухи, женщины, мальчики из Гитлерюгенда, какой-то мясник в фартуке, даже парочка военных, даже один шутц-полицай…

Вот это уже ни в какие ворота. Если у тебя в тоталитарном государстве начали сами по себе собираться толпы — значит, государство трещит по швам. В Рейхе толпам разрешено собираться только по приказу, а я никаких приказов собрать здесь толпу не давал.

Я вылез из мерседеса, махнул рукой, отдавая указание моим парням выгрузиться из грузовика, на случай возможных проблем.

Потом повернулся к Вольфу:

— Где сейчас Ольбрихт?

— Полчаса назад был в Бендлер-блок.

В Бендлер-блок располагались штабы Oberkommando des Heeres — командование сухопутных войск. Ольбрихт теперь вроде как был неформальным главой государства, но сидеть предпочитал в своем старом штабе, а не в рейхсканцелярии или тем более не в бункере, как Гитлер раньше. Видимо, Ольбрихт полагал, что в Бендлер-блок он в кругу друзей и лучше защищен от меня.

— Найдите телефон и распорядитесь, чтобы мне туда подогнали машину спецсвязи, — приказал я Вольфу, — Я сам буду в Бендлер-блок минут через сорок.

Вообще мне не следовало расставаться с моей машиной спецсвязи. Отныне я собирался держать её при себе постоянно, куда бы я ни поехал.

Я зашагал к толпе, которая в ужасе застыла, будто решила, что я тут всех сейчас расстреляю. В принципе собравшихся людей можно было понять, эсэсовцы уже оформили вокруг меня кольцо охраны из пары десятков автоматчиков, выглядело это крайне зловеще.

— По какому поводу митинг, фольксгеноссе? — обратился я к собравшимся гражданам.

Ответила мне одна самая храбрая старуха:

— Мы просто хотели увидеть нашего фюрера!

Старуху аж потряхивало от возбуждения, похоже, что доза фюрера ей на самом деле требовалась, и срочно. Обитатели Рейха начинали потихоньку терять понимание ситуации и сходить с ума.

— Фюрер на самом деле здесь, — заверил я старуху, — Он встречается здесь с иностранными дипломатами. Но государственные дела требуют немедленного его присутствия в другом месте. Однако… Если подождете десять минут — увидите, как фюрер выходит.

Толпа радостно забухтела в предвкушении фюрера.

— Прикажете всех разогнать? — тут же осведомился нарисовавшийся рядом Гротманн.

— Незачем, — отрезал я, — Народ Германии хочет видеть фюрера — народ Германии увидит фюрера. Когда фюрер отказывал народу Германии в исполнении его народных желаний?

Я прошел в ресторан, никто из охраны Гитлера помешать мне, естественно, не попытался. Наоборот, к небесам взметнулся лес рук, исполняющих нацистский салют, один оберштурмфюрер даже открыл мне дверь.

Внутри ресторана царил полумрак, большой древний зал, отделанный под средневековье, оглашали звуки граммофона, играл явно какой-то американский джаз. А американский джаз в Рейхе, насколько я помнил, был под строжайшим запретом…

Замечательно! Фюрер решил оттянуться в кабаке под «негритянскую» музыку. Ничего необычного, бывает.

Но на деле все оказалось еще хуже. Айзек восседал во главе длинного стола, как какой-нибудь скандинавский ярл. По приказу фюрера несколько столов, видимо, поставили вместе, чтобы получился стол пиршественный.

На пиршественном столе стояло в изобилии пиво, а еще какие-то булки и жаркое. И шнапс местами тоже встречался.

Тут же за столом сидело несколько десятков человек — парни из охраны фюрера, официантки, определенно из этого самого ресторана, какие-то пожилые бюргеры, которых Айзек неизвестно где взял, а еще парочка явно журналистов. Айзек как раз был занят блондинкой — молодой девкой в сером костюме, записывавшей за фюрером нечто в блокнот.

По другую руку от фальш-Гитлера восседал Краусс, которого я назначил главой новой охраны Айзека, Краусс был пьян, как свинья. Явно работа того же взбесившегося Айзека.

— О майн Готт…

Это было все, что я мог сказать по поводу сложившейся ситуации.

Я обратился к Гротманну:

— А другие двойники фюрера у нас есть?

— Никак нет, — доложил Гротманн, — Есть правда еще Веллер. Но он не умеет говорить, как фюрер, не обучен его манерам, мы раньше его использовали только для фотографий, причем исключительно больших групповых, где никто не станет разглядывать фюрера. Так что Веллера еще готовить и готовить. И он ведь не актер, так что все равно не справится. А других двойников в наличии нет совсем…

Это плохо. И что делать? Хоть всегерманский конкурс на нового двойника фюрера объявляй, в самом деле.

Я решительно двинулся в сопровождении автоматчиков к пиршественному столу. Краусс заметил меня первым, он даже попытался встать и застегнуть расстегнутый мундир. Но получалось не очень, Краусса шатало. Как можно за час так надраться?

А Айзек, знай себе, продолжал рассказывать журналистке:

— … В окопах Фландрии я зарубил троих французишек, не слезая с коня. Вот так вот… — Айзек помахал вилкой, демонстрируя как он рубил французишек, — А потом газовая атака. Все надели противогазы, даже недорубленные лягушатники! Я — нет. Газы на меня не действуют, знаете ли, фройляйн, особое устройство организма…

Пьяный Гитлер, несущий бред. На глазах у народа. Это был даже не нонсенс, это была катастрофа. В смысле: бред-то и настоящий Гитлер постоянно нес, но у настоящего Гитлера бред был всегда точно просчитан и соизмерен с политической необходимостью.

Айзек же просто втирал дичь. И тоже был пьян, меньше Краусса, но явно под хмельком. Это уже даже не герой зеленинского «Я вам не Сталин, я хуже», это уже натурально хуже того парня из книжки, который хуже Сталина. Тем более что Айзек, в отличие от настоящего Гитлера, ни в какой Фландрии ни с какими французами никогда не воевал…

Айзек тем временем, как будто желая еще сильнее ранить меня, нагло закурил папиросу. Хотя Гитлер табака в принципе не переносил.

Девушка-журналистка продолжала слушать удивительные истории Айзека во все уши…

Я наконец вышел из шока и подошел к фюреру вплотную. Потом вскинул руку:

— Хайль!

Айзек вяло приподнял собственную руку в ответ, будто муху отгонял.

— А, Гиммлер. Садитесь, дружище, стул и пиво для моего верного рейхсфюрера!

Несмотря на пьянство, играл Айзек просто потрясающе. Интонации у него в голосе фонили типично гитлеровские, выверенные до каждой нотки.

Я, как умел, щелкнул каблуками.

— Простите, мой фюрер, но главнокомандующий Бек срочно просит у вас аудиенции…

— Чепуха, — отмахнулся Айзек, — Сначала пиво, потом Бек.

Или пусть твой Бек приезжает сюда.

Так. Надо что-то делать.

— Фройляйн, позвольте ваш блокнотик, — я вырвал у журналистки блокнот.

Потом, прикрыв текст рукой от посторонних, написал в блокноте карандашом, отобранным у той же журналистки:

«Настоящий Гитлер жив, кретин. И хочет твоей крови. Надо срочно ехать.»

Написанное я с самым почтительным видом сунул Айзеку под нос. Айзек захлопал глазами, а через секунду резко протрезвел. И даже вскочил на ноги.

— Простите, дамы и господа, государственные дела и правда не будут ждать фюрера. Прошу извинить меня…

Айзек виновато покосился на меня, он явно был напуган, хотя из роли Гитлера так и не вышел.

Я же не стал возвращать журналистке блокнот, вместо этого я вернул только карандаш, а блокнот положил себе в карман мундира. Потом я кивнул на еще пару мужиков, явно тоже записывавших за фюрером.

— Все записи сдать, херрен. Застольные беседы фюрера — не для записи. Прошу отнестись с пониманием.

Мужики сдали блокноты без всяких вопросов, дураков перечить Гиммлеру тут не нашлось. Возможно позже почитаю эти записи и похохочу с рассказов Айзека, но именно позже. Сейчас мне не до смеха.

Гротманн помог пьяному Крауссу подняться из-за стола и даже застегнуть мундир. Я же вежливо сообщил окружающим:

— Вы должны понять, что фюрер сейчас в отличном настроении из-за наших сокрушительных побед на фронте. Вот почему он решил кутить. Однако слова фюрера, сказанные здесь сегодня, должны здесь и остаться. Они не для печати, не для болтовни и сплетен. Слова фюрера — информация сверхсекретная. Это ясно?

Все с пониманием покивали, даже поднялись из-за стола. Немцы осознали, что праздник непослушания закончился. Фюрер переставал быть компанейским парнем и снова становился фюрером.

Из ресторана я вышел вместе с Айзеком, собравшаяся снаружи толпа при появлении фальш-фюрера ахнула. Айзек к толпе даже радостно направился, но я его одернул:

— Нет времени, мой фюрер.

Так что Айзек ограничился криком:

— Победа будет за нами, солнце национал-социализма в зените, мои возлюбленные германцы!

Толпа в ответ разразилась радостным ором, полетели зиги. Старуха, больше всех ждавшая фюрера, даже разрыдалась. Я не удивлялся, я уже привык к тому факту, что у немцев хроническая массовая истерия.

— Отпустите вашу охрану, мой фюрер, — тихо сказал я Айзеку.

— Ммм…

А вот тут Айзек замешкался, почуял неладное.

— Отпустите охрану, говорю. Я не собираюсь причинять вам вреда. Тем более что у вас людей в десять раз меньше моего, а половина ваших людей в курсе, что вы никакой не фюрер. Так что сопротивление бесполезно. Скажите вашей охране — пусть через полчаса будут в Бендлер-блок.

Айзек еще помялся, но требуемые инструкции своим телохранителям отдал.

Мы уселись в мой мерседес — я, Гротманн, Айзек и пьяный Краусс. Для Вольфа, уже справившегося с моими указаниями, места не нашлось, так что ему пришлось поехать в другой машине.

— В Бендлер-блок, — приказал я шоферу.

Некоторое время мы ехали молча, потом я задал сакраментальный вопрос:

— Ну и что это было?

Айзек потупил глазки, за одну секунду утеряв всякое сходство с фюрером.

— Простите, херр рейхсфюрер. У меня просто нервы сдали. Я раньше так много не работал…

— Вы возомнили себя настоящим Гитлером, Айзек?

— Ну вроде того, — признался Айзек, — Вы просто не понимаете. У Гитлера особая энергетика. Когда я перевоплощаюсь в него — это бьет по мозгам. Ну я и решил, что мне нужно быть ближе к простому народу…

Гротманн хохотнул:

— В этот ресторан простой народ не захаживает, мой фюрер. Все больше спекулянты и прочая мразь.

Я же решил наброситься на Краусса:

— А вы о чем думали? Какого черта Айзек гуляет по ресторанам? Какого черта вы сами надрались, как русский большевик? Разве я не давал вам четких инструкций?

— Давали, мой рейхсфюрер, — обреченно признал Краусс, дыша перегаром, — Но ведь мне приказал фюрер… То есть Айзек… На глазах у всех. Я же не мог перечить фюреру на глазах у всех?

— Действительно, — согласился я, — Ладно, Краусс, я вас

прощаю. Расслабьтесь. Я бы вас отправил на восточный фронт, но не могу же я отправить туда человека, знающего, что наш фюрер — ненастоящий, верно?

— Спасибо, рейхсфюрер, — Краусс рассыпался в благодарностях, — Спасибо вам! Такого больше не повторится, клянусь вам!

— Конечно не повторится…

Мы как раз проезжали по мосту через какую-то грязную речку. Мост уцелел, а вот дома вокруг представляли собой руины — тут уже давно все разбомбили.

— Остановите, — приказал я шоферу.

Мерседес встал на мосту, следовавшая позади и впереди автомобиля охрана тоже остановилась.

— Это что за река? — уточнил я.

— Шпрее, — ответил Гротманн.

— Чудесно. Краусс, снимите мундир, пожалуйста.

— Зачем…

— Мундир, говорю, снимите.

Краусс явно протрезвел от страха, но мундир покорно снял.

— И оружие отдайте.

Краусс сдал Гротманну свой пистолет.

— Зачем это всё, рейхсфюрер? Послушайте, я готов искупить мою вину, сражаясь на фронте…

— Ну я же сказал, — перебил я, — Отправлять вас на фронт — не вариант. А мундир я вас попросил снять, потому что если из Шпрее выловят группенфюрера — могут возникнуть лишние вопросы. А зачем мне лишние вопросы? Верно, Гротманн?

— Верно, — согласился Гротманн.

Хлопнула дверца мерседеса, через пару секунд Гротманн уже извлек из автомобиля Краусса, а потом пристрелил подонка одним выстрелом в голову.

Двое дюжих эсэсовцев из моей охраны раскачали мертвого Краусса, как грузчики раскачивают мешок щебня, а потом зашвырнули группенфюрера в Шпрею.

Гротманн вернулся в мерседес.

— И Айзека туда же на дно, — приказал я.

Но Айзек уже в ужасе вцепился в сиденье автомобиля:

— Я все понял, рейхсфюрер! Клянусь, я всё понял! Это никогда не повторится. Никогда!

— Славно, — одобрил я, — Ладно. Гротманн, назначьте нового начальника охраны для фюрера. На ваше усмотрение. Но отвечать за этого человека будете лично.

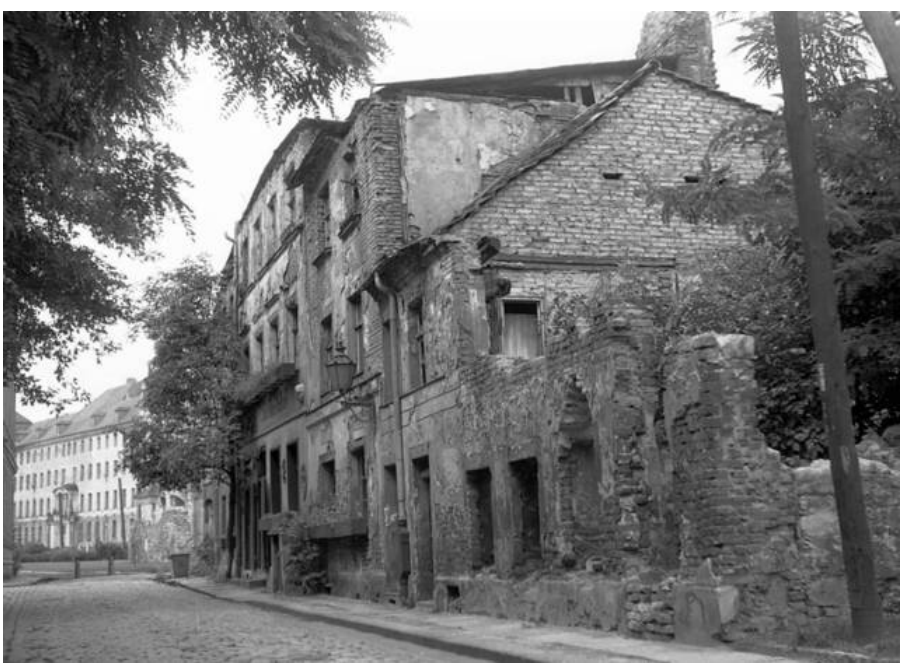
— Яволь!

Вот Гротманн явно толковее Вольфа. Может, сделать его

главой моего личного штаба?

— Поехали, — приказал я шоферу.

*Ресторан «**Zur letzten Instanz**», фото с почтовой открытки.*



***Он же** после войны, здание сильно пострадало от бомбежек (фото 1957 г.) Ресторан возобновил свою работу лишь в 1963.*

Берлин, Бендлер-блок, 2 мая 1943 16:25

По прибытии в Бендлер-блок я воочию убедился, каких глубин может достигнуть человеческая паранойя.

Раньше в этом огромном здании на набережной располагалось управление сухопутных войск Рейха, теперь же Ольбрихт перенес сюда Генштаб — Oberkommando der Wehrmacht. Здесь теперь помешалось германское «министерство войны», тут принимались все ключевые решения, влиявшие на судьбы мира.

И окопался Ольбрихт здесь так, что даже сидевший со мной рядом Гротманн присвистнул.

Во-первых: к Бендлер-блок было толком и не подъехать, все проезды закрывали баррикады из мешков с песком и камнями, за баррикадами стояли танки, десятки танков, во дворах вокруг здания грозили небесам зенитные орудия ПВО. У какого-то небольшого домика в сотне метров от Бендлер-блок даже выломали стену и крышу, теперь из крыши торчало дуло зенитки, расположившейся внутри домика.

Все это, конечно же, замаскировано по высшему уровню, на здания и технику наброшены огромные куски ткани, даже гигантский Бендлер-блок по большей части зачехлен. На крышу натаскали каких-то деревьев, прямо в кадках, видимо, чтобы с воздуха обиталище Ольбрихта казалось городским парком. Тем не менее, среди «парка» я заметил парочку снайперов в камуфляже.

Ландвер-канал, мелкая говнотечка, на набережной которой и стоял Бендлер-блок, тоже замаскирован — завален плавучим мусором, который прикрывала камуфляжная сетка. Это чтобы с воздуха канал нельзя было идентифицировать, а еще чтобы вражеские катера не прорвались к штабу Вермахта.

И ни одного флага со свастикой нигде.

В общем, тут все было понятно без лишних пояснений. Если зенитки и маскировка призваны защитить хунту от налетов русских и англичан, то все остальное — явно защита от меня и моего ЧЧ.

— При Гитлере тут было поспокойнее, герр рейхсфюрер, — заявил Гротманн, подтвердив мои выводы.

Грузовик моей охраны, ехавший впереди, тем временем уперся в Ольбрихтовскую баррикаду. Дальше хода не было.

Я поморщился, ощущая горечь во рту. И не только во рту, но и на душе. Меня терзали смутные сомнения. Все ли я правильно

делаю?

Ольбрихт — умница, он окопался по полной программе, он, если и выходит отсюда, то только в компании эскорта из бронетехники. А что тем временем творю я? Разъезжаю туда-сюда по Берлину, как живая мишень! Лично езжу решать все вопросы, например, извлекать из кабаков пьяных лже-фюреров. Я уже в очередной раз испытал жгучее желание свалить в ставку Гиммлера, в бронированный «Хохвальд». Ну или обзавестись собственным бронепоездом, на манер Троцкого. Возможно таким бронепоездом, который сможет перемещаться без рельс. Конечно, со мной и так ездит целый грузовик отборных эсесовцев, но хрен он меня спасет, если по моему мерседесу кто-нибудь пальнет из-за угла фаустпатроном.

Но это всё — позже. На кой черт мне безопасность, если я не решаю мои задачи? Сначала дела, потом безопасность. Война все еще идет, и Рейх все еще силен, несмотря на все мои действия.

А значит, я сейчас должен войти в эту пасть тигра.

Я мотнул головой, отгоняя тревожные мысли, голова от этого у меня разболелась.

— Ну вот что, дружище Гротманн… У вас же нет проблем с памятью?

— Не жалуюсь, рейхсфюрер.

— Замечательно, — кивнул я, — В таком случае вы наверняка помните, что проблемы с памятью есть у меня. И мой лечащий врач прописал мне больше посещать мои любимые места. Это должно вернуть мне мою память. Вот этим я и собираюсь заняться. Так что составьте мне список из трех мест, которые я мог бы проинспектировать, чтобы моя память впечатлилась и заработала, как положено. И завтра же, а лучше уже сегодня, доставьте меня в эти места.

Вообще, Юнг предупреждал меня, что это может быть опасно, что если я растереблю и раззадорю память Гиммлера — это может сказаться на моем ментальном здоровье. Но мне, честно, было уже плевать. Мне нужна была память Гиммлера. Это был тот случай, когда знания — сила. А без знаний я совершенно бессилен, если не получу доступа к памяти Гиммлера и не начну действовать адекватно, то скорее всего и правда дождусь подарка от хунты, в виде фаустпатрона, а то и артиллерийского снаряда по моему авто.

Гротманн, услышав мой приказ, сочувственно улыбнулся:

— До Schneewinklehhen ехать далековато, шеф…

В памяти Гиммлера что-то шевельнулось. Что-то явно нехорошее и неуместное для меня сейчас.

— Schneewinklehhen?

— Ну, альпийское шале… — Гротманн потупил глазки, — Ваше шале, рейсхфюрер. Где живет ваша…

— А. Ясно.

Речь снова шла о проклятой Гиммлеровской любовнице. Судя по всему, вот эта любовница и была для Гиммлера самым важным. Чуть ли не важнее фюрера и Рейха вместе взятых. Это понятно, но мне-то это не фига? Вот этот пласт Гиммлеровской памяти мне и даром не нужен.

— Я не намерен отправляться в Альпы к фрау…

— Фрау Поттхаст, — почтительным полушепотом подсказал мне Гротманн.

— Да. Так вот. Мне сейчас не до прекрасной фрау Поттхаст. Нет, Гротманн, найдите мне места поближе, в Берлине. И связанные с войной, с работой. Но мои любимые. Помогите вашему рейхсфюреру разобраться в себе, черт возьми! И если я буду удовлетворен: возможно станете штандартенфюрером. И шефом моего личного штаба. Вольф мне, честно признаюсь, надоел. Этот мужик трясется от любого дуновения ветерка, нет больше мочи видеть его серую рожу!

На сей раз Гротманн ожидаемо принял самый серьезный и ответственный вид, какой только возможно.

— Все будет сделано в самом лучшем виде, рейхсфюрер.

Ну а что? На Вольфа надежды и правда мало. Мой второй адъютант Брандт, судя по тем справкам, которые я о нем навел — убежденный наци, да еще курировавший концлагеря и с удовольствием убивавший людей. Гротманн тоже не ангел, и тоже людей убивал, он только что пристрелил несчастного группенфюрера Краусса прямо на моих глазах. Но Гротманн выполнял мой приказ, и, кажется, не получил от процесса казни никакого удовольствия.

Короче говоря, Гротманн был парнем толковым и вроде бы не слишком индоктринированным национал-социализмом. А больше мне опереться банально не на кого.

— Ладно, — сказал я, — Мы с фюрером тем временем прогуляемся в Бендлер-блок. Одни. Айзек, пойдемте.

— Рейхсфюрер, стоит ли… — начал было Гротманн, явно опасавшийся того же чего и я, что Ольбрихт меня прямо тут и арестует, а то и прикончит.

— Вы пока что еще не шеф моего личного штаба, чтобы давать мне такие советы, Гротманн, — осадил я адъютанта.

А потом вышел из мерседеса и, выпустив из машины Айзека, решительно захлопнул за собой дверцу.

Мы с фальш-фюрером обошли парочку баррикад и двинулись к главному входу в Бендлер-блок. Стоявшие тут повсюду вояки из

Вермахта нашему продвижению, естественно, не препятствовали, только вскидывали вверх руки при виде дорогого вождя.

Мое решение идти без охраны было принципиальным. Тут, на территории Ольбрихта, он все равно сможет меня убить, даже если потащу с собой всех моих телохранителей. Так и смысл совершать лишние телодвижения? Я искренне рассчитывал на то, что пока что Ольбрихт в моей смерти не заинтересован. Пока что. Кроме того, в случае чего прикроюсь Айзеком, вот его убивать сейчас точно никто не планирует, это создало бы слишком много проблем.

Сам Айзек на приветствия солдат и офицеров отвечал, но как-то вяло, не вполне по-гитлеровски.

— Придите уже в себя, вы сейчас снова фюрер, — напомнил я еврейскому актеру.

Айзек протянул в ответ нечто невразумительное, видать, у него наступило то состояние упадка сил, которое всегда наступает вскоре после пьянки. Ну да ничего, оклемается. Айзек же профессионал, он умеет входить в роль, когда надо. Ему просто нужно время, я надеялся, что когда мы дотопаем до Ольбрихта — Айзек будет уже в форме.

Ольбрихта мы обнаружили на самом верхнем этаже Бендлер-блока, в каком-то небольшом помещении, где стоял стол, стулья, а больше ничего. Тут горело электричество, окно, конечно же, было наглухо завалено мешками с песком.

Зато народу здесь было полно. Во-первых, хунта в полном составе: Ольбрихт, главком Людвиг Бек и даже Гёрделер на месте. А кроме них — еще пара подозрительных типов.

Какой-то мрачный и довольно молодой полковник Вермахта, однорукий и одноглазый. Шею полковника украшал железный крест, грудь мундира вся в орденских планках, левый глаз, видимо, отсутствовал, его скрывала черная повязка, как у пирата. На левой руке не хватало пальцев, а правая была в черной перчатке — судя по неподвижности пальцев, это уже не рука, а протез. Я понятия не имел, кто этот человек, похожий одновременно на Билли Бонса и капитана Крюка, но ясно видел, что человек этот — предельно серьезный.

Ну и последним присутствующим был определенно итальянец. Смуглый смазливый мужик, высокий, с широкой челюстью, прямо как у самого Муссолини. Одет в гражданский костюм, но зато в черной рубашке, а на лацкан пиджака приколот значок, изображающий «фасции» — пучки прутьев, в которые воткнут топор. У нас в современной России этот символ можно увидеть на мундирах сотрудников ФСИН или судебных приставов.

Вот только что-то мне подсказывало, что итальянец явно не имеет никакого отношения к этим структурам. Нет, тут все гораздо хуже. Судя по черной рубашке — перед мной самый настоящий чернорубашечник, фашист. Наконец-то! Я уже вторые сутки в 1943 году, и только теперь увидел фашиста настоящего, итальянского, фашиста без всяких оговорок.

Фашист выглядел стильно, на его фоне «наша» германская хунта, состоявшая из стариков, инвалидов, дерганого Гёрделера и вечно мрачного Ольбрихта, смотрелась просто жалко. Это уже не говоря о том, что фашист был выше ростом всех присутствующих на целую голову.

Когда мы с Айзеком ввалились в помещение — все тут же уставились на нас. Ольбрихту и остальной хунте даже хватило ума встать и зигануть Айзеку, разумеется, этот спектакль предназначался для итальянца.

— Вот фюрер, он здесь, — выдавил из себя Ольбрихт, — Говорите с ним по вашему вопросу, господин Альфиери.

Я сдерживался изо всех сил, хотя на деле был сейчас в ярости. Я уже догадался, что этот Альфиери — скорее всего, итальянский посол. И обсуждать с ним хунта могла только одно: сбежавшего в Рим Гитлера. И тот факт, что столь важный вопрос обсуждался без меня, привел меня просто в натуральное бешенство.

Ольбрихт не пытался меня убить, Ольбрихт делал нечто намного худшее, он меня просто игнорировал, полагал пустым местом. Однако я справедливо решил, что не стоит устраивать разборки с хунтой сейчас, на глазах у итальянца. С Ольбрихтом посчитаюсь позже.

Господин Альфиери тем временем отвесил Айзеку полупоклон, протянул руку.

— Добрый вечер, херр Гитлер. Воистину, я поражен скоростью ваших перемещений. Еще час назад мне сообщали, что вы в Риме, гостите у нашего дуче! Клянусь, вы добрались из Рима в Берлин быстрее, чем я доехал сюда из моего посольства. В чем ваш секрет, фюрер? Вы отрастили себе крылья?

По-немецки итальянец говорил превосходно, голос у него был басовитым, он бы наверное мог петь в опере. А вот содержание его речей… Он явно издевался, это было очевидно. Ублюдку было весело, он не верил, что у нас настоящий Гитлер. И определенно считал себя хозяином положения.

Я покосился на Айзека, но Айзек сыграл отлично. Протянутую руку он просто проигнорировал, вместо этого сложил собственные руки на груди и уставился на итальянца с искренним презрением.

— Что вы несете, господин Альфиери? ДА КАК ВЫ СМЕЕТЕ?

— Вот-вот. Как вы смеете таким тоном говорить с фюрером? — поддакнул я, — Так нынче учат общаться итальянских дипломатов? Я лично понятия не имею, кто у вас там в Риме, но точно не Адольф Гитлер. Настоящий Адольф Гитлер — вот он, перед вами.

Но Альфиери на это только тонко рассмеялся:

— Это легко проверить, херр Гиммлер. Если этот фюрер — настоящий фюрер, то пусть он мне скажет одну вещь. Что он подарил нашему дуче, когда присутствовал на его дне рождения, в 1939? Такое невозможно забыть. Херр Гитлер, я жду вашего ответа.

Айзек надулся, как жаба, потом нахмурился, потом тяжко вздохнул. Он не знал ответа, это было очевидно. Да и откуда ему знать? Для международных встреч двойников никогда не используют, это во-первых, а во-вторых — Айзек в 1939 фюрера еще не замещал.

В помещении повисло тяжелое молчание. Помочь тут Айзеку никто не мог.

— Я наградил господина Муссолини железным крестом! — брякнул Айзек.

Брякнул убедительно, вложив в этот бряк весь свой актерский талант, но увы, не прокатило.

Вот теперь Альфиери расхохотался от души. А потом констатировал:

— Это не Гитлер. Никаким железным крестом дуче никогда не награждали. А на дне рождения дуче в 1939 Гитлер не присутствовал вообще. И кто здесь после этого кого оскорбляет, господа? Я полагаю, что оскорбляете меня вы. Вы пытались убить настоящего Гитлера, вы изгнали его из Рейха, а сейчас пытаетесь мне скормить вот этого криво слепленного двойника!

Похоже, что крыть тут было и правда нечем.

— Мой фюрер, подождите, пожалуйста, в коридоре, — приказал я Айзеку.

Айзек бросил еще на итальянца злобный взгляд, но дальше позориться на стал и покорно вышел.

Хунта устало глядела на господина Альфиери, а господин Альфиери теперь глядел на меня.

— Херр Гиммлер, насколько я понимаю, вы теперь рейхсканцлер…

— Увы, пока еще нет, — я выбрал себе стул, которых тут в помещении было полно, и сел, — Но дело не в этом. Дело в том, что я не понимаю, почему настоящий Гитлер у вас в Риме до сих пор жив. Почему его голова еще не прислана нам в банке со

спиртом?

Альфиери с видом знатока цокнул языком:

— Не понимаете? Но ведь ваш фюрер — гость нашего дуче. Как можно убить гостя? Итальянцы — гостеприимный народ…

— Да прекратите уже! — потребовал Ольбрихт.

Гёрделер, как самый дипломатичный участник хунты, поспешил вмешаться и разъяснить мне ситуацию, пока не дошло до мордобоя:

— Тут загвоздка вот в чем, господин рейхсфюрер. Наш друг Муссолини безусловно готов вернуть нам нашего фюрера Адольфа Гитлера. Но не бесплатно. Посланник Альфиери сообщил нам, что дуче хочет дюжину полностью моторизированных дивизий, минимум половину из них танковых. И еще тысячу самолетов. И бетон, и инженеров, чтобы построить укрепления. Они необходимы дуче, чтобы сдержать наступление англо-американцев. Дуче, разумеется, хочет вот это всё в свое полное распоряжение, под свое командование. Именно это предложение Муссолини мы уже и обсуждаем битый час.

— Но у нас нет этих дивизий! — Ольбрихт натурально стукнул кулаком по столу, за которым сидел, — Я предложил господину Альфиери лучшие условия, я предложил ему кредит в размере пятнадцати миллионов рейхсмарок…

— Кредит не годится, я вам уже объяснял, — спокойно сообщил Альфиери, — Когда американцы высадятся в Италии, а они в ней высадятся в течение пары месяцев максимум — нам в них рейхсмарками стрелять? Чем нам бомбить врага? Банкнотами, господин Ольбрихт?

Ольбрихт на это впал в свое обычное зловещее молчание, не сулившее итальянскому посланнику ничего хорошего.

— Так или иначе, но наши страны связаны союзными обязательствами, господа, — подытожил Альфиери, — Если гибнет Италия — погибнет и Германия. Или вы предоставляете нам двенадцать дивизий в течение двух недель, или Адольф Гитлер и дальше останется гостем дуче. А потом возможно вернется домой, сюда, в Берлин. И задаст вам вопросы. Особенно вам, господин Гиммлер. Насколько я слышал, вы во время последней встречи с фюрером обошлись с ним довольно грубо, пытались его убить, если говорить откровенно. Что думаете по этому поводу?

Я думал недолго, всего пару секунд.

А потом просто кивнул.

— Ладно. Я дам дивизии. И самолеты тоже. И бетон, и даже инженеров. И вообще — вам сразу же нужно было обратиться прямо ко мне, господин Альфиери. Зачем вы тревожите вашими

просьбами главнокомандующего? Вермахт сейчас сражается на два фронта, как вам отлично известно, Вермахт не в силах вам помочь с вашей проблемой. ᛋᛋ — сделает это легко. Я согласую и пришлю вам списки всего, что вы хотите, в течение пары дней, а потом немедленно начну переброску войск в Италию. Мы не оставим наших союзников одних в этот критический момент! Братство итальянских фашистов и германских национал-социалистов — вечное братство!

Я поднялся со стула, даже вскинул руку в салюте.

Итальяшка от такого поворота просто растерялся, хунта тем временем продолжала хранить зловещее молчание.

— Касательно самолетов, рейхсфюрер, разве у вас есть… — заговорил Альфиери, когда пришел в себя, но я перебил:

— Клянусь, вы их получите. Я раздобуду вам их. И условие только одно: Адольф Гитлер должен быть немедленно изолирован. Полностью. Никаких выступлений по радио больше, никаких обращений. Это ясно?

Итальянский посланник поклонился:

— Я тотчас же передам ваши условия дуче, господин рейхсфюрер. Вот это уже конструктивный разговор, дуче будет рад услышать, что Германия блюдет свои союзнические обязательства, что на свете еще остались люди честные.

— Да-да, так и передайте дуче…

Не в силах сдержать эмоций, я от души обнял итальянца, а потом со всеми положенными формальностями вежливо выпроводил его прочь. И завтра же обещал прислать ему человека, чтобы согласовать помощь Италии в деталях.

Как только господин Альфиери ушел, Ольбрихт тут же подозрительно уставился на меня:

— Ну и где вы возьмете дюжину дивизий, Гиммлер?

— Нигде, — я развел руками, — Дивизии, думаю, хватит и одной, господа. Более того: тут хватит и батальона, парашютно-десантного. Гитлера нужно убить, желательно вместе с Муссолини. И желательно уже сегодня, в крайнем случае — завтра.

***Бендлер-блок**, современное фото. В реальной истории именно здесь был убит Людвиг Бек после провала антигитлеровского заговора военных. В современной Германии в Бендлер-блок до сих пор располагается штаб-квартира Министерства Обороны.*

***Эдоардо Альфиери**, посол фашистской Италии в Третьем Рейхе в 1940–1943 гг. В реальной истории участник заговора*

против Муссолини. После свержения Муссолини в Рейх не вернулся, а после оккупации Италии немецкими войсками бежал в Швейцарию.

Берлин, 2 мая 1943 вечер

«А вот это уже провал». Именно эта фраза Штирлица крутилась у меня в голове, когда я покинул Бендлер-блок.

Естественно, мне никто не позволил разделаться с Муссолини. Хунта отлично понимала, что смерть дуче приведет к тому, что Италия тут же переметнется к врагам Рейха. Я попытался было рассказать очередную удивительную историю об итогах войны, якобы в одной из моих будущих жизней я читал в учебниках истории, как Бенито Мусоллини лично сдает Италию американскому генералу Эйзенхауэру…

Они не поверили. Хунта не верила ни тому, что я знаю будущее, ни тем более моим россказням об измене Муссолини. И моя дикая ложь привела к еще большему недоверию.

А Бек, как главнокомандующий, вообще справедливо заметил, что с чисто военной точки зрения неплохо было бы выполнить все требования жадного дуче, потому что защищать Италию от англо-американцев, если мы не подпишем мир, нам придется в любом случае.

К счастью, тут мне помог Ольбрихт. Я уже уяснил, что генерал человек обидчивый и помешанный на понятиях чести, истинный германский офицер старой школы. И, само собой, говорить с Ольбрихтом так, как говорил с ним итальянский посланник, было нельзя. Шантаж дал противоположный эффект, Ольбрихт теперь полагал Муссолини разбойником, которому нельзя доверять. Он и меня полагал таким же, но я, по крайней мере, не брезговал лично вести дела с Ольбрихтом, в то время, как дуче прислал шантажировать хунту свою шавку. И вот это уже была обида смертельная.

Так что Муссолини безусловно подписал себе приговор, хоть пока и не смертный, к сожалению.

После долгих дебатов хунта все же приняла мой план убийства фюрера, только с оговоркой, что Муссолини сохранят жизнь.

Тут нам очень помогли две вещи.

Во-первых: я, конечно же, помнил, что в реальной истории Муссолини был свергнут собственными фашистами, как раз в 1943. И что потом его по приказу Гитлера спасал из-под ареста Отто Скорцени, легендарный немецкий диверсант.

И я решил этот момент из реальной истории воспроизвести. Только сделав все наоборот. Скорцени отправится в Рим, но на этот раз не спасать дуче, а поставить его на место, напомнить итальянскому диктатору, кто тут хозяин положения. И заодно —

убить Гитлера. Технически это должно было получиться, получилось же у Скорцени спасти Муссолини в реальной истории. Раз получилось спасти — получится и прессануть, так я рассуждал.

Естественно, оставалась опасность, что Скорцени перейдет на сторону настоящего Гитлера. Но для предотвращения такого исхода я намеревался дать Скорцени четкие инструкции: что в Риме не настоящий фюрер, а двойник, изготовленный Муссолини. И с двойником не следует разговаривать, ему следует всадить пулю в башку. А лучше — целую обойму.

Сам дуче при этом пострадать не должен. Только напугаться до усрачки и впредь высказывать побольше уважения к немецким союзникам. Мы делали ставку на то, что после смерти Гитлера Муссолини тут же побежит к нам каяться за свое поведение, собственно, у дуче и не было других вариантов.

Вторым фактором, который нам крайне помог в нашем тяжелом положении, была позиция Кессельринга — немецкого генерал-фельдмаршала, находившегося в Риме и командовавшего северо-африканской компанией. Компанией, увы для Рейха, уже проигранной. Тем не менее, Кессельринг в сложившейся ситуации разобрался быстро и четко. Одной рукой он зиганул настоящему Гитлеру, сбежавшему в Рим, другой рукой — слал нам подробные отчеты о происходящем. Именно благодаря Кессельрингу мы были в курсе, что Гитлера Муссолини держит при себе — в Палаццо Венеция, римском дворце и официальной резиденции дуче.

Это было очень глупо, но это было более чем в духе Муссолини, а самое главное: это было нам на руку.

Так что если Кессельринг нам не наврал, если Скорцени справится — вопрос с Гитлером будет решен уже сегодня ночью. И с Герингом заодно, ибо бывший шеф люфтваффе по информации того же Кессельринга был рядом со своим фюрером. И как мы надеялись — рядом с ним он и упокоится.

Летать над Италией мы могли совершенно спокойно, Кессельринг все еще официально командовал всеми итальянскими ВВС, хотя, насколько я уяснил, эта его должность была чисто формальной, на деле всем распоряжался ставленник Муссолини. Тем не менее, в сложившейся ситуации, когда дуче уже подпирали с юга англо-американцы, запретить нам полеты Муссолини не мог при всем желании, поэтому с доставкой диверсантов Скорцени к цели не должно было возникнуть никаких проблем.

Мы решили не ждать, пока Гитлер окончательно расшатает нам Рейх, и провести акцию по устранению фюрера этой же

ночью. Задача фактически ложилась на мои плечи, ибо элитное подразделение «Ораниенбург», предназначенное для специальных диверсионных операций, подчинялось моему Главному оперативному управлению ҂҂.

Прошедших специальную подготовку диверсантов в «Ораниенбурге» было триста, мы решили, что этого хватит, чтобы разогнать фашистских чернорубашечников, сторожевших дуче и его дорогого гостя Гитлера.

Конечно, тут были риски, и притом большие. Но кто не рискует, тот не пьет баварское.

Мы были не в том положении, чтобы выбирать. Вопрос был из тех вопросов, которые нужно было решать оперативно. Тем более что наша агентура в Италии информацию Кессельринга подтверждала. Адольфа Гитлера до сих пор обожали толпы немецкого простонародья, но вот люди в курсе ситуации, военные и шпионы, никакой лояльности свергнутому фюреру не выказывали.

Закончив с Гитлером, мы перешли к Сталину, и вот тут мой провал был ожидаемо полным. Тут я не нашел никакой поддержки вообще — предложение Сталина было отвергнуто всеми членами хунты единогласно. Разве что главком Бек чуть помялся, но именно чуть. Я призвал все мое красноречие, но оно лишь еще больше настроило генералов и Гёрделера против меня.

Никто не желал уходить от Ленинграда, ни при каких условиях. Ольбрихт смилостивился лишь на то, чтобы передать СССР пару мелких населенных пунктов, он даже потыкал пальцем в большую карту Советского Союза, ища там села помельче. И он их нашел, и мы решили направить Сталину наше контрпредложение. Вот только толку-то? Сталин же выразился однозначно: пока не будет деблокирован Ленинград — на переговоры он не пойдет.

Моя мирная инициатива зашла в тупик, и это было ожидаемо. А Гёрделер еще и добил меня, сообщив, что англичане и американцы не пойдут ни на какие переговоры, пока не будут выполнены требования Сталина. А на переговоры со мной лично, с палачом и нацистом Генрихом Гиммлером, они не пойдут вообще, ни при каких условиях.

Антигитлеровской коалиции мир в мае 1943 был не нужен, увы. Зачем мир тем, кто намерен победить? А значит… выходит, что и я не нужен? Что я вообще тут делаю и на фига?

Впрочем, это было еще только пол беды. Второй половиной беды был настоящий Гитлер в Риме. Союзники наверняка уже были в курсе про него. И если до появления в Риме настоящего Гитлера наша переговорная позиция была откровенно слабой, то

теперь она становилась буквально клоунской. Зачем союзникам вообще вести переговоры с Германией, когда в ней два Гитлера, которые в любой момент могут начать гражданскую войну друг с дружкой?

Мое сердце жаждало мира, я искренне хотел спасти миллионы людей, тех, кто в реальной истории погиб в 1943–1945, но реальность безжалостно била меня по морде. И чем дальше — тем больнее, а хунта, тем временем уважала меня все меньше, переданное мною предложение от Сталина стало, пожалуй, последней каплей для них.

А для меня последней каплей стало новое назначение, сделанное Ольбрихтом, он все же удосужился представить мне нового члена хунты — того самого однорукого и одноглазого полковника Вермахта. Полковник оказался Клаусом фон Штауффенбергом, тем самым знаменитым Штауффенбергом, который в реальной истории сыграл ключевую роль в заговоре против Гитлера в 1944. Он бы и сейчас сыграл, вот только не успел, потому что лежал в госпитале.

Зато теперь Ольбрихт вызвал его в Берлин и назначил собственным заместителем. И мне очень сильно не нравилось, как Штауффенберг пялится на меня своим единственным глазом. Тем более что полковник со мной даже не говорил, ни разу не обратился ко мне за все время совещания. Штауффенберг демонстрировал Гиммлеру свое глубочайшее презрение, в отличие от других членов хунты — открыто и без обиняков. И убрать Штауффенберга я не мог, я же не ведал никакими назначениями в Вермахте, на этот счет мы с Ольбрихтом однозначно договорились, еще вчера.

Я понял, что я сам себя загнал в кошмарное положение. Чем больше Германия отступает от доктрин национал-социализма — тем меньше мои шансы тут выжить. Ну и что мне делать в такой ситуации? Впору отыгрывать классического попаданца, заказывать самолет и лететь к Сталину. Вот только там мои шансы выжить будут еще призрачнее, в Москве меня вероятно пару раз допросят, а потом я все равно закачаюсь на виселице. И в Лондоне со мной безусловно проделают то же самое.

Мы еще обсудили военные дела, но тут никаких неожиданностей. Хунта была намерена ввести войска на Сицилию, без всяких предварительных консультаций с Муссолини, конечно же, ибо дуче утратил доверие. На востоке предполагалось все еще стоять в глухой обороне, по изначальному плану Бека. Судя по суточной сводке с фронта — план работал, несмотря на большие потери с обеих сторон. Еще один камень в мой огород, еще одно подтверждение, что я

плохой, никуда негодный попаданец!

Зато сдались нацистские войска в Африке, но тут тоже никакой моей заслуги не было. Насколько я помнил, в реальной истории происходило то же самое, группировка там была уже обречена, а приказ на её капитуляцию, как сомнительный жест доброй воли в сторону англо-американцев, Ольбрихт отдал еще вчера.

Когда я вышел из Бендлер-блока, погруженный в тяжкие думы, была уже ночь, около десяти вечера. Шел мелкий дождик, вполне соответствующий моему настроению, капли дождя блестели в полутьме на касках дежуривших на улице солдат. Горели тут только фары пары грузовиков. Разумеется, вокруг Бендлер-блока собюдался режим полной светомаскировки, несмотря даже на то, что погода, похоже, была нелетной.

Может пришло уже время покончить с хунтой? Пожалуй так. Но не сегодня. Пока Гитлер в Риме жив — я не могу сделать фюреру такой подарок, не могу атаковать его врагов здесь. Ибо мое прямое противостояние с Ольбрихтом вполне может закончиться тем, что мы с руководством Вермахта просто друг дружку перебьем. И тогда Гитлер вернется в Рейх на все готовенькое, обратно за своей властью, которая упадет фюреру в руки.

Так что сейчас об открытом выступлении против военных не может быть и речи. Завтра… Когда фюрер будет мертв. Вот тогда.

К счастью, на улице меня встретил мой адъютант Гротманн, он раскрыл надо мной зонт, а потом мигом вывел меня из депрессии:

— Некоторые проблемы, рейхсфюрер…

— Ну?

У меня уже едва хватало сил, чтобы слушать о проблемах, не то чтобы их решать. Но я взял себя в руки стальным усилием даже не воли, а скорее моего желания закончить войну или умереть.

— Бунт, — коротко доложил Гротманн, — В Вене. Курсанты Nationalpolitische Erziehungsanstalten…

— Nationalpolitische что?

— Это элитная школа, шеф. Такие школы готовят будущую правящую элиту для партии, они есть по всему Рейху. Так вот: курсанты Венского Национал-политического училища наслушались по итальянскому радио речей Гитлера. Того Гитлера, который в Риме. И вышли на улицу. С факелами. Они идут к дому венского гауляйтера, чтобы потребовать ответа.

— Какого ответа? Ты тревожишь меня бунтом школоты, Гротманн, ты серьезно сейчас?

— Простите, шеф, — извинился Гротманн, — Но эта

«школота» — исключительно одаренные юноши, получившие всестороннюю физическую, идеологическую и военную подготовку. И они вооружены. У них стрелковое оружие, а еще 150-мм гаубица, а еще пара штурмгешютцев…

— Штурмгешютцев?

— Это самоходно-артиллерийская установка, рейхсфюрер.

— Ммм, ясно. Школота с гаубицами и САУ. Откуда у них?

— Это же военно-политическая школа, шеф, я же вам объяснял — у них были учебные орудия, этим юношам предстоит в будущем отправиться на фронт…

— Сколько этих юношей? Возраст, количество?

— Пара тысяч человек. Возраст — от четырнадцати до восемнадцати. Это фанатики, рейхсфюрер, вы знаете, как фанатичны мальчики в этом возрасте. Но самое паршивое — что к ним присоединился и преподавательский состав…

Мы уже почти дошли до моего мерседеса, припаркованного за пределами Ольбрихтовских баррикад, но теперь я решительно развернулся и двинулся к моей машине спецсвязи.

Благо, она была тут рядом. Похоже, что вместо теплой постели я большую часть ночи проведу именно в этой машине. Можно, конечно, поехать в один из штабов ЧЧ, которых в Берлине пара десятков. Вот только хрен я поеду туда, где меня могут поджидать наемные убийцы Ольбрихта или Гитлера…

Я, похоже, становился параноиком, но имел для этого все основания.

— Так чего они хотят, Гротманн?

— Полагаю — выяснить у Венского гауляйтера фон Шираха, почему настоящий фюрер сбежал в Рим и вынужден обращаться к своему народу по итальянскому радио…

— Не настоящий фюрер! — перебил я Гротманна, — В Риме — двойник. Запомните, раз и навсегда. Настоящий Гитлер здесь, у нас, в Берлине.

— Простите, рейхсфюрер… Но это еще не все. Сообщения от группенфюрера Мюллера. Мюллер это…

— Да-да, это начальник гестапо. Знаю. Что там от Мюллера?

— Он уже арестовал 52 человека, с которыми Гитлер пытался выйти на связь из Рима…

— Замечательно.

Приказ арестовывать всех, с кем попытается связаться Гитлер, был дан мной еще раньше, как только я узнал, что фюрер объявился в Риме.

Теперь же по идее Муссолини должен обрубить Гитлеру любую связь с внешним миром, если только дуче будет соблюдать наше соглашение. Но дел Гитлер успел наворотить — мое

почтение. Все же глупо было ожидать от Гитлера, что тот будет бездействовать, даже с проломленной головой, даже с кусками черепа в мозгу. Живучесть бесноватого ублюдка просто поражала.

— Проблема в том, что с Гитлером вступил в контакт Альфрид Крупп, — продолжил Гротманн, — И он нам об этом контакте добровольно не сообщил. А Крупп это…

— Промышленник, капиталистическая свинья, — закончил я за Гротманна, — Знаю. Но Крупп — свинья крупная. Настоящий кабан в общем.

— Он со вчерашнего дня еще и рейхсминистр вооружения, — напомнил мне Гротманн.

Вот черт. А ведь и правда. Должность досталась Круппу после того, как я казнил Шпеера, ранее занимавшего эту рейхсминистерскую должность.

И Круппа я трогать без санкции Гёрделера никак не мог, поскольку в хунте интересы крупного финансового капитала представлял именно Гёрделер. Если я дам Мюллеру указание арестовать Круппа — будет скандал, тут к гадалке не ходи. А с другой стороны, если Крупп решит поддержать Римского Гитлера — то совсем беда.

— Ладно, разберемся.

Но сказать проще, чем сделать.

Добравшись до машины спецсвязи, я выдал все нужные указания.

Во-первых: немедленно вызвал к себе шефа Главного оперативного управления ᛋᛋ обергруппенфюрера Юттнера, ему мне надо было дать приказ на акцию по устранению Гитлера (точнее: двойника Гитлера, это важно помнить) в Риме.

Во-вторых: гауляйтеру Вены фон Шираху я приказал успокоить бунтующую школоту с гаубицами, разъяснив, что никакого Гитлера в Риме нет, что это американская провокация. Туда же, в Вену, я срочно отправил еще и Айзека, чтобы он лично показал курсантам, что фюрер тут, в Рейхе. А в случае неповиновения я распорядился всех курсантов или преподавателей, оказавших сопротивление, расстрелять без всякой жалости. Вот тут надо было давить жестко и любой ценой, это было очевидно. Да и сил в Вене, чтобы справится с парой тысяч школьников, у ᛋᛋ хватало, пока что.

Что касается двуличного Круппа, то я дал Мюллеру указание установить за ним слежку, а сам послал одного из моих людей к Гёрделеру, с вопросом, что делать с рейхсминистром.

Впрочем, я отлично понимал, что это всё еще цветочки. Если Гитлер не сдохнет сегодня ночью — то завтра по всему Рейху будут уже десятки тысяч таких восставших курсантов, а то и моих

собственных ЧЧ -манов, а еще сотни таких Круппов. И наша хунта погибнет, не успев даже ничего толком сделать.

Мы были в классической воронке катастроф, и эта воронка крутилась все быстрее, жадно нас засасывала…

— Ладно, дружище Гротманн, ты подготовил мне объекты для инспекции, как я просил?

Гротманн, ждавший меня возле машины спецсвязи, удивился:

— Рейхсфюрер, сейчас уже почти полночь…

— Знаю. Дальше что? Подготовил или нет?

— Так точно, шеф. Во-первых, казармы вашего личного батальона сопровождения. Вы их любили инспектировать раньше, еще до того, как… Потеряли память в ходе темного ритуала, рейсхсфюрер, — деликатно выразился Гротманн, — И еще до того, как сегодня полностью сменили вашу охрану. Но казармы у них остались те же. Так что я подумал…

— Идеально, — перебил я, — Туда мы и отправимся. Немедленно после того, как я встречусь с обергруппенфюрером Юттнером. Я собираюсь в этих казармах заночевать. И охране будет удобнее сменяться прямо в своих казармах.

Батальон моей охраны, естественно, состоял из двух смен: одни сторожили меня днем, другие ночью.

— Заночевать в казармах? — Гротманн подрастерялся, — Но, рейхсфюрер, у вас в Берлине четыре резиденции…

— Да. И мои враги знают, что это мои резиденции. Так что в них и ноги моей не будет! А вот в казармах моей охраны меня ночью никто искать не будет. Кроме того, лучшего места, чтобы обеспечить мою безопасность просто не найти.

— Яволь. Я немедленно дам все распоряжения…

— Никаких распоряжений никому, Гротманн. Я отправлюсь в казармы, никого не предупреждая.

Мы с Гротманном поглядели друг на друга. Гротманн понял, что шеф окончательно поехал кукухой, что это уже клиническая паранойя. И я понял то же самое.

Депрессия, паранойя, что там дальше на очереди? Полный распад личности? Посмотрим. А дождь тем временем все моросил и не кончался.

Гитлер инспектирует одну из многочисленных ***Национал-политических академий****, Австрия, апрель 1941 г.*

Италия, монастырь Монтекассино, 3 мая 1943 04:59

Фюрер Германии Адольф Гитлер пребывал в ярости. Подумать только! ГИММЛЕР!

Его предал вшивый ублюдок Гиммлер, выродок, обязанный Гитлеру всем — карьерой и даже самой жизнью. Где бы был проклятый Гиммлер, если бы не Гитлер? Сдох бы от голода, еще в лихих двадцатых, когда Гиммлера выгнали с работы за членство в нацистской партии. Гитлер тогда поддержал его, Гитлер дал ему ВСЁ, Гитлер сделал Гиммлера Гиммлером. И вот чем рейхсфюрер отплатил ему — черной неблагодарностью, ножом в спину!

Нож в фюрера вонзил тот, кто должен был фюрера охранять! Судьба великого человека всегда сопряжена с великим же изменами и трагедиями — так размышлял фюрер. В этом смысле все происходящее было закономерно. Гитлер не понимал, что именно случилось с Гиммлером, как и почему верный Генрих вероломно предал его. Но знал твердо: без евреев тут не обошлось, евреи вредили фюреру всегда, с самого момента его появления на свет!

А что если Гиммлер — еврей? Тайный еврей? Что если иудео-масоны завербовали Гиммлера еще тогда, в двадцатых?

Гитлер мучительно раздумывал об этом, хотя думать было тяжело физически.

На голове у фюрера все еще были повязки, его рану кое-как зашили, но соображал Гитлер с трудом. Правая рука у Гитлера почти что не двигалась, левая слушалась плохо. К счастью, Гитлер все еще мог писать, поскольку владел свободно обеими руками — еще один признак гениальности, как считал сам фюрер, еще один знак величия! Хуже было другое: после своего ранения Гитлер плохо говорил, едва мог выговаривать слова, как будто у него рот набит шрапнелью.

Он почти не спал, с тех пор, как пришел в себя… Но самое ужасное: эти идиоты, Раттенхубер и Геринг — они вывезли зачем-то фюрера в Италию! Останься он в Рейхе — он бы уже покончил со всеми ними, с Гиммлером, с мятежной военщиной, со всеми предателями, он бы приказал резать их всех по кусочкам! А Гиммлеру бы выколол глаза, кастировал бы его, отрезал бы ему руки, ноги, уши, вырезал бы язык, сделал бы из него человека-свинью, как делали с врагами древние германцы!

Но фюрер был в Италии, и здесь он был бессилен.

Конечно, Муссолини принял его, Гитлер даже обратился к

народу Германии по итальянскому радио, он даже связался с верными людьми в Рейхе. Вот только все его верные товарищи оказались неверными, оказались трусами или слабаками, или уже были арестованы гестапо.

Возможно, фюрера подвели как раз проблемы с речью. Возможно поэтому его речь по итальянскому радио, его пламенная речь к германской нации и не возымела должного эффекта. Двойник оставшийся в Берлине, проклятый двойник говорил чисто. Его мысли были поверхностны, но его артикуляция была тверда. Вот почему немцы предпочли двойника настоящему фюреру!

Гитлер уже, конечно, попытался связаться с английскими свиньями, с американскими еврейскими плутократами. Гитлер хотел убедить их, что лишь он сдерживает большевистские орды на востоке, что он даже готов предложить мир проклятой Англии и мерзкой Америке — если они помогут ему вернуться в Рейх и вернуть себе власть, наказать Гиммлера, который явно не только еврейский, но и большевистский шпион.

Однако и из этого ничего не вышло, англичане и американцы на связь не вышли. Разве они не понимают, что теперь Сталин сначала покончит с Германией, ослабевшей без фюрера, а потом его дрессированные толпы большевиков попрут за море — на Англию и США? Они не понимали этого. Фюрер полагал, что это — очередное подтверждение мирового заговора еврейства. Заговора, охватившего всех — Черчилля, Рузвельта, Сталина, даже Гиммлера, даже верных когда-то фюреру генералов Рейха. Единая воля евреев сражалась против фюрера, а фюрер был совсем один-одинешенек против них!

Хуже того — даже Муссолини, похоже, переметнулся на сторону врага. По крайней мере, пару часов назад двери монастырской кельи, где прятался фюрер, закрылись, их заперли на замок. Гитлеру нужно было действовать, прямо сейчас, но действовать он больше не мог. Муссолини запер его!

Фюрер стучал в двери, но ему никто не открывал, его, судя по всему, даже никто не слышал. Фюрер бросился к окну, но тут был слишком высоко, чтобы спрыгнуть, да и окно не открывалось, а внизу в монастырском дворе расхаживали фашистские чернорубашечники с автоматами.

Фюрер зарычал, бросился обыскивать комнату. Он знал, что враги тут, рядом. Сначала они заперли его, а теперь наверняка скоро убьют. Гитлер стал искать евреев в шкафу, потом под кроватью, потом даже перевернул матрац, но и там евреев не обнаружилось…

Загремел дверной замок.

Руки слушались очень плохо, но фюрер все же вооружился — он схватил кувшин с водой, намереваясь расколошматить его о голову первого, кто войдет.

Вошел Геринг, потом генерал-фельдмаршал Кессельринг, командующий африканскими частями. Третьим пришел Раттенхубер, глава личной охраны фюрера.

Все трое вскинули руки.

— Нужно немедленно ехать, мой фюрер, — сообщил Кессельринг.

— В Берлин, — выдавил из себя Гитлер, но вышло невнятно.

Речь все еще давалась ему с трудом, он не говорил ни с кем уже пару часов, и за это время его речевые навыки еще больше деградировали. Если так будет продолжаться и дальше — он станет идиотом. Это мысль пугала Гитлера настолько, что он гнал её из головы, из оставшихся мозгов.

— В Берлине вас сразу же убьют, — Кессельринг старался говорить спокойно, — И здесь тоже. Мятежники выслали самолет с десантниками. Они будут в Риме через час. У них приказ на вашу ликвидацию. Им сказано, что вы — двойник, изготовленный Муссолини.

— ЧТО?

Гитлер от ярости так сжал глиняный кувшин с водой, что тот лопнул, разлетевшись на осколки, вода плюхнулась на пол и растеклась лужей.

— Здесь нельзя оставаться, мой фюрер, — продолжил Кессельринг, — Я дал мятежникам неверную информацию, я сказал им, что вы в Риме, возле дуче. Но рано или поздно они вас найдут. И здесь больше не безопасно. Муссолини больше не будет вас защищать, мятежники обещали дуче всестороннюю военную поддержку в обмен на вашу голову. И он их предложение принял. Италия — теперь не место для вас. И ехать нужно прямо сейчас. У нас буквально пара часов, пока дуче еще колеблется. Потом — он вас заточит в тюрьму. Откуда вы уже живым не выйдете.

— Но я ФЮРЕР…

Последнее слово Гитлер скорее невнятно прорычал, чем произнес.

— Немцы обмануты мятежниками, — влез в разговор перепуганный насмерть Геринг, — Они не верят, что вы фюрер. Если бы не ваше состояние…

— А ЧТО НЕ ТАК С МОИМ СОСТОЯНИЕМ?

Вот теперь Гитлер был в настоящем адском бешенстве. Он этого просто не понимал. Как можно перепутать его с двойником, КАК? Проклятый Гиммлер! Он все это задумал еще раньше, еще когда предложил изготовить этого двойника…

— Мы полетим в Рим и я лично прикончу изменника Муссолини! — взревел Гитлер.

Никто не ответил. Геринг, Раттенхубер и Кессельринг молча смотрели на фюрера, все трое в страхе.

А фюрер продолжил бушевать:

— И куда, куда я по-вашему должен отправиться, господа? В Новую Швабию, в Антарктиду? На Луну?

***Монтекассино**, современное фото.*

***Герман Геринг**, рейхсминистр авиации, единственный в нацистской Германии рейхсмаршал, официальный преемник Гитлера etc. — одновременно занимал в Рейхе более тридцати должностей, с 1941 года самый доверенный соратник Гитлера. По итогам Нюрнбергского процесса приговорен к смертной казни через повешение, покончил с собой в заключении.*

Генерал-фельдмаршал Кессельринг *, в 1943 году главнокомандующий германскими войсками в Средиземноморье. В реальной истории приговорен после войны итальянским военным трибуналом к смертной казни за многочисленные военные преступления. Избежал исполнения приговора, был отпущен по состоянию здоровья, умер на свободе в 1960 г.*

Берлин, 3 мая 1943

Проснулся я поздно.

Сказалась накопившаяся за последние пару суток усталость организма, так что я продрых до самого полудня. Кроме того: нигде так хорошо не спится, как в казармах твоего личного батальона охраны, где ты окружен верными людьми, готовыми защитить тебя от любого убийцы.

Новый командир моей охраны, штандартенфюрер Вагнер, даже выделил мне собственную отдельную комнату, а сам отправился ночевать в казармы, так что отдохнул я качественно и с полным комфортом.

Проснувшись, я умылся, сделал толковую зарядку и только уже за завтраком, в тех же казармах, выслушал доклады Вольфа и Гротманна.

По Австрии был полный порядок. Курсантов элитного партийного училища, бунтовавших вчера, загнали обратно за парты, без единого выстрела. Вопрос решил Айзек, произнесший проникновенную речь, причем действовал фальш-фюрер решительно, мужественно и более чем разумно. Он не испугался лично выйти к толпе курсантов и слова нашел для них правильные. А я, в свою очередь, тоже получил глубокое моральное удовлетворение — мое решение сохранить Айзеку жизнь, несмотря на его прошлые косяки, было верным.

Сейчас Айзек уже летел обратно в Берлин из Вены. Отпускать двойника из столицы в ближайшее время не планировалось, чем чаще мы будем сейчас показывать Айзека немцам — тем лучше.

Хуже была ситуация с Гитлером настоящим, тем, который был в Риме… Вот тут снова странности. Скорцени и его десантники успешно взяли дворец Муссолини, сам дуче уже слал нам покаянные телеграммы. В них он снова хотел войска, вот только теперь уже не требовал, а натурально клянчил. При штурме дворца Муссолини не пострадал.

Проблема была в другом: Скорцени не обнаружил рядом с дуче никакого Гитлера. Более того, выяснилось, что за несколько часов до прибытия наших бравых парашютистов Муссолини перевез Гитлера из Палаццо Венеция в монастырь Монтекассино, располагавшийся в сотне километрах от Рима.

Десантники Скорцени немедленно направились туда, но и там никакого Гитлера не обнаружили. Геринг, Раттенхубер, все остальная свита Гитлера тоже пропали бесследно. Сторожившие монастырь по приказу дуче чернорубашечники показали, что Гитлер и компания наци просто ушли, под утро, помешать им

никто не решился. Еще те же чернорубашечники рассказали, что Гитлера при этом сильно шатало, Раттенхубер чуть ли не тащил фюрера на руках, Муссолини добавил к этим показаниям, что фюрер уже плох, что фюрер наверняка скоро помрет.

Но факт оставался фактом: Гитлер снова пропал. И снова вместе с самолетом, в последний раз Гитлера видели на немецком аэродроме, располагавшемся рядом с монастырем, а уже днем там не досчитались транспортника — трехмоторного «Юнкерса».

— Генерал Ольбрихт хочет видеть вас немедленно, рейхсфюрер, — вкрадчиво докладывал мне Вольф, — Он крайне расстроен сложившейся ситуацией. Генерал полагает, что Кессельринг, передавший нам информацию о фюрере, обманул нас и предал. Еще Ольбрихт отправил по своим каналам Сталину новое мирное предложение, но не получил ответа, он желает с вами проконсультироваться…

— Но-но, — я перебил Вольфа, — Это всё не мои проблемы, дружище Вольф. Решение довериться Кессельрингу было решением самого Ольбрихта. Так что ответственность за очередное бегство Гитлера — всецело на совести самого генерала. Что касается Сталина, то я бы на его месте просто послал Ольбрихта к черту с его смехотворными предложениями покинуть пару сел под Ленинградом. И я уверен, что Сталин так и сделает. Я Ольбрихту озвучил реальное предложение Сталина — деблокировать Ленинград на юге полностью. Тот факт, что Ольбрихт его так и не выполнил — это тем более не мои проблемы.

И я, как ни в чем ни бывало, вернулся к моему завтраку. А вот Вольф явно напрягся:

— Рейхсфюрер, стоит ли нам сейчас…

— Я не поеду сегодня к Ольбрихту, — отмахнулся я, — Пусть генерал сам меня ищет, и сам приезжает. Я рейхсфюрер, а не он. Что там, кстати, нарешали по Кессельрингу?

— Кессельринга уже вызвали в Берлин, — доложил Гротманн, — Скорее всего, он будет арестован по прилету. Если, конечно, прилетит, хех.

— Ну а Гитлер где?

На этот вопрос ответа ни у Вольфа, ни у Гротманна не нашлось.

В любом случае, я сильно сомневался, что Гитлер остался в Италии. Ольбрихт сегодня же должен был начать переброску сил на Сицилию, в ближайшее время Италия будет наводнена нашими войсками, а вместе с войсками прибудет и тайная полевая полиция, которая будет активно фюрера искать — вот этот приказ

я все-таки дал. Да и дуче теперь смирнее барашка, дуче теперь лично принесет нам голову Гитлера, если поймает его.

И Геринг с Раттенхубером это должны понимать, так что они наверняка вывезли фюрера куда-то еще. Но куда? В Венгрию, в Румынию, в Финляндию, в Японию, блин? Вот это всё очень вряд ли. Я скорее ставил на то, что после инцидента с неверным Муссолини Гитлера увезут в нейтральную страну, а то и по классике — в Южную Америку.

Так или иначе, я Гитлера больше активно искать не собирался. Фюрер проиграл и из игры вышел. Если он так хочет жить — пусть живет пока что, сейчас есть проблемы поважнее.

— Всех десантников, участвовавших в сегодняшней ночной акции в Риме — наградить железными крестами, — приказал я, — И шефа оперативного управления ᛋᛋ Юттнера тоже.

— Будет выполнено, — тут же кивнул Вольф, — Но, рейхсфюрер, я бы советовал вам немедленно отправиться в Бендлер-блок, где вас ждут…

Я решительно отставил свой кофе (настоящий и зерновой, а не суррогатный), который пил.

— Вольф, кому вы на самом деле служите?

Вольф растерялся:

— Рейхсфюрер? Как глава вашего личного штаба…

— Уже нет, — бросил я, — Я вас увольняю. Вы не оправдали моего высокого доверия. Гротманн, арестуйте Вольфа. И оружие у него заберите.

Вольф уставился на меня, как баран на новые ворота:

— Рейхсфюрер, я… У меня нет никакого оружия с собой. И я всегда был вам верен. За что?

За то, что я русский попаданец, и мне пора перетряхнуть все мое окружение, вот за что. Но сказать этого Вольфу в лицо я, понятное дело, не мог.

— Думаю, что раньше вы докладывали обо всех моих делах фюреру, Вольф, — пояснил я, — А теперь точно также держите в курсе Ольбрихта и Бека. Мне такого не нужно.

Вольф пытался еще опротестовать мое решение, но толку для себя не добился. В этом была своего рода историческая справедливость — Вольф же сам помогал Гиммлеру строить систему, где любого человека можно арестовать без суда и следствия. И вот теперь он сам в жернова этой системы и угодил.

— Вольфа не в концлагерь, — приказал я, — В тюрьму, в одиночную камеру.

Физического сопротивления Вольф не оказал никакого, парни из батальона моей личной охраны утащили его легко и без всякий препятствий, чтобы передать затем в руки гестапо.

Я доел завтрак, потом чинно поднялся из-за стола:

— Гротманн, я назначаю вас начальником моего личного штаба рейхсфюрера ᛋᛋ. И повышаю сразу до штандартенфюрера. Можете уже готовить мне приказ на подпись. И помните, что это большая ответственность. И еще честь. А честь эсэсовца, как известно, называется верность.

Гротманн не стал ничего говорить мне в ответ, только отсалютовал.

И правильно сделал. Парень уже уяснил, что пустой болтовни я не люблю, я её уже наслушался от Вольфа. А еще Гротманн, став штандартенфюрером, перескочил через одно эсэсовское звание. Кажется, он сейчас реально готов горы свернуть ради меня, положиться на Гротманна я и правда могу. До поры до времени.

Однако на одном Гротманне своей команды не построишь. Хорошо бы найти толковых антифашистов. А если не антифашистов — то хотя бы просто НЕфашистов, с чем в пост-гитлеровской Германии были понятные проблемы.

Мне нужны уважаемые немцы. И вот тут-то и была собака зарыта, учитывая, что все немцы, презиравшие Гитлера (антифашистами их все-таки назвать нельзя, ибо до этого они Гитлеру честно служили) теперь делали ставку на хунту — на Ольбрихта и Бека, а никак не на меня, не на проклятого Гиммлера. К крупным капиталистам вроде Круппа соваться нет смысла тем более, эти все ведут сейчас дела через Гёрделера, это раз, а во-вторых: тот же Крупп, как выяснилось вчера ночью, уже тоскует по фюреру.

Ну и где мне взять честного немца? Неужели на свете не осталось ни одного, кроме меня самого, конечно? Я призадумался. Припомнил имена и фамилии из послевоенной истории Германии. Коммуниста я, по понятным причинам, взять себе в команду не могу, за такое меня просто сожрут. Да я и не помнил ни одного немецкого коммуниста, кроме Тельмана… С другой стороны: коммунист мне может очень сильно пригодится для переговоров со Сталиным.

— Ну вот что, Гротманн, отдайте немедленно указания — нужно разыскать и доставить ко мне ряд лиц, — распорядился я, — Во-первых: Эрнста Тельмана.

Гротманн тут же достал блокнот и записал. Без лишних вопросов. Хотя по лицу моего нового главы штаба я понял, что он знает, кто такой Тельман.

— Тельман у нас в концлагере, я так понимаю?

— Не могу знать, рейхсфюрер, — отрапортовал Гротманн, — Не уверен, что он даже жив. Но я немедленно дам указание его разыскать.

— Во-вторых… — продолжил я, — Конрада Аденауэра.

Про Аденауэра я помнил ровно две вещи: послевоенное немецкое «экономическое чудо» и тот факт, что Аденауэр с наци не сотрудничал.

Уже достаточно в моей ситуации. Где сейчас находится Аденауер, ставший в реальной истории после войны канцлером, я вообще не имел ни малейшего понятия, только надеялся, что не в эмиграции. Гротманн на фамилию Аденауэра тоже никак не прореагировал, скорее всего слышал её впервые.

— Ищите быстрее, — потребовал я, — И обоих ко мне. И досье мне на них дайте. А сейчас я намерен не бежать отчитываться Ольбрихту, как советовал мне дорогой Вольф, сейчас я собираюсь инспектировать объекты, как я и планировал.

Я огляделся. Казармы я уже вполне себе проинспектировал. Хорошие казармы, чистые, добротные, и даже кровати мягкие. Вот только предложенный мне Юнгом метод восстановления памяти в данном случае не работал от слова совсем. В памяти Гиммлера ничего не шевелилось, никаких обещанных Юнгом инфодампов я не получил, да и обещанной ментальной нестабильности тоже не наступило. Последний факт радовал, а вот остальное — нет. Видимо, тут нужно нечто позабористее, эмоциональный контакт с Гиммлером у меня пока что недостаточный.

Может и правда съездить к семье, а то и к гиммлеровской любовнице? Но эту идею я отверг. Мне не нужна информация о семье, мне нужна информация о войне и политике. Большинство мужчин все же разделяют семью и работу на эмоциональном уровне, так что контачить с семьей реципиента — никакого толку.

Я вздохнул:

— Так что у нас там по плану, штандартенфюрер Гротманн?

Гротманн тут был в своей стихии, он и раньше, еще до моего попаданства, занимался составлением графика дня Гиммлера и ведением его записей. Так что отрапортовал бодро:

— Завод «Алкетт», шеф. Тут в Берлине. Производят: гаубицы, САУ, танки.

Вроде как раз то, что нужно.

— Хорошо.

— Ну и Равенсбрюк, — продолжил Гротманн, — Женский концентрационный лагерь, в сотне километров от Берлина. Его вы всегда любили инспектировать, рейхсфюрер.

А вот тут у Гиммлера в нейронах уже что-то шевельнулось, явственно. И мне от этого шевеления стало нехорошо, меня замутило, бросило в холодный пот. Тут было что-то не так. Подонок Гиммлер явно обожал посещать женский концлагерь,

возможно получал от его созерцания извращенное удовольствие. Но мне… Мне туда ехать не хотелось, совсем.

Я чувствовал, что не надо мне этого видеть. С другой стороны — а есть ли вообще лучший способ вернуть себе память Гиммлера? Концлагеря ублюдок обожал, так что на зрелище человеческих страданий башка Гиммлера должна срезонировать. Вот только переживу ли я этот резонанс?

Концлагерь тем более еще и женский, а я страдания женщин с детства не переношу…

Ехать или нет? Мне вдруг стало страшно, я засомневался.

— Не надо концлагеря, — я мотнул головой, — Лучше вот что… Меня интересует бункер, Гротманн. Мой секретный бункер в Тевтобургском лесу.

Про этот бункер мне, помнится, рассказал сам Гитлер, еще при нашей первой встрече. Фюрер утверждал, что в этом бункере Гиммлер что-то от него прятал, фюрер даже был обижен за это на Гиммлера.

И, пожалуй, мне на самом деле уже давно следовало вскрыть этот бункер и поглядеть, что там рейхсфюрер заначил. А что, если какое-нибудь вундерваффе? А вдруг дисколет Рейха или нечто подобное? Вот это бы мне сейчас пригодилось. Не стоит, конечно, строить свои расчеты на чуде, но по факту чудо было сейчас единственным, что могло меня спасти в моем положении.

Гротманн, услыхав про бункер, напрягся:

— Но это не в Берлине. Это же возле вашего замка Вевельсбург, рядом с Падерборном…

— Знаю, что не в Берлине! Ну и что? Я намереваюсь сегодня же посетить мой бункер. Это лучше, чем разгуливать по концлагерям. Что там, кстати, в этом бункере, Гротманн? Боюсь, что я и это запамятовал.

Гротманн растерялся еще больше:

— Прошу прощения, шеф. Я не знаю, что там.

— Не знаете? Как это?

— Бункер в Тевтобургском лесу у нас проходит по линии Аненербе, рейхсфюрер, — доложил Гротманн, — Я в нём ни разу не был. Про его содержимое знаете… точнее говоря, знали только вы, до того, как вы потеряли память. И еще высшее руководство Аненербе в курсе, а больше никто.

— Так, так…

Я потер руки. Ну вот же оно! Попаданцу нужен рояль, как говорится, а в бункере наверняка именно он. Я уже предвкушал, как сяду в мой дисколет Рейха — серебристый, блестящий и стремительный. И как прилечу на нем на совещание к Ольбрихту, а то и прямо к Сталину в Кремль. Вот после моего прибытия на

дисколете все точно подпишут мир, им некуда будет деваться.

— Собрать мне все руководство Аненербе, всех ключевых сотрудников, — распорядился я, — Сегодня же вечером, в Падерборне. Я войду вместе с ними в бункер. Ну и…

Я призадумался. Наверное мне и правда следует заодно ближе познакомиться с семьей Гиммлера. Точнее — с отдельными членами этой семьи.

— … И мою дочку Гудрун туда же доставить. Это всё. А теперь на военный завод, я желаю смотреть на наши танки.

Когда я вышел к воротам казарм, вся моя охрана уже была в сборе и была готова эскортировать рейхсфюрера, куда он пожелает.

Но меня мучили сомнения, меня все еще мучили сомнения… Равенсбрюк, да. Ехать или не ехать? Возможно, я просто бегу от своего долга, возможно, я просто трус?

Не выдержав, я вернулся в казармы и потребовал от Гротманна набрать мне по телефону психиатра Юнга. Телефон Юнгу в особняк провели еще вчера, по моему указанию.

Я говорил с Юнгом аккуратно, ибо понимал, что нашу беседу могут и прослушивать. Например, неверные гестаповцы, докладывающие о моих передвижениях Ольбрихту.

— Здравствуйте, Карл. Я намерен проинспектировать концентрационный лагерь. С точки зрения того, о чем мы с вами говорили…

— Испытываете страх, Генрих?

Юнг разобрался в ситуации сразу же, за секунду.

— Да, — нехотя признался я, — И страх, и кое-что похуже.

— Это то, о чем я говорил, — тут же выдал диагноз Юнг, — Надо ехать.

— Вот прям обязательно?

— Если хотите получить тот эффект, о котором мы говорили — то да. Обязательно. Это лучшее средство. Где страх, там и знания, Генрих.

— Шайсе!

Я в ярости бросил трубку. Ну надо, так надо. Ничего не поделаешь.

— Ладно, Гротманн. Сначала завод Алкетт, потом Равенсбрюк. А потом уже бункер в Тевтобургском лесу.

Берлин, фабрика «Алкетт», 3 мая 1943

Посещением Altmärkische Kettenfabrik (сокращенно — Алкетт) я остался удовлетворен.

Завод оказался огромной промышленной зоной, где производились десятки номенклатур вооружения для Рейха. Вокруг заводов располагался пояс ПВО, как мне пояснил Гротманн — сильнейший в Рейхе: зенитки, бетонные башни противовоздушной обороны, для германской истребительной авиации защита этих фабрик также была однозначным приоритетом. Поэтому неудивительно, что ни одна бомба врагов на эти фабрики пока что не упала, заводы функционировали бесперебойно и строго выполняли план, еще озвученный фюрером.

Производство было высокотехнологичным, так что никаких остарбатайтеров тут толком не работало, только сотня поляков, исполнявших задачи разнорабочих, зато имелся десяток французских инженеров, помогавших немецким коллегам за хорошую плату. Все остальные: немцы.

Мне показали, как производятся самоходные артиллерийские установки и танки — знаменитые панцеръегеры, штурмгешютцы, панцеркампфвагены. Я увидел даже штурмтигров — САУ, собранные на базе танков «Тигр». Тут же клепали гаубицы и противотанковые пушки.

Впрочем, цикл производства здесь был, конечно, не полным. У «Райнметалла», которому и принадлежало производство, имелись в Рейхе десятки фабрик, разбросанных по всей стране и оккупированной Германией территории, так что ту же броню танков делали в других местах, а это Берлинское подразделение предназначалось для самой высокотехнологичной продукции. Все новые разработки тоже велись здесь, здесь же собирались и тестировались прототипы.

Мне даже продемонстрировали экспериментальный и единственный пока что образец новейшего минного тральщика. Тральщик предназначался для разминирования, по утверждению инженеров мог выдержать взрыв любой мины, а броней был обшит такой толстой, что внешним видом напоминал какой-то гибрид «Железного Капута» и трактора «Беларус».

— Эта техника не имеет аналогов в мире! — гордо заявил мне инженер, — Ни одна держава, кроме нашего Рейха, не строит подобных машин!

Разминирование предполагалось проводить путём наезда на мины, защищать экипаж должны были бронированные «башмаки» на огромных тракторных колёсах. Замечательная идея, просто десять из десяти. Даже если мехвод выживет, то получит серьёзную контузию. Жаль, что не получится пропихнуть это чудо-оружие в серийное производство, было бы неплохо подгадить немецким танкистам… Подумав немного, я приказал Гротманну выписать приказ о награждении инженера денежной премией.

С проектом Мауса, легендарного сверхтяжелого танка, я тоже ознакомился, хотя пока что в 1943 Маус существовал только на бумаге, а назывался просто «танком типа 205».

Тем не менее, я тут же присвоил проекту историческое имя «Маус», а еще дал инженерам указание бросить все силы на производство Мауса и выдать мне рабочий прототип через пару месяцев. Почему бы и нет?

Во-первых, Маус это круто. Во-вторых, даже я знал, что в моей родной реальности Маусы сожрали кучу ресурсов, но оказались по итогу бесполезными, ибо эти Маусы были очередным проявлением гигантомании Гитлера, попыткой фюрера сделать супероружие по принципу «броня потолще, размер побольше». Так что пусть трудятся над Маусом, пусть тратят силы впустую. Я бы, пожалуй, дал указание еще построить мне пару пушек «Дора», с той же целью расходования ресурсов Рейха, но не стал этого делать. Ибо было понятно, что как только я отсюда уеду, руководство завода тут же побежит докладывать Ольбрихту о моих инициативах, и хунта все мои указания отменит.

По крайней мере, главнокомандующий Бек уже посворачивал все остальные проекты вундерваффе, на которые так рассчитывал фюрер. К моему удовольствию, среди проектов, признанных сомнительными, оказался в том числе и ядерный, так что атомной бомбы хунте не видать. Захвативших власть в Рейхе генералов вообще подводил их консерватизм, в некотором смысле даже Адольф Гитлер был прогрессивнее их, ибо фюрер не боялся мечтать и не боялся экспериментировать. Пусть даже отдельные его эксперименты (вроде того же Мауса) оборачивались полным провалом.

В целом посещение фабрики пошло мне на пользу. Нейроны Гиммлера у меня в голове зашевелились, и в нужную сторону… Я теперь понимал, чем САУ вообще отличается от танка. Понимал, почему Рейх смог захватить всю Европу — истоки мощи были именно тут, в налаженной военной промышленности.

Я припоминал ТТХ военной номенклатуры. В штурмтигре

пять человек экипажа, предназначен он для разрушения вражеских укреплений, выпущено было всего десяток машин, ибо проект так и остался экспериментальным, из-за дороговизны производства. Я теперь знал, что третий Панцеркампфваген производился раньше по сотне машин в год и даже поставлялся союзникам Рейха, только за 1943 этих танков наделано уже полсотни. Я припоминал даже фамилии высших офицеров германских панцерваффе, вспомнил все танковые дивизии, которые были в наличии у моего ЧЧ, вспомнил, где эти дивизии сейчас воюют, и как вообще организована танковая дивизия.

Это был потрясающий прорыв для меня. Метод Юнга работал!

Каждый момент, который я наблюдал на фабрике или про который мне рассказывали, тащил за собой еще сотню моментов из памяти Гиммлера. Я переставал быть полным дураком, я потихоньку становился военачальником, как и положено. Информация, как и предупреждал Юнг, возвращалась ко мне целыми большими инфодампами — это было примерно, как озарение. Я как будто вставил себе в голову дискету с нужной информацией.

Но были и минусы. Информация возвращалась ко мне фрагментарно, неорганизованно. А кроме того, я потихоньку стал ощущать ту ментальную нестабильность, о которой меня предупреждал Юнг. Внутри у меня росло неприятное ощущение, сердце билось все чаще, даже руки стали чуть подрагивать…

У меня вдруг возникла нелепая идея, как будто Гиммлер наблюдает за мной, как будто настоящий рейхсфюрер может вернуться и захватить это тело обратно. Это было глупо, Юнг же говорил мне, что это технически невозможно, что Гиммлер мертв, но я никак не мог отделаться от неприятного предчувствия. Меня начинало трясти. И это при том, что я сегодня отлично выспался, позавтракал, да и вообще пока что все шло, как надо.

Я сумел устранить угрозу от настоящего Гитлера, сумел подавить прогитлеровские выступления в Вене, не пролив при этом ни капли крови, да даже хунта пока что меня терпела и не собиралась убивать…

Но что-то очень гадкое внутри меня все нарастало. Как будто грядет страшное, то, чего я не смогу предотвратить. Так что с фабрики я вернулся в мрачном молчании, в подавленном настроении, и в этом настроении и уселся в мой мерседес.

До концлагеря Равенсбрюк ехать из Берлина час. Но, может, мне туда не ездить?

Я молча просидел в машине минут пятнадцать. Гротманн терпеливо ждал. Он уже знал все повадки «нового» рейхсфюрера,

так что в отличие от разжалованного Вольфа, не лез, когда не просят.

— В Равенсбрюк, — наконец обреченно приказал я.

У меня теперь появились знания военного характера, теперь мне, скорее всего, достаточно съездить в концлагерь, где ко мне по методу ассоциаций под влиянием шока вернутся знания об устройстве Рейха. И вот тогда я начну тащить, тогда я смогу действовать умнее, хитрее, быстрее. Так что ехать надо.

Производство САУ Sturmgeschütz III на заводе «Алкетт», *1943 г.*

Концентрационный лагерь Равенсбрюк, 3 мая 1943 16:12

Равенсбрюк располагался в сельской местности, за городом. Вроде бы это был ближайший концлагерь возле Берлина.

О моем приезде сюда я, естественно, никого не предупреждал, но не заметить мои передвижения было трудно, учитывая, что я все еще разъезжал в сопровождении трех машин охраны.

Так что встречать меня к воротам лагеря вышла солидная делегация нацистов.

— Подсказывай мне, кто тут есть кто, — потребовал я у Гротманна.

Гротманн уже успел перешить себе мундир, так что щеголял погонами и петлицами штандартенфюрера. И готов был выполнить любой мой самый идиотский или странный приказ.

— Яволь, рейхсфюрер. Главный тут вон тот — со следами алкоголизма и деградации на лице. Это штурмбаннфюрер Фриц Зурен, комендант лагеря.

Штурмбаннфюрер Зурен оказался личностью примечательной, указанные Гротманном алкоголизм и деградация на его роже действительно присутствовали в полном объеме. Зурен выглядел уже как натуральный уголовник. Я вздохнул. Это пока еще только начало. Дальше точно будет хуже. Да и кого я рассчитывал встретить в концлагере? Люди чести вроде Ольбрихта если тут и встречаются, то только в качестве заключенных, а не персонала.

Я указал на машину, припаркованную у ворот концлагеря, там терлись какие-то двое мужиков в гражданском в компании эсэсовцев.

— А это кто такие?

— Это Тельман и Конрад Аденауэр. Вы их сами велели доставить к вам, рейхсфюрер. И это сделано.

— Что? Вы их доставили сюда, Гротманн? В концлагерь?

— Кажется, вы сами распорядились привезти их к вам, шеф. Я бы с удовольствием доставил указанных господ к вам в кабинет, но ведь вы не из тех, кто сидит в кабинете, так ведь? Так что я распорядился привезти вам Тельмана и Аденауэра сюда, верно.

Я вяло улыбнулся.

— Ладно. Вы правы.

Но выходить из мерседеса мне не хотелось. Вот прям совсем не хотелось, мне будто повесили на каждый сапог по пудовой

гире. Да и голова была такой же тяжелой, как и ноги. Эта уже та ментальная нестабильность, которую мне обещал Юнг? Я понимал, что нет, я понимал, что настоящая нестабильность придет позже. Это еще не отвал кукухи, это пока что только плохое предчувствие грядущего отвала.

Мне нужно было пройти через это, чего бы это мне ни стоило.

Так что я медленно открыл дверь мерседеса, также медленно вышел…

В воздух полетели зиги, десяток нацистов у ворот концлагеря приветствовал рейхсфюрера. Какой-то человек, низенький толстяк в очках и с петлицами группенфюрера уже спешил ко мне.

— Здравствуй, Генрих!

Гротманн слегка подрастерялся, но потом подсказал мне:

— Вот чёрт. Это ваш личный врач, рейхсфюрер. Карл Гебхард. Он же ваш лучший друг, вы с ним знакомы со школьной скамьи. И он член вашего личного штаба. Я не предполагал, что он тут будет, а то бы вас предупредил.

— Лучше поздно, чем никогда, — процедил я, а потом поприветствовал «лучшего друга», — Привет, Карл. Рад тебя видеть в добром здравии.

Вид у Гебхарда был радостный, к счастью, обниматься ко мне он не полез. Этого Гиммлер вероятно не позволял даже друзьям, а позволял только фюреру.

— Нет, Генрих, это я рад тебя видеть в добром здравии, — заспорил Гебхард, — Я ищу тебя уже пару дней, но никак не могу найти. Ты мне объяснишь, что вообще происходит в нашем Рейхе? И почему у тебя рука перевязана, ты ранен? И как твой желудок?

— Мой желудок?

— Ну да, твои хронические боли. Я тебе привез новое болеутоляющее, американское.

— Нет уж, — отказался я, — Я патриот Рейха, я не употребляю американского. А желудок у меня в полном порядке.

Желудок и правда меня совсем не беспокоил, я его вообще не чувствовал. Видимо, боли Гиммлера имели невротическую природу. Да и вообще, в человеческом теле же все взаимосвязано, баланс тела и духа, ну вы знаете. Так что как только в этой тушке сменилась душа — сменилось и состояние тушки, и в лучшую сторону.

Гебхард уставился на меня. Потом смешным движением поправил свои очочки. Он уже понял. Они все рано или поздно понимают, Гебхард был давним другом Гиммлера, так что понял быстро. До него дошло, что перед ним не Генрих Гиммлер.

— Что ты тут собственно делаешь, Карл? — поинтересовался

я.

И поинтересовался зря. Ибо Гебхард напрягся еще больше. Его подозрения, судя по всему, обратились сейчас в уверенность.

— Как что? Я намерен закончить мой отчет, по лечению раневых инфекций сульфаниламидом. А здесь, в этом лагере, у меня подопытный материал.

Подопытный материал? Я ничего не хотел про это знать. Я только мысленно клял последними словами Юнга, отправившего меня сюда.

— Прошу прощения, Карл.

Я скорее отошел от Гебхарда и направился к машине, где меня ждали Тельман с Аденауэром. А Гебхард в свою очередь побежал к эсэсовцам, ожидавшим меня у ворот концлагеря. И тут же начал о чем-то с ними толковать… Возможно, даже о странном поведении рейхсфюрера. Ну и пусть. Плевать на него. Я сейчас решаю задачи планетарного масштаба, что мне этот Гебхард?

Эрнст Тельман, коммунист, для человека, привезенного из тюрьмы, выглядел просто отлично. Он даже был полноват, о том, откуда его сюда доставили, свидетельствовал только серый цвет кожи. Тельман был в костюме, во рту у него сверкали железные зубы. Так что, если он и лишился зубов на допросах в гестапо, как рассказывал мне по пути сюда Гротманн — то Рейх вставил Тельману новые. Выходит, что заключение в Рейхе не такое и страшное? Может, я и в этом концлагере никакого непотребства не увижу? Впрочем, вот на это надежды мало.

Тельман глядел на меня подозрительно, зиговать, естественно, не стал, хотя явно узнал рейхсфюрера.

Конрад Аденауэр зиговать тоже не стал, этот был постарше Тельмана, даже выглядел похуже. Сухой старик с тяжелым взглядом. Аденауэр мне просто кивнул, ожидая разъяснений.

Гестаповец, сопровождавший моих «гостей», тут же подал мне карточки на Тельмана и Аденауэра, из своего ведомства.

Я бегло проглядел их. Тельман в тюрьме с самого 1933 года. Но содержался в хороших условиях, на карточке моя же гиммлеровская пометка — «особый заключенный, содержать в одиночке, обращаться отменно, исполнять все просьбы». Также из карточки я выяснил, наконец, бывшую должность Тельмана — передо мной сейчас стоял сам председатель ЦК Коммунистической партии Германии, ныне, естественно, запрещенной.

И почему нацисты были так гуманны к Тельману? Хотели использовать его для возможных переговоров со Сталиным? Что ж, если так, то время пришло. Или тут дело в другом?

Я уже кое-что понимал о Рейхе, понимал то, что русскому

человеку понять довольно трудно. А дело обстояло так: репрессивный аппарат нацистов работал очень странно, он работал по-нацистки. На краях Рейха, на оккупированных территориях никакого закона не было, там людей уничтожали миллионами. Тоже было и в концлагерях, которые работали вне законодательной системы вообще, тоже и с евреями, которых вообще вывели за пределы закона.

Зато в самой исторической Германии, тем более в Берлине, в «нормальном» мире, где обитали благонравные и чистокровные немецкие бюргеры, Гитлер соблюдал законность с германской педантичностью. Тут если человека и бросали в тюрьму без суда, то соблюдали все его человеческие права, насколько это возможно. Я в этом уже убедился лично, чем ближе к столице, к рейхстагу, к фюреру — тем больше закона, «орднунга», тем меньше беспредела.

Вероятно, именно поэтому Тельман и сидел в тюрьме в полном комфорте. Тельмана Гитлер считал политическим противником, а не «унтерменшем», Тельман был немцем, бывшим депутатом рейхстага — потому и ходил до сих пор живой, не был замучен насмерть. Тельман был выведен за рамки закона лишь частично.

Я просмотрел карточку Аденауэра.

До нацистов был бургомистром Кёльна. Подвергался аресту гестапо в 1934. Запрещена работа на государственной службе. И последняя свежая приписка: все ограничения сняты 2 мая 1943, личным приказом рейхсфюрера ᛋᛋ, то есть меня.

Вот это поворот. Мне, пожалуй, надо было внимательнее читать те списки на реабилитацию, которые мне подавал Гёрделер. Однако читать их у меня не было времени, там были тысячи фамилий, и в их числе, судя по этой карточке, фамилия Аденауэра.

— Ладно, — я не стал возвращать гестаповцам карточки, а сунул их в карман плаща.

— Можно узнать, с какой целью я тут нахожусь? — не выдержал Тельман, — Меня убьют?

— Напротив, я намерен вас освободить, — объяснил я Тельману.

— Я не раскаиваюсь в моих убеждениях и не буду присягать на верность Гитлеру, — Тельман воспринял мою фразу, как оскорбление.

— Об этом и речи нет, — успокоил я вождя германского пролетариата, — Ну вот что, вы есть хотите? Пить? Вам нужен доктор?

— Нет. Я хочу понять, что происходит.

— Узнаете, — пообещал я Тельману, — Но позже. А сейчас посидите в машине с моими людьми, пока я инспектирую концлагерь.

Тельман все еще глядел на меня исподлобья, тревожно.

— Никто вас убивать не собирается, геноссе.

«Геноссе» это «товарищ» по-немецки. Изначально коммунистическое обращение, хотя нацисты так тоже друг дружку называли. Но они больше предпочитали термины «партайгеноссе» (товарищ по партии) или «фольксгеноссе» (товарищ по германской расе). Я назвал коммуниста Тельмана геноссе, и тут же осознал, что сделал очередную глупость. Стоявшие рядом гестаповцы от такого явно напряглись, в их мозгах тут же сработал автоматический антикоммунистический рефлекс, это было видно по лицам.

— Рейхсфюрер шутит, — дипломатично вставил Гротманн.

И я был ему за это благодарен.

А Аденауэр даже криво усмехнулся, улыбка у него была крокодильей, не сулящей ничего хорошего.

— Я есть не хочу, пить не хочу, в докторе не нуждаюсь, — твердо произнес Аденауэр, — Как и Тельман. И точно также не понимаю, зачем ваши люди меня сюда притащили.

— Вы все узнаете, я же сказал, — ответил я, — Лучше скажите: Гёрделер предлагал вам государственную должность?

Аденауэр ответил сразу, без всяких экивоков:

— Да.

— Можно узнать, какую?

— Можно. Гауляйтера Берлина.

Я присвистнул.

— И что, вы отказались?

— Да, я отказался.

— Почему?

— Я сказал Гёрделеру, что не намерен занимать должность гауляйтера. Тогда Гёрделер предложил ввести специально для меня должность бургомистра Берлина.

— И вы…

— Я снова отказался.

— Зачем?

— Потому что это несерьезно.

— Вот как? А это еще почему?

— Этот разговор не для лишних ушей, рейхсфюрер.

— О, лишние уши можно легко убрать.

Я скомандовал гестаповцам:

— Все в машину. С Тельманом. И отъехать на сто метров.

Гестаповцы тут же погрузили Тельмана в авто и уехали на

положенное расстояние. Выстроившиеся у ворот концлагеря эсэсовцы все еще меня ждали, но они были далеко и нас слышать не могли. С нами осталась только пара моих адъютантов — штандартенфюрер Гротманн и Брандт, которого я так и не повысил.

— Ну? Мои адъютанты — это не лишние уши, это уши правильные и нужные. Так что говорите честно.

— Честно? — Аденауэр снова криво усмехнулся, — Если честно — то вы, естественно, никакой не Гиммлер, а двойник. И Гитлер тоже заменен двойником. А страной управляют генералы, которые люди честные и смелые, но управлять страной не умеют совсем. И Германия обречена на поражение в этой войне. Не вижу для себя никакого смысла принимать политические предложения в подобной ситуации. Вы сами бы такое предложение приняли? Хотя что я спрашиваю. Вы же просто актёр.

Вот это да. А Аденауэр, похоже, шарит. И кроме того, не боится вообще. Я был в восторге.

— Вам Гёрделер сказал про двойников?

— Нет, ничего подобного Гёрделер мне не говорил. Он же не дурак. Но и я не дурак, у меня есть глаза.

— Ну вот что, герр Аденауэр… Я никакой не актер, и я вам это сейчас докажу. Хотите проинспектировать со мной концлагерь?

— Нет. Я этого делать не намерен. Я в ворота этого вашего учреждения не войду, ни при каких условиях. Разве что силой затащите.

— Ладно, черт с вами. Ждите меня тогда, вместе с Тельманом. Вы же не подеретесь с ним, пока ждете меня? Просто он коммунист, а вы центрист, как написано в вашем досье…

— Очень плохая шутка, — парировал Аденауэр, — Учитывая, что Тельмана на допросах в гестапо в свое время избили до полусмерти, выбили ему половину зубов. Он мне по дороге сюда рассказал.

— Да, вы правы.

Я кивнул и направился к ожидавшей меня у ворот концлагеря толпе эсэсовцев. Странно, но встреча с Аденауэром как будто придала мне сил.

***«Доктор» Гебхардт**, оберфюрер СС, личный врач и ближайший друг Гиммлера, член штаба рейхсфюрера СС, инициатор изуверских экспериментов над людьми в нацистских концлагерях, эксперименты проводил лично. В 1944 году по приказу Гиммлера тайно пытался убить рейхсминистра вооружения Шпеера. После войны повешен, по итогам Нюрнбергского процесса над нацистскими врачами.*

***Эрнст Тельман**, председатель ЦК Коммунистической партии Германии, в реальной истории расстрелян по приказу Гитлера в 1944 г.*

***Конрад Аденауэр**, в реальной истории федеральный канцлер ФРГ в 1949–1963 гг.*

Концентрационный лагерь Равенсбрюк, 3 мая 1943 17:00

Комендант лагеря штурмбаннфюрер Зурен уже протягивал мне руку.

Рука была какой-то странной, бурой, как будто в грязи. Или в крови? Или это у меня уже едет крыша от нервного напряжения, а у Зурина просто нездоровый цвет кожи, как часто бывает у хронических алкоголиков?

— Мы рады вас видеть, рейхсфюрер, мы всегда рады вас приветствовать. Разрешите доложить? В настоящее время в нашем лагере 15 983 женщины, 325 детей, да еще во внешнем лагере — 3 112 мужчин-заключенных.

Я проигнорировал протянутую мне руку, чем смертельно обидел коменданта Зурена.

— Заключенные построены, пойдемте, рейхсфюрер, скорее пойдемте!

Я вошел в ворота концлагеря молча.

Заключенные и правда были построены, на плацу, раскинувшемся среди лагерных бараков и вышек.

Плац был огромен, и про пятнадцать тысяч женщин Зурен тоже не соврал. На меня взирала целая орда женщин в одинаковых полосатых платьях, в веревочно-деревянной обуви. Или не женщин? Узники были настолько тощими и изможденными, что уже походили не на женщин или мужчин, а на трупы, на древнеегипетские мумии. Вдобавок все еще и были острижены наголо.

Я двинулся в сопровождении коменданта вдоль толпы, и меня провожали тысячи голодных блестящих глаз узниц. Глаза глядели без всякой ненависти, с искренним безразличием. Они как будто уже смотрели с той стороны, которая ждет человека за порогом смерти, с той стороны, где все земное уже не имеет никакого смысла.

Я бессмысленно остановился рядом с одной девушкой, живым трупом. Девушка была ростом с Гиммлера, но весила, наверное, килограмм тридцать, руки у неё были такими тонкими, что я удивился, как они еще не сломались.

— Еврейка, что ли?

— У нас нет евреев, рейхсфюрер, — гордо доложил комендант Зурен, — Наш лагерь — юденфрай, свободный от евреев. Все уничтожены, как вы и приказывали! Эта девушка — сектантка. Библьфоршер! А вон та рядом — извращенка, она

спала с женщинами! Но тут мы, конечно, быстро её отучили.

Комендант Зурен превосходно ориентировался в своем контингенте, то ли знал всех лично, а то ли просто смотрел на цветные нашивки на рукавах платьев. Разных нашивок тут было много — зеленые, черные, красные, фиолетовые… Я этой цветовой кодировки заключенных не знал, её знал Гиммлер. Рейхсфюрера все это очень заводило, я чувствовал, как бушуют в моей голове его нейроны. Толпа вот этих женщин — бесправных, измученных, с которыми можно делать, что угодно… Гиммлер находил это зрелище прекрасным.

Я посмотрел на Свидетельницу Иеговы, посмотрел на лесбиянку. Я хотел сказать коменданту Зурену, что тут напрашиваются кое-какие аналогии с моим родным миром, откуда я прибыл, но не смог. Я вообще больше не мог выдавить из себя ни слова, как будто мне язык отрезали. И в голове тоже была странная пустота. Я даже уже не понимал, что говорить такое Зурену было бы странно и недопустимо.

А комендант потащил меня дальше, теперь уже чуть ли не под руку. На краю площади валялись два трупа, тоже женщины, у обеих головы превращены в кашу автоматными очередями.

— А вот эти две русские пытались сбежать сегодня ночью, — затараторил Зурен, — Наслушались болтовни охраны, что якобы наш Рейх сдается их Советскому Союзу! Я, конечно же, уже наказал охранников за разговорчики. А этих сук просто пристрелили. Эти военнопленные, у русских свиней женщины тоже воюют, даже носят погоны, ну не мерзость ли, рейхсфюрер? Вот потому мы и бьем русских уже третий год подряд, что наша немецкая женщина знает свое место. А кто не знает — так тех мы учим, в местах вроде нашего лагеря.

Я молчал. А Зурену, похоже, было все равно, он был достаточно туп, чтобы даже не интересоваться причинами моего странного молчания.

— Казни заключенных со вчерашнего дня запрещены, — напомнил коменданту Гротманн, — Вы же читали приказ.

— А это формально не казнь, штандартенфюрер, — оправдался Зурен, — Формально это предотвращение побега. А вчерашний приказ я соблюдаю, у нас в этом смысле строго. Тем не менее, я просил построить нам газовую камеру, как в Аушвице, я уже много раз подавал рейхсфюреру рапорты, что расстреливать больных или старых, или отказников от работ слишком дорого и долго. Патроны следует тратить на вражеских солдат на фронте, а не на эту шваль. Если рейхсфюрер позволит, я даже готов показать ему место, где можно построить газовую камеру, я уже даже произвел все расчеты…

Я молчал.

А Гротманн все больше нервничал из-за моего странного молчания.

— Рейхсфюрер сейчас не намерен обсуждать этот вопрос, штурбаннфюрер, — заявил Гротманн коменданту, — Сказано же. Казни отменены.

Но Зурен уже тащил меня дальше, мимо бараков и каких-то хозяйственных строений. Заключенные женщины так и остались стоять на плацу.

— Генрих, ты как, ты здоров?

Это уже мой личный врач и лучший друг Гебхард, суетится вокруг меня. Я молчал.

— А вот тут у нас дети, содержатся отдельно, — продолжал Зурен.

Обиталище детей напоминало человейник, иначе не скажешь.

Вроде и большой барак, но слишком маленький для трех сотен детей. Дети все тоже в полосатой форме. И такие же изможденные, как и их матери, и такие же бритые налысо. В бараке длинные нары, на которых дети сидят в тесноте, чуть ли не друг на дружке. Грязь, вши, воняет отвратительно. Но никто из детей не плачет, не говорит ничего. Я смотрю на них, и понимаю, что у этих детей, даже у самых маленьких, на плач уже просто не осталось сил.

— Вот этот помер, кажется, — Зурен указывает на мальчика лет пяти, мальчик и правда не двигается, — Мрут, как мухи, рейхсфюрер! Слабая порода, ибо рождены от предательниц Рейха или расово неполноценного элемента!

Я молчу.

— А вот тут у нас бордель, рейхсфюрер, лучший бордель во всей системе концентрационных лагерей нашего Рейха. Разумеется, охране его посещать запрещено. Но мы премируем посещением борделя заключенных из мужского лагеря. Работают в борделе наши же заключенные-женщины. Им не привыкать, не все из них раньше были проститутками, но все они — изменницы Рейха или представители расово неполноценных народов, а значит, они шлюхи по определению.

Зачем Зурен мне все это рассказывает? Разве Гиммлер тут не был раньше? Разве не Гиммлер этот лагерь построил? Черт знает что. Судя по всему, Зурен все это рассказывает, потому что это ему просто нравится. Если бы я приехал сюда еще раз завтра — комендант бы рассказал мне все это еще раз, с тем же удовольствием.

— А вот это лазарет. Здесь наш замечательный доктор Гебхардт проводит свои исследования…

В лазарете воняло. Кровью, смертью, больничной химией и чем-то еще.

— Вы не подумайте, рейхсфюрер, больных тут нет. Тех сволочей, кто притворяется больными и отказывается работать — таким мы немедленно пускаем пулю в затылок. Так что тут у нас случаи особые. Вот той девушке, например, доктор Гебхардт удалил кусок плоти, на животе, как видите, и внес в рану грязь и осколки стекла, чтобы спровоцировать раневую инфекцию.

— Да-да, — подтвердил Гебхардт, вылезший вперед коменданта, — Доктора пытались спасти эту несчастную, мы тестировали на ней эффективность сульфаниламида. Но увы — она умирает, началась гангрена внутренних органов. Я очень надеюсь, Генрих, что новая политика в отношении казней заключенных не распространяется на тех, кто участвует в научных экспериментах. Потому что мне нужно еще женщин двадцать, чтобы закончить отчет по сульфаниламиду, и скорее всего все они погибнут. Но эти эксперименты нужны для Рейха, жизнь германских солдат зависит от них!

Я молчал.

А Зурен говорил, пытаясь переорать Гебхардта:

— Гляньте лучше на вон ту дамочку, рейхсфюрер. Она не участница экспериментов доктора Гебхардта, но случай интересный. Она была проституткой в нашем борделе, забеременела и скрывала свою беременность. И каким-то образом пудрила нам мозги вплоть до восьмого месяца беременности. Однако она цыганка, а цыганам у нас в лагере размножаться запрещено… В результате наши доктора ей сделали принудительный аборт, аборт на восьмом месяце беременности! Этим занимались наши лагерные врачи, без участия вашего друга доктора Гебхардта, между прочим. А вообще цыган мы обычно стерилизуем. Я сейчас покажу вам новое оборудование для этого, рейхсфюрер. Мы его заказали как раз после того, как эта цыганка каким-то образом умудрилась избежать стерилизации во время поступления в наш лагерь…

Грянул оглушительный звук пистолетного выстрела, по лазарету разнесся запах гари, на миг заглушивший больничные ароматы и даже вонь гнойников.

Зурен взмахнул руками и рухнул на пол, по пути схватившись за пустую больничную койку и перевернув её. Я всадил этому подонку в голову еще две пули, и только тогда Зурен перестал дергаться. И заодно болтать.

Сопровождавшие меня эсэсовцы закричали, женщины-охранницы завизжали, кто-то громко выругался. А вот чего никто не сделал, так это не попытался мне помешать.

Мой лучший «друг» доктор Гебхардт застыл с открытым ртом. А когда пришел в себя через пару секунд, в ужасе выдохнул:

— Генрих! Ты убил человека! Как же так, без суда, без следствия, так же нельзя…

— Думаю, я достаточно наинспектировался, — заявил я, убирая пистолет обратно в кобуру.

Потом я повернулся к Гротманну:

— Я всё вспомнил, дружище. Сработал метод Юнга.

— Мои поздравления, рейхсфюрер, — деликатно ответил Гротманн.

Эсэсовцы вокруг все еще пребывали в крайнем смятении, доктор Гебхардт начал о чем-то громко ныть, но я его не слушал.

— Ну вот что. Кто там был заместителем покойного коменданта Зурена?

— Гауптштурмфюрер Рамдор, — эсэсовец лет сорока сам представился и сам храбро выступил вперед.

— Хорошо. Вы теперь комендант, Рамдор. И мои приказы вам следующие: концлагерь Равенсбрюк ликвидируется, все заключенные немедленно освобождаются — женщины, дети, мужчины, все. Вы выдадите каждому из них бумагу об освобождении, и о том, что Рейх не имеет к ним больше никаких претензий.

Вот теперь я наконец больше не молчал. Теперь молчали все остальные. Шок и полный ступор — вот как можно было описать реакцию эсэсовцев. Доктор Гебхардт схватился за голову, буквально, обеими руками.

— Мой приказ будет выполнен, Рамдор? — уточнил я.

— Ваш приказ будет выполнен, господин рейхсфюрер, — обреченно выдохнул Рамдор, — Но боюсь, что освобождение заключенных невозможно технически. Большинство из них слишком слабы, они даже уйти отсюда не смогут.

— Верно. Именно поэтому вы немедленно пришлете сюда им врачей, еду, одежду, лекарства, все необходимое, на несколько суток. Все по нормам снабжения ᛋᛋ, по тем же самым, по которым снабжаются раненые ᛋᛋ -манны в военных госпиталях. Представьте, что каждый из этих бывших заключенных — раненый штандартенфюрер. И если бывшие заключенные не могут или не желают уйти отсюда — пусть остаются здесь. Это больше не концлагерь. Это теперь просто бесхозные постройки, никак не оформленные. Так что жить тут может любой. Но ворота должны быть открыты, а все необходимое — доставлено сегодня же. Учтите все нюансы, Рамдор, учтите состояние этих бывших заключенных. Думаю, вам не нужно напоминать, что голодающим нужна специфическая пища, вы сами это всё знаете. И еще: в

мужском лагере соберите всех военнопленных русских и раздайте им оружие, назовем это временным отрядом самообороны…

Доктор Гебхардт всплеснул руками:

— Но Генрих, они же нас перебьют!

— Вовсе нет, дружище Карл. Во-первых, кто вам сказал, что вы останетесь здесь? Я забираю большую часть охраны лагеря с собой в Берлин. Во-вторых, конкретно тебе это точно не грозит. Последний мой приказ: повесить на воротах лагеря доктора Гебхардта, а также всех, кто участвовал в опытах над людьми или стерилизации заключенных. Я вернусь сюда завтра же. Точное количество заключенных мне известно, к счастью, штурмбаннфюрер Зурен успел мне его сообщить перед смертью. Так что, если к завтрашнему дню хоть один бывший заключенный помрет — я буду крайне недоволен и отправлю ответственное лицо, то есть вас, Рамдор, туда же, на ворота. Если на воротах не будут через полчаса висеть указанные мною лица — точно также присоединитесь к ним. Фирштейн?

— Вынужден вас просить мотивировать такие приказы, — Рамдор скрипнул зубами, — И дать их мне в письменной форме. И еще я вынужден буду доложить фюреру…

— Фюрер мертв, — перебил я, — Заменен двойником, который пляшет мою дудку. А я — рейхсфюрер ᛋᛋ, теперь высшая власть и высшая инстанция в Германии. Приказ в письменной форме напишу вам немедленно. А мотивировка очень простая: сегодня будет подписан мир с англо-американцами и СССР. Так что за русских военнопленных не переживайте, они скоро поедут домой. Лучше подумайте о себе, ведь все, кто сейчас откажется выполнять мои приказы и освобождать заключенных — будет выдан большевикам. Соответствующий пункт в мирный договор уже включен.

Я врал, конечно же. А сердце у меня замерло.

Ну вот я и сделал то, что хотел уже давно, с самого начала. Прав я или не прав? Ошибся или нет? Сожрут они это или не сожрут? Я сделал все правильно, или я погубил все дело?

Следующая секунда продлилась почти целую вечность. А потом я понял по их глазам — не сожрали. Не вышло.

***Зурен**, комендант концлагеря Равенсбрюк. После войны пытался сбежать, но был пойман, повешен по приговору французского военного трибунала в 1950 г.*

Концентрационный лагерь Равенсбрюк, 3 мая 1943 17:51

Удивительно, но новый комендант Рамдор протестовать не стал, проблемы начались вовсе не с ним. Рамдор вроде даже успел мне кивнуть. Неуверенно, машинально, но все-таки кивнуть. «Хороший немец». Дрессированный.

А вот кто-то другой произнес тихонько:

— Измена…

А еще кто-то, уже громче:

— Это не Гиммлер, это не наш рейхсфюрер!

А потом какая-то женщина-охранница замахнулась на меня хлыстом, который таскала с собой, а другой молодой унтерштурмфюрер выхватил пистолет.

Я выстрелил в него первым, дважды, но ни в кого ни разу не попал. Потом я рванул к выходу из лазарета, по пути потеряв люгер, оружие просто выпало из моей руки. А что вы хотите? Я отлично научился неожиданно казнить нацистов, но ведь это работа палача, а не ковбоя. А вот ковбоем ни я, ни Гиммлер никогда не был, я не был намерен участвовать в перестрелке, я банально не знал, как это делается.

Я схватил за шиворот моего «друга» доктора Гербхардта, прикрылся им, как живым щитом, потом оттолкнул толстяка и наконец вырвался из лазарета. В спину мне летели пули, но ни одна цели не достигла. Гротманн ретировался следом за мной, потом выбежал Брандт. Оба уже достали собственное оружие.

— Охрану сюда! Мою охрану! — орал я, — Покушение на рейхсфюрера!

— Яволь, — Гротманн бегом бросился к воротам лагеря, прямо через плац, где все еще стояли заключенные.

А вот Брандт прицелился из пистолета. В меня.

— Ты арестован, русский шпион.

Грянул очередной выстрел.

Вот черт. Он же сказал, что я арестован, а сам стреляет… Мой верный адъютант Брандт! Он спокойно помог мне разделаться с верхушкой Рейха, его даже убийство Гитлера не смутило, но как только речь пошла о ликвидации концлагерей — Брандт меня предал. Видимо, для некоторых людей концентрационные лагеря просто представляют самоценность.

Я зажмурился на секунду, а когда открыл глаза — понял, что стрелял не Брандт. В Брандта в самого всадили пулю, на мундире у него расплывалось кровавое пятно. Брандт пошатнулся, потом

прилетела вторая пуля — на этот раз ему в лицо.

Я завертел головой, ища моего спасителя. Спасителем оказался часовой на вышке. Он не стал разбираться в ситуации, он просто увидел, что рейхсфюрера атакуют и решил вмешаться. Тем более, он же не слышал моих пламенных речей про мир с большевиками и моего приказа вооружить русских военнопленных. Вот с последним я наверняка и правда переборщил. Не стоило этого приказывать.

Из лазарета выскочил резвый унтерштурмфюрер, тот который в меня уже стрелял, но и его свалило выстрелом часового с вышки.

Я бросился в какую-то хозяйственную постройку, оказавшуюся открытой, запер за собой дверь, попытался забаррикадироваться какими-то мешками с сеном, которые там хранились…

А через пару минут все было уже кончено — моя охрана овладела концлагерем, хотя людей у меня было меньше раз в пять. Но моей охране это было легко, работавшие здесь садисты и палачи никакого сопротивления не оказали, это же не военные. Кроме того, большинство охранников так и не успели понять, что вообще происходит.

Сопровождавших меня во время инспекции начальников лагеря теперь самих взяли на мушку и выстроили перед лазаретом. Кроме Брандта и пытавшегося меня убить унтерштурмфюрера никто больше даже не погиб.

Гротманн вернул мне мой потерянный пистолет, а я обратился к новому коменданту Рамдору:

— Ну так что? Желаете еще обсудить мои приказы?

— Нет. Приказы не обсуждаются, рейхсфюрер. Я не отказывался выполнять ваш приказ, я сделаю это!

Доктор Гебхардт тем временем взмолился:

— Генрих, ради нашей с тобой старой дружбы…

Я поглядел на доктора. Доктор явно врал, он не верил, что я Гиммлер, он просто пытался вымолить себе жизнь.

— Вот с казней указанных мною лиц и начните, — приказал я Рамдору, — А Гебхардта повесьте последним. Вижу, что доктор демонстрирует недостаточное покаяние, так что пусть посмотрит, как в петлях качаются его «коллеги». Сейчас я уеду, но завтра буду здесь и проинспектирую исполнение моих указаний. Я оставляю вам сотрудников гестапо, чтобы они проконтролировали вас, Рамдор. Помните, что я сказал вам — за время моего отсутствия ни один бывший заключенный помереть не должен. А две трети охраны концлагеря я забираю с собой в Берлин, потому что это больше не концлагерь, и потому что мне

нужны люди в столице Рейха.

Я еще скользнул взглядом по лицам руководителей Равенсбрюка. Вон та девка-охранница, которая пыталась меня осадить хлыстом, а вон тот мужик с петлицами гауптштурмфюрера вроде первым сказал «измена».

— Вот этих двух арестовать, передать гестапо, — распорядился я, — А вы, Рамдор, сейчас лично, до моего отъезда, сообщите заключенным, что они теперь свободные люди и сегодня же получат пищу, одежду, документы, квалифицированную медицинскую помощь. От настоящих врачей, а не от «докторов» уровня покойного Гебхардта.

Гебхардт вообще-то пока еще был не покойным, а живым. Однако долго это его состояние не продлилось. Когда я двадцать минут спустя покинул Равенсбрюк — ворота бывшего концлагеря остались открытыми, их теперь украшали одиннадцать висельников, вздернутых на перекладине, и доктор Гебхардт красовался среди них, с левого края ворот.

И даже речь перед бывшими заключенными Рамдор до моего отъезда произнес. Впрочем, на пламенные антифашистские речи немцев из моей родной реальности она походила мало, Рамдор заключенных просто проинформировал, никакого покаяния или тем более извинений не последовало. Но может, оно и к лучшему? В этом концлагере творился настоящий ад, смысл дьяволу извиняться за ад?

Я забрал с собой несколько сотен эсэсовцев из охраны концлагеря, грузовики для них здесь нашлись. Рамдору я оставил всего полсотни человек охранников, да еще сотню женщин-надзирательниц. И приставил к ним в качестве рейхскоммисаров, следящих за исполнением моих приказов, тех гестаповцев, которые привезли мне Тельмана и Аденауэра. Гестаповцы все, разумеется, тут же получили повышения, огромные денежные премии и железные кресты.

Еще я забрал с собой тело мертвого Брандта. И уже, сев в мерседес, распорядился:

— Тело Брандта вернуть родне, посмертно наградить. Железным крестом рыцарской степени, с дубовыми листьями.

— Могу я узнать за что его награждают, рейхсфюрер? — поинтересовался Гротманн.

Мой новый шеф личного штаба неплохо держался. Прямо очень неплохо, даже лучше меня. Гротманн выглядел смертельно уставшим, но говорил твердо, а действовал, как я только что убедился, еще тверже.

— Можете, Вернер. Распространите сообщение, что Брандт погиб, закрыв грудью меня, своего рейхсфюрера, от пули. Погиб,

как герой!

Мне показалось это логичным с пропагандистской точки зрения.

— От чьей пули, герр рейхсфюрер?

— От вражеской, черт возьми! Сами придумайте, Гротманн.

— Рейхсфюрер, я могу задать вам один вопрос…

Мой мерседес двинулся с места, мы возвращались в Берлин. Что там меня ждет?

— Конечно, Вернер. Если вы тоже хотите рыцарский крест — я вам его вручу, сегодня же. И я вас повышаю, до оберфюрера ᛋᛋ. Я-то знаю, что меня спасли вы, а не Брандт. И я ценю это.

— Благодарю, рейхсфюрер. Но я не об этом… Я хочу вас спросить. Откровенно.

— Валяйте.

— Рейхсфюрер, мы что, мы… Мы больше не национал-социалисты?

— Мы ᛋᛋ, главная сила в Рейхе, — ответил я, — А еще германские патриоты, которые все делают правильно. В этом даже не сомневайтесь, Гротманн.

— Рейхсфюрер, но ведь по прибытии в Берлин нас убьют, скорее всего сразу же…

— Тут два варианта, мой дорогой Вернер: или убьют, или нет. Ну вот что, хватит рассуждать, хватит переливать из пустого в порожнее. По прибытии в Берлин немедленно доставьте мне мой парадный мундир. А потом созовите совещание, весь высший штаб ᛋᛋ, шефов всех управлений. Совещание я проведу на Нидеркирх-штрассе, в здании главного управления ᛋᛋ. И самое главное: Айзека ко мне, сразу же, как мы прибудем.

Гротманн покачал головой:

— Если позволите… Вы сами прилюдно признались, что Айзек — двойник. Эту информацию теперь не скроешь.

— Знаю. И именно поэтому Айзек должен быть рядом со мной.

Берлин, Главное управление СС, 3 мая 1943 19:43

Через полтора часа мы были уже в Берлине, на Нидеркирхтрассе, в здании главного управления ᛋᛋ.

Все начальники и фюреры уже были здесь, ждали только меня. Разумеется, слишком много людей теперь были в курсе, что я прибуду сюда, так что беды и нового покушения можно было ждать в любой момент, это теперь было только вопросом времени.

Здание оцепили, бронетехника и зенитки были подогнаны, шутц-полицев тоже согнали перекрыть улицы, в качестве внешнего кольца оцепления я поставил бывшую охрану Равенсбрюка. Чисто для солидности, естественно. Если военные приедут меня убивать (а они приедут), то ублюдки, сторожившие раньше Равенсбрюк, никакого сопротивления не окажут, это я понимал. Да и вообще — никто мне не поможет, если против меня бросят армию.

Я понимал, что живу последний день. Что там произошло в Равенсбрюке? Это было озарение или, наоборот, нервный срыв и ошибка? Время покажет, теперь жалеть о сделанном уже никакого смысла. Надо продолжать гнуть начатую линию, пока эта линия или не приведет к победе, или не обломается.

По крайней мере, Айзека мне доставили. Ольбрихт не успел его захватить, тут я опередил хунту.

Я переоделся в парадную форму рейхсфюрера ᛋᛋ, надел все мои многочисленные награды, полученные от фюрера, потом глубоко вдохнул и вошел в зал для совещаний.

Все начальники управлений и служб ᛋᛋ уже были здесь, дубовых листьев в петлицах тут было столько, как будто я оказался в дубовом лесу. Человек тридцать самых опасных людей Рейха разом поднялись со стульев и вскинули руки в нацистском приветствии.

Рядом со мной были Айзек и верный Вернер Гротманн, уже с рыцарским железным крестом на вороте, уже с погонами и петлицами оберфюрера на мундире. Гротманн в правильности его собственных действий все еще явно сомневался, но после Равенсбрюка отступать ему было некуда, как и мне самому. Парень выбрал карьеру при рейхсфюрере, так что теперь пойдет со мной до конца. И еще я взял с собой Аденауэра, просто на всякий случай. Аденауэр показался мне достаточно мудрым человеком, так что мне хотелось, чтобы он понаблюдал и провел

аудит моих действий.

Назиговавшись, эсэсовцы уселись за длинный стол, на столешнице которого было вырезан оккультный знак — «черное солнце», потом все уставились на нас с фюрером.

Так… А вот теперь надо действовать стремительно, но аккуратно. С одной стороны, я должен опередить генеральскую хунту, с другой стороны — не повторить тактических ошибок, сделанных в Равенсбрюке.

Я прочистил глотку:

— Партайгеноссе! Можете оставить свои приветствия. Перед вами не фюрер. Этот человек — двойник.

Айзек смущенно кивнул, разоблачать себя ему было неприятно, но я не оставил актеру выбора. И Айзек, и Аденауэр сейчас находились здесь против своей воли, я притащил их сюда под стволами.

— Рейхсфюрер говорит правду, — подтвердил Гротманн, — Я лично занимался поисками этого двойника в свое время. Я его даже дрессировал быть Гитлером.

Эсэсовские шефы глядели на Айзека. Реакции — вообще никакой. Вот сейчас я имел дело с натуральными волками, эти охать и ахать не будут, эти даже удивляться уже давно разучились. Никто не проронил ни слова.

— Я не Гитлер, увы, — сказал Айзек, он как будто извинялся за этот прискорбный факт.

Аденауэр сел на стул возле стены и делал вид, что его тут нету.

— Мы можем узнать, где настоящий фюрер? — подал голос Эрнст Кальтенбруннер, начальник главного управления имперской безопасности.

Я теперь отлично знал всех моих подчиненных по именам и лицам. Память Гиммлера ко мне вернулась, после шока, пережитого в Равенсбрюке. Но вернулась не полностью. Например, я все еще не помнил ни гиммлеровскую любовницу, ни семью, ни, самое главное — секретного бункера в Тевтобургском лесу.

— Можете, — сообщил я, — Я убил его. Я убил Адольфа Гитлера.

Снова молчание. Снова никакой реакции. Дорого бы я заплатил, чтобы узнать, что сейчас происходит у начальников управлений в черепушках! Но по их лицам ничего понять было нельзя.

Кальтенбруннер чинно поднялся на ноги:

— В таком случае вы совершили государственную измену, рейхсфюрер. Я вынужден просить вас о моей отставке. Я не

намерен больше работать под вашим руководством.

Кальтенбруннер так и остался стоять, но его демарш никто не поддержал, больше желающих уйти в отставку не нашлось.

Оно и понятно. Кальтенбруннер всегда был фанатиком, и не слишком умным при том. А вот все остальные или достаточно трусливы, или достаточно умны, чтобы промолчать сейчас. Но и трусы, и умники могут воткнуть мне нож в спину сразу же после этого совещания.

— Я не принимаю вашу отставку, Кальтенбруннер, — ответил я, — Если хотите — могу вас только расстрелять.

— За что, рейхсфюрер? Я клялся на верность Адольфу Гитлеру, и я своей клятвы не нарушал. И да будет вам известно, что настоящий фюрер жи…

Грянул выстрел. Вот это уже не я, это Гротманн. Парень быстро учился у своего шефа, то есть у меня. Кальтенбруннер рухнул на пол, опрокинув стул, Гротманн добил его одним метким пистолетным выстрелом.

— Труп убрать, — привычно распорядился я.

Охранники тут же утащили Кальтенбруннера, осталось только кровавое пятно на столе.

— Есть еще желающие уйти в отставку?

Желающих не обнаружилось, эсэсовцы продолжали хранить свое загадочное молчание.

— А как насчет желающих занять должность покойного партайгеноссе Кальтенбруннера?

Неожиданно на ноги поднялся группенфюрер Мюллер, присутствовавший тут в качестве начальника гестапо.

На актера Броневого, игравшего Мюллера в известном фильме про Штирлица, настоящий Мюллер был совсем не похож. Он скорее напоминал более интеллигентную версию коменданта Равенсбрюка Зурена. Та же отмороженность в глазах, только без признаков тупости и алкоголизма.

— Я готов, если вы позволите, рейхсфюрер. И сразу же скажу присутствующим, если вы опять же позволите, рейхсфюрер: Кальтенбруннер перед смертью пытался рассказать нам про того Гитлера, который в Риме. Однако у меня, у гестапо, есть точная информация, что в Риме не Гитлер, а очередной двойник, сделанный по заказу Муссолини. А настоящий фюрер мертв. Это проверено.

Вот это да. Вот такого я точно не ожидал. Мюллер, похоже, оперативно разобрался в ситуации, даже начал выгораживать мою версию, чтобы услужить мне. Хотя вот Мюллер точно был в курсе, что Гитлер в Риме — настоящий Гитлер. Группенфюрер сейчас врал. Но врал в моих интересах, так что я милостиво кивнул.

— Я назначаю вас шефом главного управления имперской безопасности, группенфюрер. А касательно Римского Гитлера… Посудите сами, господа. Если бы тот же Кальтенбруннер был уверен, что в Риме настоящий фюрер, что настоящий фюрер жив — Кальтенбруннер бы уже давно выступил против меня. Вы могли заметить, как партайгеноссе Кальтенбруннер был предан Адольфу Гитлеру. Так почему он тогда не выступил против меня раньше? Это может быть объяснено только одним фактом — Гитлер в Риме был ненастоящим Гитлером.

Ну или же это можно было объяснить простой нерешительностью Кальтенбруннера. Кальтенбруннер, очевидно, меня справедливо опасался и тянул с выступлением против меня до последнего. Но эту версию я оставил при себе.

— Дайте мне пару дней, рейхсфюрер, и я порекомендую вам отличного преемника, того, кто может стать шефом гестапо вместо меня, — продолжал тем временем Мюллер.

Пару дней? Через пару дней Рейх будет уже не узнать. Я это понимал, и Мюллер тоже. Судя по всему, подонок теперь хотел командовать одновременно и главным управлением имперской безопасности, и гестапо, которое этому управлению формально и подчинялось.

Однако я согласился:

— Конечно, группенфюрер.

Мюллер сел. А я, наоборот, встал со стула и заходил по помещению. И прямо на ходу начал говорить, тщательно подбирая слова:

— Позвольте я обрисую вам сложившуюся ситуацию, мои верные друзья и соратники. В целом мир со Сталиным, Рузвельтом, Черчиллем уже практически подписан. Меня отстранили от переговоров с нашими противниками, все переговоры ведут Ольбрихт, Бек, Гёрделер — военная хунта, захватившая власть. Я убил Гитлера, но они воспользовались плодами этого убийства. Но мир, повторюсь, уже согласован, по моей информации его подпишут завтра. После перемирия хунта намеревается полностью разгромить наше доблестное ᛋᛋ, наша организация будет ликвидирована, вы все, и я тоже, окажемся вне закона, преступниками.

Вермахт развязал эту войну, Вермахт насиловал и убивал на захваченных территориях, Вермахт, наконец, эту войну проиграл. Все преступления — на Вермахте. Но свалят их на нас. Это требование антигерманской коалиции, под дудку которой теперь пляшет предатель Ольбрихт. Мы все будем убиты, повторяю. Решение хунтой уже принято.

Вы все наверняка уже слышали о моем визите в

концентрационный лагерь Равенсбрюк, о том, что я сделал, когда был там. И вы наверняка решили, что ваш любимый шеф Генрих Гиммлер сошел с ума. Однако это не так. Я не сошел с ума, уверяю вас, я просто действую на опережение. Наша задача сейчас — создать в Рейхе максимальный хаос. Хаос — залог нашего выживания. Мы должны создать внутри Германии такие проблемы для хунты, что она откажется подписывать мир с антигерманской коалицией, что она просто не сможет этого сделать.

И вторая задача: показать нашим внешним противникам, что именно ᛋᛋ — оплот гуманизма и человеколюбия, что именно с нами, со мной надо вести переговоры, а не с Ольбрихтом. Вот зачем я разгромил Равенсбрюк, зачем я освободил всех заключенных и приказал оказать им помощь, вот зачем я распорядился выдать оружие русским военнопленным.

Мы должны посеять хаос и сделать чистым наш образ в глазах Сталина и Черчилля. Ликвидация Равенсбрюка решает обе эти задачи. Но этого мало. Нужно ликвидировать ВСЕ концлагеря на территории Рейха, в том числе на оккупированной территории, нужно освободить ВСЕХ узников, и сделать это максимально гуманно, чтобы сберечь их жизни, а не так, как мы обычно делаем.

И нужно сделать это быстро, за два, максимум, три дня. И когда в Германии воцарится хаос, когда лидеры СССР, Англии, Америки обратят внимание на нашу деятельность — тогда и только тогда мы атакуем хунту, и мы её победим. И заключим свой мир. От нашего имени, на наших условиях.

И построим новую орденскую Германию, где черный орден ᛋᛋ будет править, как наши предки-тевтонцы когда-то правили Прибалтикой. Или так, или мы все мертвы, друзья. Решайтесь.

Я закончил речь, оглядел присутствующих. Вот теперь нацисты наконец заволновались, каждый думал тяжкую думу.

Первым среагировал все тот же Мюллер:

— Я подтверждаю информацию рейхсфюрера. Ольбрихт и Бек на самом деле близки к заключению перемирия с большевиками и англо-американцами. Все документы уже готовы, они будут подписаны со дня на день. И ликвидация ᛋᛋ тоже запланирована. Если мы будем бездействовать, то нас всех достанут прямо из кроватей и перережут, как в свое время ᛋᛋ перерезало штурмовиков Рёма.

Снова ложь. Мюллер повторил мою ложь, слово в слово и с самым авторитетным видом. Зачем? Но сейчас неважно. Важно, что эта ложь работает. И не имеет значения, что никакого мира с

Ольбрихтом никто не подписывал, да и никакой ночи длинных ножей хунта против ᛋᛋ не планирует.

Теперь поднялся начальник главного административно-хозяйственного управления Освальд Поль, за концлагеря формально отвечал именно он:

— Рейхсфюрер, простите. У меня не вызывает никаких сомнений политическая целесообразность вашего плана. Но практически перенести опыт Равенсбрюка на всю территорию Рейха и оккупированных нами территорий — невозможно. На это нет ресурсов. Наша экономика будет парализована, нам нечем будет кормить освобожденных заключенных, нечем будет подавлять их восстания, которые будут обязательно…

— Но я же сказал, — перебил я, — Восстания подавлять не нужно. Сейчас хаос — наше спасение. А пищу, медикаменты и все необходимое для бывших заключенных концлагерей вы раздобудете, я уверен в вас, дружище Поль.

Поль кашлянул:

— Еще раз простите, рейхсфюрер, но пищу мы можем взять только с оккупированных восточных территорий, а вы упомянули, что в виду скорого мира со Сталиным нам надо гуманизировать нашу политику в отношении русских… Кроме того, сама идея раздавать оружие бывшим заключенным…

— Еду и медикаменты отберите у Вермахта, — бросил я, — Арестуйте все их ресурсы, какие потребуются. Мы ᛋᛋ или не ᛋᛋ? Мы вернем военщину в стойло или сами пойдем под нож, как бараны? Нет, друзья, я все сказал. Я жду набросок плана по ликвидации всех концлагерей на всех территориях нашего Рейха через час. И каждый из вас должен принять участие, в своей зоне ответственности. Сейчас нужно действовать стремительно. Всё, совещание окончено.

Эсэсовцы не стали спорить, эсэсовцы разошлись. Кто-то теперь уже не мог скрыть искреннего шока, но большинство фюреров все еще пребывали в глубокой задумчивости. Один только Мюллер задержался, чтобы пожать мне руку:

— Я впечатлен вашем мужеством, рейхсфюрер! В очередной раз.

— Могу сказать то же и про вас, мой друг Мюллер.

Когда в помещении со мной остались только Айзек, Гротманн и Аденауэр, я прождал пять минут, в полном молчании, а потом подошел к телефону и набрал кабинет главкома Бека.

— Главнокомандующий на совещании, — доложил мне в трубке адъютант Бека, судя по голосу — близкий к панике.

Значит, началось. За эти пять минут кто-то из присутствовавших на моем собственном совещании уже успел

настучать хунте о моих планах. Наверняка именно Мюллер это и проделал. Кто больше всех зигует — тот обычно и предатель.

— Рейхсфюрер Гиммлер желает говорить с главнокомандующим немедленно, — потребовал я, — Сверхсрочная информация. Иначе я бы и звонить не стал.

— Я посмотрю, что можно сделать…

Людвиг Бек подошел к телефону через минуту. И слава Богу. Я больше всего боялся, что адъютант просто передаст трубку Ольбрихту или Гёрделеру, а с этими я каши не сварю.

— Генерал-полковник Бек слушает.

— Это Гиммлер. Гутен таг!

— Гутен?

— Ну для меня гутен, а для вас — не знаю. Вы в курсе про Равенсбрюк?

— В курсе, — холодно сообщил Бек, — Полагаю ваш поступок подлостью. За смелость и гуманность — уважаю. Но вы нарушили наши договоренности…

— Какие еще договоренности? Концентрационные лагеря — моя вотчина. Мы договорились прекратить казни и отпустить всех правых оппозиционеров на свободу, и я это сделал. А никакого указания оставлять в концлагерях всех остальных заключенных я ни от кого не получал.

— Это так. Но вы отлично понимаете риски дестабилизации…

— Это пока еще не дестабилизация, генерал. Дестабилизация будет позже, когда я ликвидирую еще десяток концлагерей. Вот тогда придет хаос. Крах экономики и последующий развал фронта. Вы не можете этого не понимать, вы же военный, профессионал. Вы уже знаете, какие приказы я отдал на моем совещании руководству ЧЧ, пять минут назад?

Последовало молчание, но недолгое.

— Знаю, — признался Бек.

— И кто же вам настучал? Мюллер?

— Неважно. Чего вы собственно хотите от меня? Я не могу это обсуждать без Ольбрихта, без Гёрделера, без Штауффенберга. Послушайте, я не могу говорить об этом вот так по телефону. Это просто невозможно. Приезжайте. Я гарантирую вам полную безопасность.

— Ага, ну конечно. Уже мчусь, генерал! Я ни секунду не сомневаюсь, что вы мне безопасность гарантируете, а вот в Ольбрихте не уверен. Ваш друг — человек нервный. И у него уже давно чешутся руки вздернуть меня на виселице.

— Это так. Ладно. Так чего вы хотите?

— Того же, чего и вы, Бек. Мира. Выполните условия Сталина,

отведите войска от Ленинграда.

— Невозможно. Ольбрихт никогда на это не пойдет.

— Ну так убедите его! Или я создам вам тотальный хаос в тылу. Сниму с фронта ᛋᛋ и брошу на Вермахт.

Бек вздохнул:

— Ну вы же отлично понимаете, что этот ваш приказ выполнен не будет, ни при каких условиях… Собственно, даже ваш приказ об освобождении всех заключенных концлагерей не будет выполнен. Вы это знаете. Вы блефуете.

— Ну тут два варианта: или приказ будет выполнен, или нет. Я уже практически мертвец, мне терять нечего. А вот вам стоит задуматься. Что если ᛋᛋ все-таки выполнит мои приказы? Тогда что будете делать? Посыпать голову пеплом? Вспомните еще, что Айзек у меня, и что я рассказал достаточному количеству людей, что он не фюрер, что мы с вами пудрили народу Германии мозги.

— Ну хорошо. А если я смогу убедить Ольбрихта принять сталинское предложение?

— Тогда я уйду, Бек. Я оставлю должность рейхсфюрера и министра внутренних дел, я передам ᛋᛋ в ваше полное подчинение. И делайте дальше со мной, что хотите.

Снова молчание. Бек явно раздумывал. Потом печально произнес:

— Разве я могу вам доверять?

— Можете. Вы же знаете, что я не Гиммлер.

— Знаю. Но все же…

— Я ни разу не пытался вас убить, генерал. Ни вас, ни ваших коллег. Хотя мог, сотню раз мог.

— Да, это справедливо…

— Решайтесь, генерал. Или мир для немцев, или полное поражение для немцев. Варианта победы нет, увы.

— Ну хорошо…

Бек подумал еще несколько секунд и только потом продолжил:

— Поклянитесь мне, что покинете должность рейхсфюрера и передадите нам ᛋᛋ в тот же день, когда мы отведем войска от Ленинграда.

— Клянусь. Слово офицера.

Хотя какое к черту слово офицера? Я же даже в армии не служил. Тем не менее, я сейчас твердо был намерен соблюсти мое слово. Клятвами не бросаются, тем более такими.

Бек полагал также, поэтому моим ответом удовлетворился:

— Хорошо. Я ничего вам не обещаю, но изложу ситуацию Ольбрихту немедленно. Изложу так, как описали её мне вы.

— Это всё, чего я хотел. Спасибо вам, генерал! До встречи,

надеюсь, мы встретимся в уже мирной Германии.

Я повесил трубку. Потом достал платок и протер лоб, платок тут же промок так, что можно было выжимать.

Ну вот теперь всё. Я сделал всё, что мог.

Потом я повернулся к Аденауэру, который все еще сидел в углу, с самым отсутствующим видом.

— Что вы обо всем этом думаете, господин Аденауэр?

Аденауэр брезгливо поморщился:

— Мне надо отлить, вот что. И спина болит, после поездок в ваших гестаповских машинах.

— Я про сложившуюся политическую ситуацию…

— Про неё я совсем ничего не думаю, господин Гиммлер. Никакой политической ситуации, собственно, и нету. Ольбрихт, конечно, скорее всего испугается и войска от Ленинграда отведет. А Сталин ударит этим войскам в спину. И будет прав, потому что никаких официальных мирных переговоров у вас с ним нет, как я понял. И война продолжится. Ваши приказы по ликвидации концлагерей выполнены не будут вообще. Их просто проигнорируют. Мюллер уже давно работает на Бека, а не на вас. В Равенсбрюке Мюллер всех освобожденных вами узниц, скорее всего, перевешает, как только вы умрете. А умрете вы в течение суток. Или от рук Мюллера, или от рук Ольбрихта, это уже все равно. Так что в отставку можете уже не подавать, вас отставят тем же способом, каким вы отставили беднягу Кальтенбруннера. Вот, в общем-то, и всё. Вообще я думаю, что вы сумасшедший. Ну и да. С этого момента никто, кроме вашего не менее сумасшедшего Гротманна, ваши приказы выполнять не будет. Вы себя просто вычеркнули из политической игры, только что. А теперь можно мне пойти отлить?

— Нет уж, потерпите еще минутку! — я рассвирепел, — Сперва скажите, что мне делать дальше!

Нервы у меня уже были вообще ни к черту. Казалось, что меня засасывает трясина, неумолимая и глубокая, и выбраться из неё я не могу. Я почему-то рассчитывал на похвалу Аденауэра, я понимал, что в лице Аденауэра я нашел себе мудрого советника, какого обычно находит любой попаданец. Проблема была лишь в том, что я начал действовать с этим советником не посоветовавшись…

— Что делать? — передразнил меня Аденауэр, подражая моему баварскому акценту, — Ну не знаю, херр Гиммлер. Приклейте бороду, бегите в Аргентину по подложным документам. Гротманна нарядите своей тетушкой и возьмите с собой. Ну или застрелитесь. Я не пойму, какого черта вы вообще заставляете меня давать вам советы? Я на такое не нанимался,

обратитесь лучше к вашему психиатру. Или к Тельману. Вы же и его сюда притащили, но с ним почему-то задушевных бесед не ведете.

— Тельмана я хотел немедленно отправить Ольбрихту, — вздохнул я, — Чтобы Ольбрихт вернул его Сталину в качестве жеста доброй воли…

Аденауэр сухо хохотнул:

— Можете с тем же успехом отправить Сталину вагон дерьма, герр Гиммлер. Когда это Сталина волновали судьбы европейских коммунистов? А знаете, что в этой истории самое странное? У вас в концлагере вообще-то сидит сын Сталина. Яков Джугашвили. Если ваши палачи его еще не убили, конечно. Я бы на вашем месте вернул без всяких условий Сталину именно Якова. Меня удивляет, что этого до сих пор не сделано.

Вот черт. Черт, черт, черт!

А ведь и правда. Про сына Сталина знал и я, и Гиммлер знал, но эта информация просто вылетела у меня из головы.

Я поглядел на Гротманна.

— Боюсь, ничего не выйдет, рейхсфюрер, — сообщил Гротманн, — Сын Сталина и правда мертв. Покончил с собой, месяц назад.

Ясно.

Вернуть что ли Сталину тело? Или это, наоборот, расстроит Иосифа Виссарионыча? Я решил, что лучше все же пока сохранить смерть сына Сталина в тайне от отца.

Я уже был близок к полноценному нервному срыву и набросился на Аденауэра:

— Всё, что вы сказали, господин Аденауэр, это, конечно, верно. Но вы не учли одного! У меня в Тевтобургском лесу в бункере припрятан артефакт, по линии Аненербе. Мистический артефакт, который может все перевернуть! И ход войны и мою личную плачевную ситуацию. Как вам такое?

Такую дичь Аденауэр даже не удостоил ответом. Просто хмыкнул, самым презрительным образом.

— Отвечайте! — потребовал я.

— На что отвечать? Что вы от меня хотите? Почему не даете старику спокойно сходить отлить, а потом поехать домой слушать моего любимого Вагнера? Ну хорошо. Предположим на секунду, что вы не сумасшедший. Помните, что это не так, вы на самом деле психически больны, просто давайте предположим, что нет. Ради мысленного эксперимента. Предположим также, что у вас в бункере и правда есть мистический артефакт. Когда вы его положили в бункер?

— Секретный бункер существует с 1937 года, — подсказал

Гротманн, — Я не знаю, что внутри него, но с 1937 года ничего нового туда не привозили. Вот это мне известно.

— Ну и что? — вознегодовал я, — Что вы имеете в виду, Аденауэр?

— А вот что. Артефакт у вас с 1937 года, так? А сейчас 1943. И если за это время, за которое напомню, у нас началась мировая война, вы вашу поганую мистику так и не достали из бункера, так и не использовали — то вывод только один. Она бесполезна.

Вот блин.

А ведь он прав. Трижды прав во всем! Я совсем пал духом.

— Ну а теперь решайтесь, — дал мне Аденауэр последний совет, — Вам уже надо или бежать из страны, или стреляться. Ибо времени мало. Кажется, если задержитесь тут еще минут на десять, то вас тут и кончат, в лучшем случае. В худшем — Мюллер вас будет пытать, чтобы выяснить, куда вы дели настоящего Гиммлера. Он сделает это немедленно, как только получит добро от Ольбрихта. И можно меня уже уволить с поста вашего советника, херр Гиммлер? Не так, как вы уволили Кальтенбруннера, а по-настоящему, чтобы я пошел домой?

Бывшее здание Главного управления СС, *современное фото.*

***Кальтенбруннер**, начальник Главного управления имперской безопасности (RSHA) СС. В реальной истории повешен в 1946 по приговору Нюрнбергского трибунала.*

***Мюллер**, начальник тайной государственной полиции (гестапо). Бесследно исчез 1 мая 1945, дальнейшая судьба неизвестна. По самым распространенным (но неподтвержденным) версиям после падения Рейха покончил с собой, либо бежал в Южную Америку, либо тайно работал на американские или советские спецслужбы.*

Nota bene

Книга предоставлена Цокольным этажом, где можно скачать и другие книги.

Сайт заблокирован в России, поэтому доступ к сайту через VPN. Можете воспользоваться Censor Tracker или Антизапретом.

У нас есть Telegram-бот, о котором подробнее можно узнать на сайте в Ответах.

* * *

Если вам понравилась книга, наградите автора лайком и донатом:

17 мгновений рейхсфюрера – попаданец в Гиммлера